

НУЛЕВЫЕ НА КОНЧИ КЕ ЯЗЫКА

Гасан Гусейнов
Краткий путеводитель
по русскому дискурсу

| Издательский дом ДЕЛО |

НУЛЕВЫЕ НА КОНЧИКЕ ЯЗЫКА

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Гасан Гусейнов

Нулевые на КОНЧИКЕ ЯЗЫКА

Краткий путеводитель
по русскому дискурсу

Издательский дом «Дело»

Москва · 2012

УДК 80
ББК 87
Г96

В оформлении книги использованы
рисунки *Андрея Коняева*

Гусейнов, Г.
Г96 Нулевые на кончике языка: Краткий путеводитель по русскому дискурсу / Г. Гусейнов. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. — 240 с.

ISBN 978-5-7749-0715-1

Эта книга — дневник наблюдений над речевым поведением нулевых годов XXI века, представленный в форме словарных очерков.

Для специалистов и тех, кто изучает русский язык.

ISBN 978-5-7749-0715-1

УДК 80
ББК 87

© ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2012

Гасан Чингизович Гусейнов
Нулевые на кончике языка:
Краткий путеводитель по русскому дискурсу

Выпускающий редактор *Е. В. Попова*, редактор *А. С. Куренная*
художник *В. П. Коршунов*, оригинал-макет *С. Д. Зиновьев*

Подписано в печать 17.05.2012. Формат 84×108/32. Гарнитура ПТ СериФ Про.
Усл. печ. л. 12,6. Тираж 2000 экз. Заказ № . Изд № 188

Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82–84.
Коммерческий отдел: тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02, com@anx.ru,
www.delo.ane.ru

ОАО «Типография „Новости“». 105 005, Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46

Содержание

- С каким акцентом говорит Москва? · 7
- Адольф, Марксэн и Ивмонтан · 15; Акцент, с которым говорит Москва · 18; Афророссиянин или негр? · 21
- БАБ, или Борис Абрамович Березовский · 25; Беларусь и Белоруссия, но не трактор · 26; Блоггер против блогера · 30; Боевик и силогарх · 33; Больной на всю голову · 36; Буква Ё · 37
- Вебдваноль прощается с десятилетием вебтринолью · 41; Викиликс, или Грамматика протечек · 43; Власть · 47; Воспретить и запретить, или Почти синонимы · 50; Встречка · 55; Вуузела, или Жужжание ножного мяча · 58
- Гемор, гимор, гимарой · 61; Год тигра · 63; ГУЛаг · 63; Давайте не будем — как объяснить это советское еще выражение? · 66
- Дауншифтер и Фанни Каплан · 70; День Победы · 73; День святого Валентина, или Год Тигра · 76
- Евро, или Гендер · 79; Егэшники, олимпиадники и другие безбилетники · 82
- Железнодорожноподслушанное · 85; Женщина без названия · 86
- Инкультурировать христианство · 89; Инновации, или Модернизированный инноград · 92
- Катехизнуть и отмиссионерить · 94; Кризис, или О том, как чухонец посрамил лицо кавказской национальности · 97; Крыша и карман · 98; Кто крайний? · 100
- Латы, или Балтийская политэкономия для русских украинцев · 103; Ленинка · 103; Лондон, или Прямой эфир · 105; Любовь к Родине начинается с семьи · 107

СОДЕРЖАНИЕ

- Масса Том · 109; Мат, или Бумеранг · 110; Медвепут, или
Тандем · 115; Мочить в сортире и выковыривать · 118
- Нанотехнологии · 119; Не нра, или Сюсюканье · 126;
Некошерные жиды · 130
- Отрешение, или На основании подпункта «г» · 133
- Падение Берлинской стены · 136; Папа, ты с кем сейчас
разговариваешь? · 138; Педофильское лобби · 140;
Перезагрузка, или deer-low-messy · 144; Пиндостан · 147;
Полиция вместо милиции · 150; Поставщик двора Его
Императорского Величества · 152; Практически · 155;
Пробки и пенсионеры · 155; Прописные буквы · 158;
Пыжик, или Почему у автомобилей такие странные
прозвища · 162
- Расклещик · 166; Рисайклинг, или Хомо инкурватус требует
понимания · 169; Руккола с пармезаном · 173
- Смайлы, смайлики, лыбики · 177; СССР, или Наука побе-
ждать · 180; Сталин и сталинизм-2010 · 183; Стоп-лист,
или Проверка на вшивость доменной зоны РФ · 192;
Съесть вашего президента, или О месте Януковича
в пищевой цепочке российского премьера · 195
- Тильзит против Советска, или О том, как может выглядеть
мирная дорога на Кенигсберг · 197; Товарищ, или О том,
как скоро стало вновь приемлемо и возможно это
обращение · 200
- Уничтожить · 205
- Филолухи, или Почему языком занимаются
до математики · 207
- Хам и его язык · 210
- Цифровой век, или О том, как двадцать первый век прощается
с книгой · 214
- ЧВС: МХКЛАПКВ · 217
- Чичеринский зеленый и коса Тимошенко, или О путешествиях
русских слов в немецкий язык и обратно · 219
- Эйяфьятлайокудль · 223
- Явка с повинной, или Состав без события · 227
- Алфавитный указатель · 233

С каким акцентом говорит Москва?

А СПИНОЙ остались не двухтысячные, а нулевые. Почему? Потому что их так называли. Наступили — десятые? Прежде чем искать имя для нового десятилетия, надо бы научиться склонять числительные. Или это не обязательно? В две тысячи одиннадцатом году шестьдесят шесть из трехсот тридцати миллиардов слов были написаны с ошибками. Пока что в России склонять числительные разучились. Не все, конечно. Кое-где хорошие учителя требуют от своих деток назубок заучивать правила произношения и написания числительных. Но в массе своей — разучились.

Ни одна редакция газеты или журнала не сможет выполнить без ошибок простейшее упражнение для школьников 6 класса. Что-то существенное изменилось в массовом отношении к языку. Именно за последние десять лет. Одни думают, всему виной техническая революция, которая вернула язык в предписьменное состояние. Короткие резкие тексты в сети — это и устная, и письменная речь, и картинка, и видеоклип, и песенка в стиле рэп. Здесь не до грамотности. Чтобы правильно понимать неграмотного, нужно хорошо знать грамоту. И не одну, а целых две или три — грамотность грамотных, ленивая безграмотность малограмотных, нарочитая неграмотность грамотных.

А ведь искать особое значение в цифрах и числах свойственно человеку. Головой понимаешь, что каждый год (а также день и миг) уникален, единствен и неповторим. Но особые сочетания четных и нечетных чисел (1991), зеркальность их расположения (2002), обилие нулей (2000) — всегда было основанием даже для не очень суеверного поискать в порядковом номере года особый знак.

Главным событием начала XX века был для России год 1917-й, главным событием конца века — 1991-й. И в начале, и в конце века называли эти даты уважительно, склоняли — правильно. Как начинается один из самых популярных русских романов двадцатого века? Правильно: «Велик был год и страшен год тысяча девятьсот восемнадцатый».

Но вот проходят первые десять лет с начала нового тысячелетия, и вдруг выясняется, что цифровой барабан в головах даже как бы грамотных носителей русского языка стал давать сбои. Плохо переключаются граждане с какого-нибудь привычного «тысяча девятьсот мохнатого года» на какой-нибудь «две тысячи свежий». Что происходит?

Вспомним некоторые фильмы последних лет, в которых обыгрываются крупные исторические вехи. Блокбастер Владимира Хотиненко «1612» широко рекламировали как раз под названием «Шестнадцать Двенадцать». Иностраннный триллер «2012» называют «Двадцать Двенадцать» (или «двадцать-двенадцать»), и слова эти уже не склоняют. Название компьютерной игры «Метро 2033» не только произносится в обиходе «двадцать-тридцать три», но и записывается вот как: «Метро 20/33» (Илья «Мэддисон» Коровин). Студент, родившийся в начале 1990-х годов, объяснил мне, что так оно и понятно, и не напяржно.

Как будут говорить — «в году двадцать десять», «до наступления двадцать одиннадцать», «накануне года двадцать двадцать пять»? Или все-таки по ста-

рым правилам — «в две тысячи десятом», «до наступления две тысячи одиннадцатого», «накануне две тысячи двадцать пятого»? Есть смысл задуматься об этом хотя бы накануне старого нового две тысячи десятого года. Не нужно быть нумерологом, чтобы понимать: неправильно называющий форму предмета вряд ли понимает его содержание.

В эти годы повзрослело поколение людей, для которого цифры значат не то же, что для родившихся в середине прошлого века. Для студента, родившегося в самом начале «лихих девяностых», «двушка» — это двухкомнатная квартира. А для меня — двухкопеечная монета, которой хватало на не ограниченный по времени разговор по телефону-автомату. Для него трешка — трехкомнатная квартира или третья модель БМВ, а для меня — три рубля, на них в начале 1970-х можно было в такси минут за двадцать доехать от центра Москвы до кольцевой в любой ее точке. Кстати, и МКАДом ее тогда нормальные люди не называли, целиком выговаривали слово «кольцевая».

И квартиры так пренебрежительно не называли. Но за два десятилетия сменился большой цифровой код. Оказывается, у разных поколений не только двушки и трешки разные. Мы по-разному метим время.

Вот они, наши нулевые: слова для их обозначения — двухтысячный, две тысячи первый, две тысячи второй и так далее — оказались не по зубам юным дикторам телевидения и радио: не заглянув в бумажку, в большинстве случаев не умеют наши телепузики правильно просклонять числительные. Уже и цензуру отменили, и снова ввернули в мозги, но склонение числительных спасти не удастся.

А ведь это не только форма, но и содержание: века и десятилетия и наполнены у нас по-разному.

Век девятнадцатый современные европейские историки — вслед за Осипом Мандельштамом и Ильей

Эренбургом — считают, наоборот, длинным: он начался в 1789 году, с Великой французской революцией, а закончился в 1914-м, с залпами Первой мировой. Зато исторический XX век и в Европе считается коротким, хоть и интенсивным: он завелся только в 1914-м, с началом Первой мировой войны, а закончился в 1989-м, с окончанием третьей мировой войны — холодной в Европе, США и Японии, горячей в Индокитае, Африке, на Большом Ближнем Востоке. Примерно там же — между 1917 и 1991 годами — уместился и закрылся и короткий советский век России.

Стало быть, провожая первое десятилетие календарного XXI века, мы, согласно европейской политической хронологии, уже не первое десятилетие будем месить грязь двадцать первого века. Весь вопрос в том, как долго нам ее месить. Не хочется, а приходится помнить, что предыдущие столетия дали России ужасные десятки годы: в XIX веке Наполеон взял Москву. В двадцатом — и того хуже: сначала Первая мировая война, а потом революция и война гражданская. Так что со словосочетанием «десятилетия» связаны крупные неприятности. Неприятности, зашитые в язык историей, а не мистикой чисел. Это значение десятых годов часть населения России и сопредельных стран успела усвоить за девяностые и нулевые. Неужели с нулевыми окончательно отстегнется в бездну двадцатый век, закрытый лихими девяностыми? И позади останутся десятилетия, из которых только одно общезначимо в России и за ее пределами для всех — сороковые. «Сороковые, роковые» (Давид Самойлов, 1961), потому что Гитлер только чудом не взял Москву.

А тридцатые — индустриальные, раскулаченные, расстрельные, сталинские?

А пятидесятые, они — оттепельные? А может быть, правильнее назвать их термоядерными?

А шестидесятые — космические и кукурузные, хрущевские и новочеркасские, пражские и самиздат-

ские? Или у нас оно, как и на Западе, было десятилетием сексуальной революции?

А семидесятые — застойные? Дефицитные? В конце 70-х все смеялись над анекдотом, что Брежнев войдет в историю как мелкий политический деятель эпохи Аллы Пугачевой. Может, это было десятилетие анекдотов?

А восьмидесятые — афганские? Перестроечные? Десятилетие «Солидарности» и падения Берлинской стены? Последнее десятилетие СССР? Пока не разобрались и с этим.

Каким будет ключевое событие наступающих десятилетий, пока не знает никто: кто-нибудь обязательно внесет свои две копейки на какой-нибудь новый найн-илевен. Хотя всякое время переходное, нельзя не испытать чувства рубежа и некоторой робости перед такими числами. И страхи эти были всегда. И потому не только у каждого века, но и у каждого десятилетия свой язык и свой разговор о числах. Первое десятилетие минувшего века — 1900-е — называли «девятисотыми». А наши двухтысячные уходят в историю как годы нулевые. Получается, что в начале прошлого века было ожидание чего-то большого, а у нас за спиной остается что-то промежуточное, начальное, как бы и не совсем бывшее. И еще — как раз из-за несвойственной языку формы выражения — как бы не совсем свое.

С числами и числовыми метафорами в языке нулевых произошли новые, не вполне объяснимые события. Сто пицот (для ясности: сто пятьсот) говорят на жаргоне нулевых о чем-то, чего очень много. Отчасти потому, что не могут выговорить сто тысяч пятьсот (100 500). Сто пудово говорят в значении «наверняка», «сто процентно». Что шестисотый можно сказать о чем-то очень дорогом и солидном, понятно: так говорят по аналогии с 600-м «мерседесом». Можно объяснить торжеством новой визуальности и «сто

пятьсот». Но вот почему «пудами» заменили «проценты», остается загадкой.

Ясно, что и даты не просто наборы абстрактных цифр, а особые числовые имена. В каждой стране их произносят на свой лад. О многозначных двушке и трешке оказалось легче договориться, чем о несклоняемых двадцать-десять, шестнадцать-двенадцать: чтобы договориться об их значении, нам достаточно произносить слова по общим для всех правилам. Кто не верил, что между умением правильно выговаривать числительные и пониманием времени, в котором живешь, есть прямая связь, тот и получил вместо двухтысячных — нулевые.

Адольф, Марксэн и Ивмонтан

Однажды осенью середины нулевых меня в «Живом Журнале» зафрендил (потом, правда, почему-то сразу расфрендил) один веселый человек — изготовитель открыток с потешными текстами. На одной было напечатано: «Экскаваторщик Петров немного обижен на своих родителей за то, что те дали ему такое странное имя — Экскаваторщик». Смех смехом, а ведь и в самом деле, какие только слова ни идут у людей на имена.

Многие думают, что это только в 1920–1930-е годы некоторых охватило такое умопомрачение, что вместо человеческих имен детям давали заковыристые аббревиатуры, образованные то из первых слогов фамилий классиков марксизма-ленинизма (Марлен, Марксэн, Лентрош), то из названий, получивших особый политический смысл (женское имя Лагшмивара получилось из «Лагеря Шмидта в Арктике», а мужское имя Оюшминальд — из выражения «Отто Юльевич Шмидт на льдине»). Когда сегодня составляют каталоги таких имен, их часто принимают за пародию, вроде булгаковского Полиграфа Полиграфовича.

Но суровая правда жизни побивает все ухищрения даже самых талантливых шутников. Поэтому пишу я это не для того, чтобы лишний раз позубоскалить. Наоборот. Ведь акт наречения ребенка — дело серьезное. Даже совсем простые, традиционные имена или фамилии иной раз отторгаются самими их носителя-

ми. Бывают случаи поразительные, о которых в пору книги писать. Вот сменил человек скромную фамилию Савенко на Лимонов. Тут как тут набежали пародисты и ну выводить в своих сочинениях кто Апельсинова, кто Ананасова, кто Изюмова. Хотели осмеять, а получилось-то ровно наоборот: писатель посерьезнел, пародисты, оказывается, к вящей славе его руку приложили, из канареечной фамилии Дон Кихот новой эпохи вырос. А почему так получилось?

Но сначала одна история. В 1956 году в Советский Союз приезжали знаменитые французские артисты Ив Монтан (настоящее имя Иво Ливи) и Симона Синьоре (настоящая фамилия Каминкер). И вот в одном подмосковном городке в один день в одном роддоме у двух родных сестер — бывают такие совпадения — появились на свет у одной мальчик, у другой — девочка. А бабушка в ЗАГСе работала. И записала она два имени: мальчика назвали Ивмонтан, а дочку Симонасиньоре. Потом сестры разъехались по разным городам — мама Моти уехала на Волгу, а мама Симы на Урал. Запись в паспорте Ивмонтана я видел своими глазами. А кузина имя поменяла и стала Серафимой. Ивмонтану пришлось довольно туго. После 1968 года певец стал в СССР персоной нон грата, а названный в его честь мальчик даже французского языка не знал. Мотя довольно упрямо отдувался и за мамину любовь к артисту, и за еврокоммунизм, а также за прочие глупости, которые приходили в голову кадровикам. И хотя в обиходе он для всех так и остался Мотей, заветная запись в паспорте Ивмонтан каким-то непостижимым образом грела ему душу.

Почему так получилось? Но сначала еще одна история. Самое загадочное для меня имянаречение имело место в еврейских семьях в конце 1930-х — середине 1940-х годов. О страданиях самих носителей этих имен говорить не буду: одному из них удалось убрать из имени А, и он просто стал Дольфом, а другой так

и остался Адольфом. Мне очень хотелось встретиться с родителями обоих знакомых, чтобы спросить, чем именно они руководствовались, когда делали своих сыновей тезками главного истребителя еврейского народа. Конечно, у меня было одно простое предположение: в конце концов, ведь и Гитлера назвали в свое время просто модным тогда в Европе именем. А любимый дедушка кого-то из «моих» Адольфов, может быть, вполне заслуживал того, чтобы в его честь был назван внук, невзирая ни на каких бесноватых фюреров.

Действительность, однако, и тут победила бескрылую фантазию. Отец первого моего Адольфа, недавно овдовевший пенсионер республиканского значения одного южноуральского города, рассказал мне, что в 1937 году его горячо любимая жена, комсомолка и ударница, прочитала роман Бенжамена Констан «Адольф». И влюбилась. Когда в 1939-м родился их первенец, другого имени для мальчика начитанная молодая мать, ушедшая в начале тридцатых из, как тогда говорили, отсталой религиозной семьи, и знать не хотела.

Но самый удивительный и все расставивший по своим местам ответ подарил мне отец другого Адольфа — простой московский переплетчик, ухитрившийся назвать этим именем сына в 1946 (тысяча девятьсот сорок шестом) году. Ответ переплетчика состоял из пяти слов. Вот они:

— Я хотел спасти честь имени.

В самом деле, что может сделать маленький человек? Оказывается, немало. Переплетчик Х смог вернуть в мир порядок. Нарушенный неправильным носителем имени. Сейчас, когда говорят «Иосиф», широкие народные массы больше думают о Бродском или Кобзоне, чем о патроне их родителей, в честь которого в 30-е годы и были названы оба певца. Имя живет своей жизнью с каждым новым человеком.

И обращается к своим носителям за пониманием: и у меня есть честь. Независимо от того, что там себе напридумывали родители. Вот режиссера Марлена Хуциева назвали в честь Маркса и Ленина, а художника Марксэна Гаухмана-Свердлова — в честь Маркса и Энгельса. Хорошие дети своих родителей и талантливые люди, они не стали менять имена, а просто прославили их своим искусством.

Сейчас эпоха новых необыкновенных имен возвращается. Наряду с такими невероятно популярными в последние годы старинными Дарьей или Анастасией, которых так много среди двадцатилетних, попадаются носительницы имен, взятых из мировых бестселлеров. Толкиенисты дают дочери имя Меллин. Спрашиваю мальчика Гарри, в чью честь его назвали, неужели Каспарова? Нет, говорит, кто такой Каспаров он не знает, а назвали в честь Гарри Поттера.

Акцент, с которым говорит Москва

Когда пересекаешь на поезде границу между Швейцарией и Германией, обращаешь внимание на удивительное поведение пограничников и таможенников: они подходят либо к явной шантрапе, либо к респектабельным господам и дамам, каждая деталь в одежде и багаже которых вопиет о своей, как гласила в советские времена табличка у ресторана «Арагви», высшей наценочной категории. Конечно, я слышал о перевозке богатыми уклонистами от налогов чемоданов с миллионами в швейцарские банки и обратно, но никогда не видел, как выглядит охота на эту категорию граждан. Выдавать профессиональных приемов не буду, сами подглядывайте. Но вот что сказал мне один из пограничников в ответ на прямой вопрос.

— С бродягами понятно: если человек дня два не мылся и спал в одежде, лучше уточнить, что это за птица. А вот когда семейная пара, место которой

явно в первом классе, едет вторым, это может быть интересно.

— А на акцент обращаете внимание?

— Тут у всех какой-нибудь акцент. Персонала не хватит. Европа — это ж Вавилон.

Когда я был молодой, носил на голове черную папаху. Настоящую остроконечную мохнатую вонючую пастушью шапку, чтобы не снимать которую, входя в метро, я не наклонялся, а приседал на корточках. Это был кайф, потому что, не увидев под папахой наглой 19-летней морды, мне иногда уступали место в метро. А вот милиционеры — останавливали. Тогда, в 1970-х годах, да и несколько позже, когда останавливали и без папахи, московские стражи порядка сразу отпускали меня: московский выговор был главнее внешности. А вот великий философ Мераб Мамардашвили рассказывал, что московские милиционеры больше интересовались его легким грузинским акцентом, чем благообразным академическим видом и соответствующими корочками.

Для меня все изменилось в середине 1990-х годов. Говорят, именно в это время в Москве появилось много милиционеров с Северного Кавказа. Которые различали людей не по говору, а только по фенотипу. И муржили с проверкой документов. К началу нулевых милиционеры останавливали по другим признакам.

— По каким? — спрашиваю добродушного сержанта.

— Ну, там, одежда, глаза, зубы, руки, корточка. Тебе-то что?

— А акцент?

— Да какой акцент, он двух слов сказать иногда не может. Это ж Вавилон.

Из дальнейших распросов выясняется, однако, что сержант умеет распознавать до десяти различных акцентов — помимо трех южнокавказских — армянского, грузинского и азербайджанского, различает среднеазиатские, молдавский, литовский, эстонский.

В отличие от московской или ленинградской интеллигенции 1970–1980-х годов, которая слышала в южнорусском говоре или разнообразных акцентах признак культурной отсталости, а то и умственной неполноценности, милиционер 2000-х из Калужской губернии смотрит на вещи трезвее. Но и он не слышит того, что режет слух так называемым старым москвичам.

Когда едешь в метро, рекламу читают дикторы с советской еще выучкой: сценическую речь сдавали по полной программе. Голоса — как у Ольги Высоцкой и Игоря Кириллова. Несут, правда, рекламную око-лесицу.

— Ой, но ведь на таком правильном, на таком нормативном, с таким орфоэпическим подъемом, что я иногда не бегу по эскалатору, а просто стою и слушаю, — признается возбужденная коллега. — Потому что телевизор включать боюсь: актеры все с каким-то блатным акцентом говорят непонятным, дикторы слова правильно не «ударят», всё с оттяжкой, с эканьем после каждого слова. Кто все эти люди?

Вот ведь какая вещь получилась. Исследователи языка проглядели за минувшие десятилетия такое важнейшее явление, как акцент. Какой он у кого, как к какому акценту относятся люди? Вот про немцев известно, к примеру, что большинство из них тепло относится к баварскому и не любит саксонского — за то, что на нем говорили Вальтер Ульбрихт или Эрих Хонеккер. А что у нас?

Одни охотно рассказывают, как они, приехав в Москву, избавляются от своего говора, логопедов нанимают себе и детям, чтоб не выделяться. Другие — из потомственных москвичей, не заморачивающихся вопросами языкознания, — потихоньку усваивают словарь, интонацию, стиль речи приезжих. Особенно когда те становятся большинством в микрорайоне. Москва у всей России под горой, как говорит Даль,

при котором Россия граничила с Афганистаном и Австро-Венгрией. Но такой миграции не было, наверное, никогда прежде. Чтобы ориентироваться в этой новой реальности, филологам надобно учиться у милиционеров. Кое для кого обидный вывод, ага.

Афророссиянин или негр?

Один и тот же человек может называться по-разному. Все зависит от того, где он в данный момент находится. Выходец с Кавказа, например, некоторыми в России будет описан как «черный». А попади он в Африку или в Америку, и его назовут «белым». Дальше — больше. В каждой стране есть люди, и, возможно, их даже большинство, которые пользуются при описании других людей грубыми традиционными прозвищами. СМИ стараются эти прозвища не употреблять и как бы воспитывают в этом духе людей. Но далеко не все согласны видеть в СМИ коллективного воспитателя. Нужна просто ясная картина происходящего. Например, того, что происходит в политическом языке. А тут бывают очень трудные случаи, с которыми наука и политика справляются из рук вон плохо. С «негром» это как раз такой случай.

В США несколько десятилетий не утихает борьба с языковой дискриминацией. В чем смысл борьбы за — сейчас будет труднопроизносимое! — недискриминационное словоупотребление? В том, чтобы носитель языка научился не узнавать в называемом человеке его пол, цвет кожи или волос, разрез глаз, особенности выговора или увечье. Человека нельзя назвать «инвалидом» или «слепым», потому что это морально его припечатывает. Нельзя назвать «черным», потому что «черное» в западной культуре хуже «белого». Вообще упоминать цвет кожи собеседника или третьего лица означает для носителя языка произвольную дискриминацию. И тогда придумали слово

«афроамериканец». Тут не обошлось без логической несуразицы: это понятие припечатывает человека как раз не как американца, а как выходца из Африки, хотя конкретные негры могут и не хотеть, чтобы их вдруг начали ассоциировать с Африкой, откуда их прародителей привезли в Америку иногда на несколько поколений раньше, чем каких-нибудь «евроамериканцев», которых, кстати, пришлось придумать для симметрии. Значит, вместо традиционного «черного», или «негра», американцы придумали политкорректное, не жальщее, не оскорбительное слово. Мы поняли, почему они его придумали. Но вот зачем его употреблять и после того, как население отучилось видеть в человеке с темным цветом кожи «чернокожего», «негра», «черного»?

Как поступить с политкорректным словом по миновании надобности в нем? Этот вопрос не проще, чем вопрос о хранении отработанного ядерного топлива. Политкорректное с точки зрения сегодняшнего нейтрального указания на происхождение человека, оно этим актом прописки «американца» в Африке вместо метки «цвет кожи» просто подсовывает другую метку: «историческая родина», «культурная идентичность». Пометив бывших белых как «евроамериканцев», а бывших черных как «афроамериканцев», борцы и борчихи с дискриминацией сегодня уравнивают эти группы населения на общей географической шкале. Но они не могут предвидеть, какие словесные последствия вызовет укоренение такого метода образования новых политкорректных слов завтра.

Мой неполиткорректный попутчик по электричке на прямой вопрос, как он относится к тому, что в США президентом избран афроамериканец, ответил так:

«Ну какой он, на хуй, негр?! Он же по-любому белый, просто смуглый, отец там, то-сё. У нас ваще непонятно, кто отец. Не по жене же считать. А у Обамы, говорят, и акцента негритянского нету. Белая кость!»

Поскольку я воспитан в духе уважения к так называемому простому человеку, то и к его политологическому анализу, пусть произведенному средствами простого языка, предлагаю отнестись со всей серьезностью. Обратим внимание на то, что слово «афроамериканец» мой собеседник перевел на политкорректное русское слово «негр».

Завезенное в XVII веке в Россию из Франции, это слово до настоящего времени широко ходит в разговорном языке в трех основных значениях. Первое — переносное: у нас «негром» называют преимущественно человека, выполняющего за кого-то трудоемкую и плохо вознаграждаемую работу. Второе значение — человек с очень темным цветом кожи, возможно, выходец из Африки. За годы холодной войны окрепло и третье значение — «чернокожий житель США, которому отказано в гражданских и политических правах». В последние несколько десятилетий, когда до России стали докатываться западные дебаты о политической корректности, негров, живущих в России, некоторые стали называть «афророссиянами». Там, где каждый — сам немножко «негр», который и хочет зажить, «как белый человек», но ему вечно что-то мешает, эта политкорректность воспринимается не как американское, а как советское идеологическое изобретение. Вроде «лица кавказской национальности».

В Америке из одной вежливости надо говорить так. Судя по дискуссиям в Рунете, многие иммигранты из бывшего СССР там страдают от невозможности выплеснуть на своих соседей все свои расистские представления. А говорящим по-русски у себя дома, в метрополии, преодолевать приходится свои, а не чужие комплексы. А тут «негр» как раз политкорректнее «афроамериканца» и уж тем более «афророссиянина». Даже и говорить не буду о единственном нашем как бы настоящем афророссиянине — Пушкине,

который назвал себя ни много ни мало «безобразным потомком негров». А если в России негр — это часть самосознания солнца русской поэзии, большого труженика, кстати, то и ясно, что политолог из электрички поступил совершенно правильно, переводя заморского «афроамериканца» политкорректным русским «негром». Американскому же автору вполне законно будет нашего «негра» переводить на свой язык как «African American». Именно этот социально-исторический подтекст русского слова и имеется в виду по-русски, когда слово «негр» употребляется не в значении «пашущий задарма как Папа Карло».

Да, расизм присутствует в русском речевом обиходе. Просто выражается он не словами «негр», «монгол» или «чеченец». Перевод «негра» в «афророссиянина» лицемерно перерубает другую связку — с тем расистским речевым подпольем, где обитают «элкаэны» и «чурки», «черножопые» и «чичи», «жиды» и «узкопленочные», не допущенные в СМИ, но вполне живые в устном обиходе. Черноволосого кавказца афророссиянином не назовешь. Стало быть, тем, кто желает непременно следовать правилам политической корректности, надо не обезьянничать перед старшим братом по разуму, а искать что-то свое.

Исторический смысл политкорректности состоит в постоянном отыскивании более правильных на данный момент слов взамен менее правильных. О том, что бывает, когда торопятся, напоминает старый анекдот: вместо пословицы «незванный гость хуже татарина» решили внедрить пословицу «незванный гость лучше татарина». Ясное дело, политически некорректным остается объявить само слово «татарин». Но если человек — татарин, то ему такое обращение с этим словом вряд ли понравится, а смысл непolitкорректной исторически укорененной пословицы ему объяснят в школе, школа как раз для ответов на такие вопросы и существует.

Итак, переводя на современный русский язык высказывание моего попутчика, делаем вывод. Говоря о президенте США Бараке Обаме, мы не называем его «негром» не потому, что тот там у себя, за океаном, — «афроамериканец», а потому, что он не «негр». Для нас, внешних наблюдателей, Обама как раз просто «а-ме-ри-ка-нец». Как американское ухо не слышит в его речи «негритянского акцента», так русскому глазу не виден цвет его кожи. Ведь не напоминают Жириновскому, что он — «сын юриста»? Значит, могут, когда захотят!

БАБ, или Борис Абрамович Березовский

Слово баб в русском языке нулевых годов применяется в двух значениях. Первое — это родительный падеж множественного числа слова «баба» — грубовато о женщине. Второе значение — ставшее существительным так называемое ФИО (фамилия, имя, отчество) Березовского Бориса Абрамовича. Вместо заметки о нем процитирую только одну живожурнальную запись подслушанного разговора двух россиян, путешествовавших по Германии в дни, когда сообщили об убийстве в Лондоне бывшего агента спецслужб и предположительно соратника опального олигарха Александра Литвиненко.

Итак, 18 декабря 2006, на перегоне Ганновер — Браншвейг.

- Ну почему все-таки не сразу БАБ?
- Не, БАБа никак нельзя.
- Ну почему?
- Вечный жид он.
- А русского человека можно?
- Русского человека всегда можно. (Пауза.) Тем более хохла.

Беларусь и Белоруссия, но не трактор

Это история о том, как министры юстиции двух государств пытались отменить правила русской орфоэпии и орфографии.

Когда министры юстиции Российской Федерации и Республики Беларусь к концу нулевых годов договорились, что в официальных документах обоих государств Белоруссия будет отныне называться Беларусью, они приняли не одно, а два с половиной решения. Одно — политико-правовое, и оно полностью в компетенции государственных деятелей. А вот другое решение, я бы сказал, историко-филологическое. Предлагается некое обновление, некое обогащение языка. Как оно воспринимается, почему инстинктивной первой реакцией, например, председателя союза журналистов России было заявление об отказе от употребления старо-нового слова? Разве, ее, Беларуси, не было в русском языке? Была — и не только в имени старого советского трактора. Да и вообще, в России полно людей, которые считают белорусский язык диалектом русского и ни за что не смогут отличить белорусскую речь от трясянки, от говора полешуков или даже от русской речи с белорусским акающим акцентом. Так почему бы, если белорусам (или беларусам) так уж этого хочется, не внести в наши, русские, словари названия страны в более близком им, беллрусам, написании и звучании.

Вопрос этот не так прост, как кажется. Потому что язык — самый коварный из предметов собственности. Особенно родной. Когда другие говорят на нем не так, как мы привыкли, некоторым кажется, что у них уведят жениха или невесту. Стерпеть невозможно. Это касается, конечно, только своего языка. На чужом — говорите, как хотите. Чем дальше друг от друга отстоят языки, тем легче переносятся нововведения. Переименовали в Индии Бомбей в Мумбай, а Калькутту в Кол-

кату. Это то же самое, что перестать называть роман Вальтера Скотта «Иванхоэ» и называть его «Айвенго». И то, и другое — чужие имена. Но вот в 1970-х годах всем тогда еще советским гражданам вдруг велели вместо русского имени африканской страны «Берег Слоновой Кости» пользоваться непонятным словом «Кот д'Ивуар», для написания апострофа в коем некоторым приходится и сегодня переключаться на латиницу. Ни тогда, ни потом никто и не пикнул: Кот, так Кот. Но стоило вместо Киргизии появиться Кыргызстану, вместо Алма-Аты — Алматы, а вместо Таллина — Таллинну, как в душах носителей языка вспухло раздражение. Почему Кот Непроизносимый не задевал, а столица братской Эстонии одной неслышной буквой — как скипидаром под хвостом обожгла? Объясняется все это больше политически, чем лингвистически. Пытавшиеся бить картой «законов русского языка» знали, что карта — крапленая. Все объяснялось не абстрактными нормами языка, а нежеланием менять свое название на чужое. Берег Слоновой Кости и в виде Кота Дывуарыча никому и даром не нужен. А вот Таллин, Алма-Ата и Киргизия были все-таки нашими общими городами и странами. И тут малейшее прегрешение против русского благозвучия, или даже только привычного благозвучия, или даже только того, что кажется привычным и благозвучным, перестает быть переносимым. Соображения политической корректности, может быть, и требуют употреблять форму, рекомендуемую соседями. Но тут вступают аргументы из нового витка дискуссии: почему крошечная страна, зажатая между Россией и Балтийским морем, так «комплексует» из-за концевое удвоения «н» в имени Таллинн, а французы или немцы даже не интересуются, как их столицы называют в России.

И наоборот, в составе России строгий русский язык разрешил Якутии остаться еще и Сахой, хотя, кажется, склонять ее по законам якутского языка и не полага-

ется, Калмыкии — еще и Хальмг Танчем, а Башкирия и Татария остались Башкортостаном и Татарстаном.

Получается, что политические обстоятельства и политкорректность вступают в ненужный конфликт с такой трудно поддающейся анализу материей, как чувство языка. Но взаимное уважение среди носителей нескольких языков, живущих в одной стране, зависит от взаимного права называть друг друга по-разному. Трудно ездить по маленькой Бельгии человеку, не знающему истории. Со стороны Фландрии франкофонный Льеж (Liège) на указателях будет называться Lujk'ом, со стороны Германии Lüttich'ом, и это еще не все: по-валлонски он и вовсе Lidje. Вас приветствует Лемберг, Львів, Львув и Львов. Пусть сегодняшнее государственное название одно — Львив, историческая память города включает и все остальные. Как бы тщательно ее ни стирали в надежде, что языковое единство может быть гарантом единства политического, обязательно найдется кто-то, кто доскребется до неожиданного исторического слоя. Кто мог в середине 80-х годов XX века подумать, что на стены Львіва-Львува-Лемберга-Львова и Вильнюса-Вильны-Вильно вернутся надписи на языке идиш?

Но почему бы и белорусской Беларуси и русской Белоруссии не вписаться в эту схему?

В ответ на мою просьбу 10 студентов-филологов написали название этой соседней братской республики. Один из них подарил мне еще и четвертый вариант — «Белорусь». Написания-победителя не было. Трое из десяти написали Беларусь. Один объяснил свое написание тем, что на тракторе «Беларусь» работал его дед. Едва ли рекомендации министерства юстиции основаны на этом тракторном воспоминании. Но послушаем сначала аргументы тех, кто предлагает русским писать вместо Белоруссия — Беларусь.

Белоруссия — особая страна, в которой говорят на нескольких близких языках. Но если Беларусь в Бе-

ларуси — тоже русское имя, то почему бы России не поместить и это имя в свой лексикон в этой вот близкородственной форме, хорошо знакомой по общему трактору, а кому-то и по литературному журналу, выходившему в Минске в советские годы, почему не обогатить свой язык, переведя в разряд русской нормы московского государства вариант братского соседа — белорусов-беларусов? Тем, кому кажется, что родной язык принадлежит им по праву воспитания, образования, культуры, как воздух или луна. Метеочувствительным носителям языка кажется, что на их глазах падает последний виртуальный бастион, который они могли бы защитить. А происходит не просто официальное признание конца эпохи, лингвополитическое закрепление обидного роспуска СССР 1991 года. Признание министерства юстиции России — это запоздалый призыв к началу новой эпохи, которой принадлежит теперь и обновляющийся русский язык.

Что же мешает сопротивляющимся?

Советская Белоруссия была другим государством, чем новая постсоветская Беларусь, это так. Но вот оба имени и стоят теперь рядом. Одно — чуть-чуть впереди, другое — под сенью исторической памяти. Но в Беларуси (понятной русскому уху) чуть-чуть впереди стоит Беларусь, а в России чуть-чуть впереди стоит Белоруссия. И мы можем сказать, почему: потому что соединительная гласная «о» здесь важнее политической корректности. Потому что Белорусский вокзал и белорыбица, потому что белокурые и Беломорье. А Беларусь не русское слово, и не вполне понятно, что ему делать в официальных документах, написанных на русском языке. Эпидемическое распространение безграмотности на фоне игры с падонковским олбанским может, чего доброго, внушить некоторым слабонервным носителям языка мысль, что и эта форма знакомого слова — от удаффакома, но тогда ударения оно потребует на «а», а не на «у», как

в знакомой русскому уху аббревиатуре БелАЗ или как в слове стеклярус.

Русским, у которых с белорусами общий язык, приятно и полезно выучить это новое имя — не чужие, но для этого совершенно не обязательно забывать свое — прекрасное имя Белоруссии. Пересекаешь границу Белоруссии и начинаешь звать ее Беларусью, приезжаешь в Минск — зовешь его Менском, становишься двуязычным.

А трактор «Беларусь» был моим ровесником. И скупая мужская слеза заставила меня поморщиться и отвернуться от монитора, когда я узнал, что Минский тракторостроительный завод изменил не только имя, но и пол своей выдающейся машины, которая с недавних пор называется «Беларус». У меня есть права на управление этим транспортным средством. Но за руль «Беларуса» я не сяду ни-ко-гда.

Живой человек со слабостями.

Приехавшие в 2011 году в Москву магистранты из Башкортостана признаются, что всякий раз, как слышат «Башкирия», будто кто-то им пощечину дает: колониальная оплеуха! Значит, чувство это, вполне осознанное, что вот задето главное — имя твоей страны как твое имя, — воспитывается всего за несколько школьных лет. И поэтому вряд ли не уйдет.

Блоггер против блогера

И все-таки, как правильно — блогер или блоггер? Нет бы и в этом вопросе взять пример с англичан и американцев. У одних program, у других programme. По-русски тоже вот «грамматика», но «грамота». Иначе говоря, и в более простых случаях плюрализм торжествует. Но многим хочется однозначности.

У нас дома имелось трехтомное издание «Записок Пиквикского клуба» начала 30-х годов, с комментариями Густава Шпета. Книгу почему-то никому

не полагалось показывать. На обложке было напечатано Чарлз Диккенс. В отрочестве я считал эту смешную опечатку единственной причиной хранения книги под замком, но был сурово одернут: Густав Шпет на первых же страницах комментария объяснял русскому читателю, что написание «Диккенс» противоречит правилам русского языка. Русский философ всерьез хотел просветить народ. Но ни в большом, ни в малом желании Шпета не суждено было сбыться. Предложенное им грамотное написание имени Чарльза Диккенса не прижилось, и правильным осталось не совсем грамотное. Правда, предложи кто-нибудь авторитетный это написание сегодня, его, может быть, приняли бы с распростертыми объятиями. Просто до Диккенса никому нет дела, хотя в Рунете вечная борьба бобра с ослом, который раньше был козлом, идет вполне по Диккенсу. Так вот, условные грамотные ослы требуют писать слово блоггер через два «г», условные грамматичные козлы — через одно.

Грамматично, конечно, максимально приспособить заимствованное слово к правилам родного языка. А поскольку нас учили в школе, что некоторым согласным, в том числе «г» и «к», не положено удваиваться, то и слово «блоггер» не должно быть исключением из правила. Если основа слова — «блог», сетевой дневник, то ведущий его человек и должен называться просто «блоггером». Вот и «хакер» почти мгновенно вытеснил «хаккера», дав сетевому юношеству поиграть с «хацкером».

Но и у сторонников написания «блоггер» есть аргументы. Во-первых, говорят они, ссылаясь на всезнающий Яндекс, русский язык заимствовал готовое английское слово «блоггер», а вовсе не полуфабрикат для него. Изучая пульс блогосферы, мы увидим, что блоггер явился миру в 2001-м, а блоггер — спустя три-четыре года.

Мало того, если бы сначала появился блог, то из него русский человек изготовил бы, конечно, никакого не «блогера», а, как правильно пишет блоггер Михеев, «бложника». По привычной модели «сапожника» или «бражника». Почему Яндекс на вопрос про «бложника» вежливо переспрашивает, не «бражником» ли я интересуюсь? Потому что тут и в самом деле засада: по сходству звучания, принудительно вызывающему посторонние ассоциации, «бложник» находится между «блажью» и «ложью». А ведь блог, говорят нам, тем и отличается от СМИ, будь они казенные или независимые, что ведущий его человек предельно искренен. Если блоггер и привирает, то от полноты чувств. А так он субъективно честен. Вот почему «бложник» не пришелся.

Тем временем блоггер, как знают сторонники этого написания, остается родственником вовсе не «хацкера», а двух других иностранных слов, укоренившихся в русском обиходе с сохраненным двойным «г», — диггера и триггера.

Еще несколько лет назад диггеров было в разы больше, чем блоггеров. Подражая своим европейским собратьям, российские диггеры обшаривали подземелья больших и малых городов, искали станции-призраки московского метро или библиотеку Ивана Грозного.

О триггере же и говорить нечего. Хотя не все блоггеры знают о его существовании, но именно этому простейшему кибернетическому устройству люди в конечном счете обязаны тем, что могут заводить блоги и находить свое место в сетевой жизни.

В силу особенности произношения, над которой часто неловко шутят в России, вторую «г» диггеры и триггеры естественным образом теряют в украинском языке. А вот в русском она вполне на месте.

Не вышло с Диккенсом, не вышло с диггером, не вышло с триггером, не выйдет и с блоггером: в отличие от всяких механических флюгеров и багеров,

блоггеры создают новую реальность, а удвоение буквы в слове остается до поры до времени знаком общественного признания. Или самоуважения. Торопиться и проглатывать в блоггере второе «г» преждевременно. Вариативно живем.

Боевик и силогарх

Какие бы захватывающие события ни происходили в мире, серьезные газеты не жалеют времени для, казалось бы, вопиюще пустяковых вопросов. Взять колонку о языке Бена Зиммера, которая еженедельно выходит в «Нью Йорк Таймс». Зиммер обсуждает такие вещи, как время появления у слова cool значения «клевый», «прикольный», «отличный», «невозмутимый». Выяснив, что началось все с джаза в сороковые годы, что таким вот cool могло быть исполнение, потом — сам исполнитель, что из жаргона джазистов слово в новом значении попало в молодежный лексикон, оттуда — во всеобщий словарь «мирового английского». И в другие языки в другой форме, вроде русского слова куль н ы й, но автор интересуется языком-источником. И замечает, что неколебимым осталось и другое значение, в котором слово по-прежнему применяется так же широко: «прохладный». Когда сказано о ветре или воде, cool — просто прохладный. Когда о произведении или о манере поведения — это что-то другое. Не все ли, однако, равно, появилось это дополнительное значение в 30-е или в 40-е годы XX века? Например, до мировой войны или после нее? Для страхового агента, переводчика или адвоката, изучающего документы с материальными последствиями, совсем не все равно: анахронизм в такой мелочи может стать уликой. Но не слишком ли это изысканно для политической газеты? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим еще несколько примеров.

Колумнист немецкой «Зюддойчецайтунг» Герман Унтерштегер охотно разбирает языковые просчеты собственной газеты. Как и в России, СМИ в Германии, например, нередко бездумно или для заострения подменяют слово «убийство» словами «казнь» или «расстрел». Читатель давно привык и не протестует. Филологу понятно, что эта привычка влечет за собой некоторые последствия для всех. Кто-то ему не верит, да еще и хулит почему зря. Почему? Потому что от экспертизы по естественным наукам читатель обычно ждет нового знания, а вот безъязыким себя даже и не помнит. Поэтому за колонку об этом своем самом старом знании некоторые читатели берутся просто в надежде получить подтверждение собственным представлениям. А если повезет — прояснение смутных предчувствий.

Если колумнист, пишущий о языке, не столько объясняет, сколько сам вместе с читателем удивляется, что родной язык, оказывается, не менее иностранный, чем любой другой, возможен скандал. Вот слово «откат» — откуда оно? Просто калька американского к и к б э к а , и, таким образом, заимствованный экономический термин, или это наш вклад в мировую политэкономическую мысль? Как *sputnik* или *glasnost*? Пока не совсем понятно.

В начале июля в своем блоге Анна Вржина заметила, что русское слово «фейл», сравнительно недавно заимствованное из английского (от глагола *to fail* — терпеть неудачу, проигрывать), все чаще употребляется у нас как междометие. Если верить колумнисту НЙТ Бену Зиммеру, то этот глагол в самом английском на наших глазах превращается именно в междометие. А может, уже и родитель русского фейла был междометием, пока не отмеченным в словарях языка-источника? Об этой новой сетевой функции старого глагола Зиммер написал в своей колонке в НЙТ год назад.

Ну, не глагол, а междометие, скажет кто-нибудь, какая разница? Смысл ведь не меняется? Оказывается, все-таки меняется. Просто это не всем и не сразу заметно. Одно дело, когда «непруха» и тебе «не поперло» или когда «невезуха» и тебе «не везет». Совсем другое, когда сам «не допер», сам «не вывез». Так бывало и с другими словами.

В России 1980–1990-х годов нечто похожее случилось со словом «совок». Сначала это существительное употреблялось как бранный сокращенный синоним сокращенного же названия страны — Советский Союз. Со временем «совок» сменил свою формальную принадлежность и стал применяться в значении «по-советски», как универсальное восклицание-отмычка. Но то, что объясняет все, не объясняет ничего. Останься «совок» существительным для сниженного обозначения распавшегося государства, он бы, может, и не вышел из употребления. Но инфляции междометием слово не выдержало и *выпало* из обихода. Эпик фейл.

Иногда колумнист вынужден давать советы. Например, как писать имена иностранных лидеров или обозначать явление, от которого осталось одно название. Немецкая журналистка Соня Цекри в своей колонке *«Богатые, но политически беззубые»* уже в 2008 году советовала немцам больше не говорить «Oligarchi». Их и по-русски называют то аллигархами, то силогархами. Пусть и миллиардов, и миллиардеров стало больше, чем было в 1990-х, все же в конце нулевых это прежде горделивое самоназвание все менее основательно: политического влияния у миллиардеров все меньше. Но и поднявшиеся «Silowiki» олигархами не станут: слишком их много, уж больно напирают голодные коллеги, а все силовиками быть не могут, кое-кто уходит в *Bojewiki*. Вывод колумнистки из анализа значения красивых слов, недавно вошедших в лексикон немецких СМИ, кому-то может

показаться странным: модернизация государства неизбежна, в своем прежнем виде оно вряд ли просуществует долго. Почему? Да потому что не хватает общезначимых слов для описания и главных участников политической сцены, и режима их взаимодействия. Поисками таких слов-сигналов тоже заняты филологи, состоящие на службе у газетчиков.

О текущей политике или об оттенках значения любого слова трудно добиться одинаковых мнений. Когда считать воду холодной, прохладной или теплой, каждый решает для себя сам. А вот граница между прохладным и крутым видна очень четко. Нащупывание такой вот более четкой границы — это прообраз поиска истины в больших политических делах. Вот почему серьезная политическая газета хочет, чтобы ее читатель побольше думал и спорил о языке. На котором газета написана, и о котором она пишет.

Больной на всю голову

Эта заметка — из подслушанного в электричке, или *железнодорожноподслушанного* (см.). Вместо объяснения, в каких случаях и почему люди употребляют то или иное выражение, иной раз — грубое только на поверхности, а по сути вовсе не такое страшное, повнимательней вчитаемся в эпизод проводов 2008 года.

Компания проводила старый год на даче, едет в город допровождать, потому что еще конец 20-х чисел декабря.

Сколько их едет, не совсем ясно: кто-то уходит в тамбур покурить, потом подсаживаются другие люди.

Луком, рыбкой копченой пахнет, пиво, может быть, шампанское, всего не разглядеть, но все ароматное.

Судя по лицам, пьют редко, а по одежде — жизнью довольны. Вроде все собрались. Впятером. Выпивают и закусывают тихо. Вдруг слышу крик.

Ж 30+ обращается к М 30+:

— Ты же больной, блять, на всю голову! Ты мне шпроты на дублинку рассыпал! Ну масло же, блять, не сойдет!

Скандала, однако, не возникло. Добродушный малый (М 30+), спортивший дублинку, встает и негромко обращается к пассажирам:

— Граждане! Я хочу сделать всем хорошее настроение!..

Ж 30+ (втрое громче) — Не ори!!

М 30+ (тихо) — Нет, ну кто орет? Я хочу сделать всем хорошее настроение...

Ж-2 30+ (низким голосом, весомо) — Ебанát блять.

М 30+ (обиженно) — Ну почему?

Ж 30+ — Ж-2 30+ — Ой, Марин, не трогай его. Хочет у всего вагона посмешищем быть — пусть, блять.

М 30+ (подбоченясь и заметно радуясь полученному разрешению) — Ну так вот. Господа! Мне от вас ничего не нужно! Позвольте, я хочу вас поздравить с наступающим, с наступающим...

Ж и Ж-2 силком усаживают М 30+ на лавку, все вместе собирают остатки еды и питья, потому что следующая остановка — «Киевский вокзал».

Буква Ё

Когда в англо-американском сообществе преподавателей и любителей русского языка SEELANGS начался спор, почему американцы обычно едят картошку в мундире, а в России картошку предпочитают чистить, я призадумался: большинству участников кажется, что ответ совсем простой и лежит близко-близко. Некоторые даже признают, что не все в Америке едят картошку с кожурой и не все в России с нее эту кожуру срезают перед тем, как поджарить. А уж горе-кулинаров, у которых в почищенной перед варкой картошке остаются глазки, а картофельные очистки в полпальца толщиной, таких и вовсе гонят от ведра или кастрюли. Понятно, что найти общий язык с теми,

кто обычно картошку вовсе не чистит, дело трудное и неблагодарное. Дай, думаю, спрошу у коллеги.

— Yo-тоyo, да что тут думать-то! — написал мне русский коллега, давным-давно живущий в Америке. И тут я сразу подумал о другом: а ведь и за эту самую букву «ё» в последние десять лет идет настоящая война.

— Слушай, спрашиваю, а как бы ты написал вот это вот «yo-тоyo»?

— Так бы и написал...

Пауза. Задумался. А потом говорит: «Да через е, в общем, достаточно. Нету такого выражения е-мое, а есть йо-мойо. Если только для ясности, для тех, кто языка толком не знает».

Грамотные люди недоуменно пожимают плечами: ну, да, ну вот ударения еще бывают — можно поставить. В самом деле, не все ведь знают, как правильно произнести, например, слово послушник или оптовый, напасти или обеспечение. Вот вместо правильного «холёный» давно уж произносят и пишут «холёный». Что значит тут слово «правильный»? Только одно: говорящий ó п т о в ы й, н á п а с т ь или о б е с п е ч ё н и е выдает в себе или иностранца, для которого данный язык не родной, или человека не вполне грамотного, владеющего только просторечием, языком социальных низов. Такому человеку ударения и трема над е нужны не только для понимания слова в данном контексте, а для понимания слова вообще.

Грамотному носителю языка ударения обычно не нужны даже в хрестоматийной ситуации «ключи от замка́» или «ключи от за́мка». Человеку, читающему про себя вслух и не лезущему в словари, поскольку он вовремя не был обучен обращению с оными, без ударений в омографах никак не обойтись. Такому до конца жизни будут понятны только книги, печатаемые для младших классов нерусских школ. Газеты и вот этот вот Интернет, увы, не для них. Здесь действует ценз, или код доступа.

Когда в конце XVIII века «букву ё» волевым решением вводили, а с 1942 года волевым решением освежали и насаждали, обстоятельства были отчасти похожими на нынешние. Это было время, когда сложившееся грамотное сообщество должно было ответить на вызов быстро растущего круга носителей языка, которые в языке этом не вполне тверды. Весь вопрос, в каких масштабах грамотное правящее сообщество готово предложить менее грамотному растущему большинству профилактические протезы. Рассчитывать на то, что малограмотные сами научатся говорить как положено, не приходится. Как быть? И вот тут начинается самое интересное. Оказывается, общество расслоено не только на грамотных и неграмотных. Оба эти сообщества подразделяются и на две другие группы, скажу для простоты, — щедрых и жадных.

Щедрые неграмотные не делают вид, что и они типа грамотные, а от собственно грамотных ждут, что те как-нибудь им помогут. Но при этом знают они цену и тому устному речевому богатству, которым владеют без всякой грамоты. Они всегда готовы поделиться с самыми забубенными грамотеями, не требуя себе взамен ничего — ни ударений, ни тремы над е.

Жадные неграмотные, наоборот, требуют сугубого внимания к своему увечью. Книжки для них, ёксель-моксель, надо печатать самым крупным кеглем, при малейшем подозрении лепить букву ё, чтоб легче было, ёж-твою-мышь, клювом щелкать, речуги толкать, дуришь людям голову. Вы ж их и сами, ёлки-моталки, видите каждый день, когда вперяете взор в телевизоры. Вот они сидят, наши куколочки, глазками незаметно поводят, а губки вроде сами трудные слова произносят. Вам и невдомек, что в головках этих, может быть, даже опилок нет. Буква «ё» — это их буква, ёкэлэмэнэ! Вы слышите это в тот самый момент, когда они раскрывают рот без суфлера.

Вот глядя на них и слушая их, грамотные люди тоже разделились на скупых и щедрых.

Покровитель щедрых грамотных — Александр Солженицын. Еще до высылки в 1973 году в Швейцарию требование А. И. С., чтобы сочинения его печатались с буквой «ё», исполнялось неукоснительно. В видах народного просвещения создал борец и писатель «Словарь языкового расширения». Солженицынская «буква ё» — почётная представительница тех, других, вычищенных из языка реформой 1918 года букв — ятя и фиты, «и» с точкой да ижицы. Девиз щедрых грамотных: «Дайте же всем всё!» Солженицынская буква ё — это та азбучная капля воды, в которой соединилась его мечта о местном самоуправлении — земстве — и мечта о правде без различий, одной на всех. Щедрому неграмотному большинству легко добиться взаимопонимания с щедрым грамотным меньшинством.

Гораздо труднее неграмотному жадному меньшинству, когда оно остается наедине с грамотным скупым меньшинством. Предводителя скупых грамотных читатели знают и без меня. Это, конечно, Артемий Лебедев, гуру веб-дизайна, которому полный словарь живого великорусского языка тридцать три поколения писателей татуировали-татуировали, да на самом видном месте и вытатуировали. Правда, изнутри — не прочитаешь. Лебедев ни в грош не ставит грамотея щедрых и до слез обижает жадных малограмотных. Да еще по матушке их охаживает. Поздно, говорит, для вас, недоумки, недобукву эту расставлять. Ах, вы болели, когда это в школе проходили? Ах, вы аттестат купили? Ну а мы-то при чем? Жади́на-говя́дина, турецкий барабан, кто — уж так и быть, перейдем на суровую прозу — продолжения не знает, тот и болван.

Горькая, но полезная правда. Ее не скрывают от своих читателей и издатели. Скупость в данном случае — жест простого самосохранения. Но и тем из вас, друзья, которым без «ё» так плохо живётся, открыты

все пути: учите матчасть. Дресс-код. Код доступа. Пока о таких вещах думаешь и пишешь, картошки мог бы и начистить, и нажарить. Пусть она и не всем понравится.

Вебдваноль прощается с десятилетием вебтринолью

Всего пару лет назад нужно было объяснять даже слово «вебдванольный». К десятилетию Ленты. Ру мы толковали этот продукт англо-русской лексикологической любви так:

Вебдваноль (ж. р., от англо-русского web 2.0 — термина, авторство которого принадлежит Тиму О’Рейли) — Интернет новых возможностей, которые с середины нулевых годов включают все более активное массовое взаимодействие пользователей в Сети со все менее известными им людьми и все менее понятными информационными потоками, главным из которых, однако, остается сам пользователь, его прошлое и нынешние финансовые возможности. Техническая основа для блогосферы и социальных сетей. В СМИ и внеблоговых тусовках слово может употребляться как междометие со значением «бери выше», «ну ты понимаешь». Вебдванольный — относящийся к вебдваноли, а также «интерактивный», «современный», «новый», «понтový», «с неясными приятными последствиями». Паронимическая близость к таким словам, как «гиньоль» и «канифоль», создает вокруг слова дополнительный ореол — в диапазоне от аромата паяльника до запаха только что распакованного нового электроприбора.

Казалось, что новая техническая основа для интерактивных социальных сетей будет приобретать все больший вес; что частный человек, наконец, сможет поднять голову и возвыситься над непрозрачным миром государства, бизнеса и этих вечно поучающих умников.

И вот все снова оказалось сложнее. Вебдванольный мир обеспечил сетевое человечество возможностями для нон-стоп диалога, а вот человечество офлайн-овое столкнулось с небывалым ростом не только детских флешмобов, но и организованной преступности. Вот пример. К десяткам тысяч ненасильственно негодующих студентов подключаются банды молодчиков, хорошо обученных тактике городской партизанской войны, и легко парализуют самый пригодный для жизни город. И пока вебдванольная герилья — это самый мягкий вариант коллективных действий.

Поначалу сторонники полной свободы словоизвержения только радовались. Ведь отныне можно непосредственно услышать, что думает каждый. Форумы и соцсети стали выдавать себя за всемирный стетоскоп. Только приложи ухо — и ты услышишь дыхание народа. Но очень скоро выяснилось, что с вебдванолью вышла промашка, привычные пропорции навоза и жемчуга, а также меда и дегтя оказались нарушены. Оказалось, что завзятый вебдванольщик действует более или менее по одной схеме. Например, прочитает какой-нибудь мужичок, что в России по статистике много абортотв на душу населения приходится, и тут же пишет коммент: «Вранье и русофобия! Аффттар лох, ведь вот я, к примеру, никогда аборт не делал». И поди возрази. Когда технология сделала возможным (или возможной?) вебдваноль, появились шутки и шуточкы: веб 1.0 дал юзеру контент, веб 2.0 впустил юзера делать контент без спросу, а уж в вебе 3.0 этот контент станет ожившим трехмерным продуктом коллективного разума многих юзеров, после чего, на четвертом или на пятом витке, этот самый контент придет за черепом юзера.

Очень скоро вебдванольщикы начали жаловаться. Дело, оказывается, не в том, чтобы все и всегда вываливалось повсюду, дабы каждый мог сам подобрать себе нужное с этой вселенской ярмарки помойки (не-

нужное зачеркнуть). Оказалось, что для подбора самого важного и нужного как раз и потребны специально обученные своему делу люди.

Вот и понадобилась вебтриноль. Управляемая аристократия как вестибюль к чаемой демократии. Экспертные сообщества, которые по-прежнему открыты всем, но в которых не дают слова каждому. Оказалось, что нужен код доступа. Не такой, что, дескать, я не машина и не животное, а человек. Настоящий такой, что-то вроде аттестата зрелости или справки из виртуального психдиспансера. Конечно, и такие справки можно подделать. Но риск ведь есть во всяком деле.

Мораль вебтриноли, однако, в другом. Чтобы быть услышанным, здесь говорят тихо. Некоторые зоопсихологи утверждают, что оглушенная популяция, еще вчера не желавшая добровольно снимать наушники, сама запросит тишины. Как сказано в профильном жж-сообществе под названием «Лучше молчи», «сейчас все стали жирные и умные, прерода умерает». Чтобы не сделать этот роковой шаг вперед, нужно было хоть кому-нибудь сделать два шага назад.

Вебтринольные проекты начались с блогов при СМИ, с журналов Сноб. Ру и Слон. Ру, в 2010 появились видеопроекты антитеlevisionа, говорящего на свободном, но политически корректном языке — без пропаганды речевым насилием, без пропаганды речевого насилия, без пропаганды насилия, без пропаганды. Такой социальный *дауншифтинг*.

Викиликс, или Грамматика протечек

Как многие догадываются, некоторые страны преследуют Джулиана Ассанжа вовсе не за его дела, а за его слова. Богатство русского языка для обозначения англо-австрало-американского глагола *to leak*, возможно, мешает нам понять всю остроту восприятия новизны после того, как создатель сайта WikiLeaks

сообщил остальному миру, какую именно информацию его детище leaked, или по-русски говоря, просочило или слило в мировые СМИ.

Согласно словарю Мерриам-Уэбстер, глагол to leak — непереходный: нечто может только просочиться, но вот просочить ничего нельзя. А Джулиан Ассанж явочным порядком сделал его переходным. Ну, не он первый, но все равно интересно, почему. В одном из ключевых обращений нового Робин Гуда прямо сказано «как просачивать информацию» — «how to leak information». Чтобы понять это мелкое грамматическое изменение — превращение непереходного глагола в переходный, — необходимо обратить внимание на его семантику.

В теории и практике протечек знаем о похожем словоупотреблении и мы в России. Чуть-чуть в другой форме. Например: «На меня протекли соседи». Или: «Извините, мы на вас протекли: ребенок в ванне плескался». Или: «Его ушли (с работы)».

Когда живешь под крышей или под соседями, всегда есть угроза протечек. Событиям, описываемым этим словом, обязательно присущи такие признаки:

- протечка есть кратковременное нежелательное перемещение жидкой субстанции, оставляющее при высыхании долговременные следы на твердых поверхностях, а иногда и разрушающее твердое тело, впитавшее нежелательную влагу;
- протечка обычно происходит без всякой провокации со стороны живущего этажом ниже и не по злему умыслу живущего этажом выше;
- протечка наглядно демонстрирует все конструктивные недостатки сооружения и свойства всех материалов, примененных для строительства и декорации, а иногда и для проведения санитарно-гигиенических мероприятий (известны случаи, когда в радуге на потолке выявлялся цвет шампу-

- ня, используемого жильцами протекающей квартиры);
- протечка, таким образом, является бытовым иносказанием известной формулы «умножающий познание умножает скорбь». Ведь протечка содержит реальную субстанцию, реальную информацию.

Но для превращения непереходного глагола в переходный этого мало. Должна измениться роль субъекта протечки. Как только из невольного виновника тот становится активным организатором события, он и приобретает право менять грамматическую норму.

Когда Ассанж услышал запрос общества и понял, что оказание этому обществу своевременных информационных услуг принесет больше пользы, чем вреда, он и стал употреблять глагол to leak как переходный. В значении русского слова слив.

Многочисленные болтуны от политики пугают население, что, мол, в горячих точках станет опаснее. Что, мол, непоправимый урон будет нанесен двусторонним отношениям, которые-де вот только-только начали налаживаться. А президенту США даже придется несколько недель висеть на телефоне.

Но затушевать ту новизну, которую несет миру Джулиан Ассанж, уже не удастся. Ведь какой именно запрос общества удовлетворяет проект разыскиваемого Интерполом господина, по-новому использующего слово to leak? Этот запрос называется очень просто: встречная жажда.

Олимпийские боги — в лице современных государств — семерки, восьмерки, двадцатки — когда с согласия, а когда и без согласия граждан научились собирать о каждом отдельном человеке неимоверный по разнообразию и глубине объем информации. Заказывая биометрический паспорт или банковскую карточку, каждый из нас с потрохами отдается государству, а через государство — концернам, банкам,

страховым компаниям. Все это — сверхчувствительная для каждого из нас личная информация, которую заливают на страховые карточки и прочие чипоносители.

Тут говорить о сливах, утечках или протечках даже не приходится: это Ниагара информации. Злоупотребляют ли этой информацией ее новые обладатели? Еще как. Хорошо известно, что эффективных методов борьбы ни с такими злоупотреблениями, ни с протечками вовсе не существует.

Признание этого факта сохранилось в традиционном обозначении неба как тверди, а осадков — как протечек различной этиологии. Например, древние греки считали дождь мочой Зевса. Стекая с Олимпа горными ручьями, она мало-помалу превращается в «слезы нимф». Этот путь от мочи, которую проливает Зевс, к слезам, которые проливают нимфы, прослеживается и в сообщениях информационных агентств. Выражаясь фигурально, каждый сдал свои анализы какому-то местному Зевсу. И ничто не мешает самому Зевсу или его помощникам распорядиться чужими слезами с максимальной выгодой для себя.

А что взамен? Говорят, что в интересах национальной безопасности люди получают все меньше и меньше информации о верхушке того общества, в котором живут.

Мы им сливаем о себе абсолютно все. А они нам не рассказывают о себе ничего. Хуже того: они смешивают правду с враньем, притом на самых не выгодных для правды условиях. Нам здесь, в самом низу, и достаются-то только протечки. Так что не надо волноваться за тех, про кого сейчас пишут чуть больше правды, чем им хотелось бы. Политики — стальные крысы. Ваше сочувствие им нужно как рыбе зонтик. Они не страдают, а взвешивают риски. И на просочившиеся на них с Олимпийских высот слезы нимф все

равно отреагируют старой русской поговоркой: хоть ссы в глаза — все божья роса.

Власть

Власть в России гипостазирована и персонифицирована. Когда не хочется говорить о легитимности данного конкретного правителя, говорят, что Власть должна быть сильной, а рука крепкой. Понимай это так, что, мол, какой бы она ни была. Когда все типа как бы в норме, на первый план выводится конкретный отец народа.

— Владимир Владимирович, а когда вы с Дмитрием Анатольевичем спите, кто управляет страной, — спрашивает какой-то идиот (роман Ф. М. Достоевского читали?) на ежегодной всенародной встрече с Путиным в конце 2010 года.

— А мы ложимся спать по очереди, — отвечает веселый тандемократ Путин.

О тандеме, который некоторые называют *медвепутом*, речь пойдет дальше. А пока — о власти.

За подписью второго президента РФ в середине 2010 года вышло в свет предисловие к биографии первого президента РФ. Конечно, такие документы сочиняет спичрайтер, а не тот, чьим именем они подписаны. Но тем важнее этот документ: чистили его небось во все шесть глаз. А поскольку реальным руководителем России у нас по-прежнему является тот, кто сидит на тандеме первым, этот короткий документ дает читателю возможность увидеть в самом сжатом виде политическую линию российского руководства в целом.

Текст этот правдив и свободен от противоречий. Но не свободен от выпирающих подтекстов.

Масштаб фигуры первого президента России Бориса Николаевича Ельцина трудно переоценить. Даже самые последовательные противники вынуждены признавать

в нем такие человеческие качества, которые делают честь любому политику. Он никогда не перекаладывал ответственность на других, брал все на себя открыто и даже с вызовом. Все, что он делал, он делал со страстью, отдавая делу всего себя, без остатка.

Итак, оценка Ельцина начинается с «вынужденного признания»: Путин открыто объявляет себя последовательным противником первого президента РФ. Будь иначе, вместо слова «масштаб» в тексте такого рода стояло бы «величие». Пиши он предисловие по велению сердца, не появилось бы слов о «вынужденном признании». Поэтому вывод из первого абзаца: как политик Ельцин плох, но были у него «такие человеческие качества», которые сделали бы честь «любому».

Настоящая оценка тому, что сделал первый президент России, будет дана не нами и, наверное, не нашими детьми. Масштаб преобразований, которые произошли в России в конце двадцатого столетия, был столь грандиозен, что только время может дать истинную оценку тому, что было им сделано.

Политический совет Путина во втором абзаце обращен к следующему поколению: править мы вами будем долго, ребята. Вот почему не вам, не вашему поколению судить тех, кто отвечал за преобразования конца двадцатого столетия. Второе упоминание «масштаба» — закрепление отрицательной оценки. Мы не можем дать истинной оценки? Допустим, но дайте хоть какую-то субъективную.

А мы, современники, конечно, предвзяты ко всему тому, что происходило на наших глазах. Я тоже не могу относиться к Борису Николаевичу объективно. Несколько лет я работал в команде президента Ельцина. Уже много раз говорил о том, что, когда заканчивался срок его президентства, видел для себя совсем другую судьбу. Но все

сложилось иначе. И это был выбор моей жизни. Выбор, сделанный благодаря Ельцину.

В отличие, например, от «пристрастности», которая бывает со знаком плюс, а бывает со знаком минус, «предвзятость» обычно указывает на сугубо отрицательное отношение к предмету речи. Мы помним, что сразу после «величайшей катастрофы двадцатого века» Путин собирался стать таксистом. Войдя в окружение Анатолия Собчака, стал бизнесменом. Попав в командную свиту Ельцина, в новых условиях, в новом, другом государстве, вспомнил о чекистской задаче номер один и, фигурально выражаясь, при активном содействии группы олигархов принял государственную власть из рук Ельцина. Разумеется, Путин говорит чистую правду, когда называет последний выбор президента Ельцина выбором своей жизни. И одновременно ставит на место всех своих настоящих сторонников, которые хотели бы, чтобы Путин хотя бы на словах разделался с горбачевско-ельцинскими временами. Лояльный службист, Путин объясняет своему читателю: «О мертвых либо хорошо, либо ничего. Я и не говорю ни-че-го».

Вспоминаю день ухода первого президента. Ельцин уже произнес свое прощальное видеообращение к народу, простился со всеми, с кем долго работал в Кремле, поговорил с патриархом Алексием II. И уже уходя, тяжелой, грузной походкой покидая Кремль, вдруг остановился у машины, посмотрел на меня и сказал: «Берегите Россию!» Эти его слова должны остаться в истории, стать главным напутствием для всех, кто вступает на этот высокий пост. Пусть они не будут произноситься вслух. Но каждый президент, оставляя должность главы нашего государства или принимая ее, обязан помнить ельцинские слова: «Берегите Россию!»

Единственное доброе дело, упоминаемое Путиным в предисловии к книге о Ельцине, — это акт передачи

власти ему, Путину. «Эти слова должны остаться в истории». Они, конечно, тоже останутся. Вот помнит ли сам автор предисловия напутствие Ельцина, вопрос спорный. Но он явно не хочет, чтобы в истории остались последние слова Ельцина, с которыми тот обратился не к своему преемнику, а к россиянам:

Я хочу попросить у вас прощения...

Я ухожу. Я сделал все что мог. И не по здоровью, а по совокупности всех проблем. Мне на смену приходит новое поколение, поколение тех, кто может сделать больше и лучше.

В соответствии с Конституцией, уходя в отставку, я подписал указ о возложении обязанностей президента России на председателя правительства Владимира Владимировича Путина. В течение трех месяцев в соответствии с Конституцией он будет главой государства. А через три месяца, также в соответствии с Конституцией России, состоятся выборы президента.

Я всегда был уверен в удивительной мудрости россиян. Поэтому не сомневаюсь, какой выбор вы сделаете в конце марта 2000 года.

Итак, Путин предлагает читателю помнить не фактическое отстранение своего предшественника от должности, а лишь напутствие, с которым власть и впредь (на поколение наших детей!) должна переходить в России из рук в руки, а не путем демократического волеизъявления. По принципу «Берегите власть. А Россия приложится». Но принцип ошибочен, ведь Россия в конечном счете вполне конкретна, а власть всегда абстрактна и имеет свойство исчезать, как одежда с голого короля.

Воспретить и запретить, или Почти синонимы

В те далекие времена, когда копейки имели смысл, жил в Москве добрый человек, писавший книги о бух-

учете и других финансовых делах. Понятное дело, и цены указывались в рублях и копейках. И вот случился у автора конфликт с корректором.

— Вот тут у вас написано руб. коп., а вот тут и тут — р. к. Непорядок.

— Почему непорядок? В основном тексте — руб. коп., а в примечаниях — р. к.

— Нет, должно быть везде одинаково. Единообразно.

— Так и у меня единообразно: в тексте — руб. коп., потому что там места больше. А в примечаниях, где приходится больше экономить, даем р. к.

Отстоять свою точку зрения тому так и не удалось. На вопрос друзей, зачем цепляться к такой мелочи, бухгалтер, потупившись, отвечал: «Так веселей». Что веселого можно вообще найти в книге по бухучету, никто не спрашивал: в те времена все русские еще читали «Шинель» Гоголя, и друзьям не хотелось будить гнев в тишайшем из тихих. К чему я это рассказываю? А вот к чему: сокращения эти — руб. коп. и р. к. — синонимичны, и у корректора был резон требовать единообразия в книге. Однако и резон автора нельзя просто сбросить со счетов. Мне он показался настолько убедительным, что много лет спустя я сам решился на эксперимент: в длинной статье по мифологии называл главного героя гомеровской «Илиады» то Ахиллесом (в тексте статьи), то Ахиллом (в комментариях). Увы, никто этого мелкого хулиганства не заметил. Даже корректор издательства АН СССР. Приближались времена перестройки, менялись названия городов и государств, тут уж было не до Ахилла-Ахиллеса.

Между тем логика альтернативы сохраняет свою силу и сегодня. Хороший и даже не злой редактор постарается помешать автору упражняться в вариативности. Но есть пограничные случаи. Например, вот какой. Все, что может запрещаться, может и воспрещаться. Великий стилист Николай Семенович Лесков

в своем знаменитом трактате о процветании в России взяточничества помещает эти слова то вместе, то вразбивку — как абсолютные синонимы.

«Сим воспрещается», «сим строго воспрещается», «сим наистрожайше воспрещается»! Кому из вас, почтенные читатели, не доводилось встречаться с этой нашей, так сказать, национальной фразой и вывеской? [...] если во всех этих запретах есть смысл и польза, то почему же девяносто девять запретов из ста никем не соблюдаются, и зачем, когда несоблюдение их видимо подрывает авторитет запретителей, зачем этого не искоренят и не запретят, а все только запрещения растут и растут и множатся; зачем это, наконец, никого не смутит и не заставит задуматься? (1869)

Но нас сейчас интересует мелкий языковой вопрос: есть ли хоть какая-то разница между этими словами — запретить и воспретить? Сравним несколько синонимических пар — возгорелся пламя, загорелся огонь; «вдруг всем захотелось всех любить», как писал Дмитрий Александрович Пригов, а кому-то просто захотелось супу; воскурил фимиам, но закурил сигарету; воспел кого-то в песне, запел о ком-то песню. Если подставить в этот список пару воспрещается-запрещается, то можно предположить, что воспрещаемое несколько строже запрещаемого.

Но сегодняшнее наше массовое ухо этой разницы в значениях почти не слышит, а слов, производных от запрета, в десятки раз больше, чем таковых от воспрещения. После фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» в слове «воспрещен» чуть слышнее стала казенщина. Воспрещенное как бы запрещено свыше, а не кем-то. Но это ведь так, предположение. Потому что слово воспрещается интуитивно кажется и более старым, чем запрещается? Или потому, что оно не так гибко: запрет и запрещение есть, и воспрещение есть, а «воспрета» нету?

Чтобы измерить эту разницу в значениях, полезно знать, что было раньше. Тогда второе слово будет уточнением первого? Или поглощением его? Но зачем же и первое остается в обиходе? Как формализовать процесс, представив его в цифровом выражении? Тут мы снова упираемся в старый вопрос о курице и яйце.

Например, что появилось раньше — строгий термин или метафора — приблизительное и часто грубоватое обозначение того же предмета или явления? Возьмем хрестоматийный пример. Слово цифра в русском языке появилось как метафора числа вообще, хотя арабский исходник тут — «нуль», от которого европейцы получили свои «нули», а мы — только «зеро», поскольку «нуль» у нас — из латинского языка. Третий термин от той же основы объединяет оба эти значения: шифр — это и набор цифр, и пустой набор знаков для того, кто не знает ключа.

А совсем недавно появилась у этого слова новая форма — цифровать, точнее, оцифровывать. Если переводить на обыденный язык, это значит переводить нечто в электронную форму. Вещи как бы нет, а что есть? Во-первых, имя, а во-вторых — сложный набор знаков (цифр), оперируя с которым определенным образом, можно получить либо очень детальное изображение оцифрованного предмета, либо даже сам предмет — текст статьи, фотографию, карту местности.

За оцифровку очень боролись. Потому что вместо нее иной раз норовят сказать дигитализация. Дигитальное считается иностранным словом. А цифровое — исконно своим. На первый взгляд, различие тут чисто количественное: цифра в русском языке давно прописана, а дигитальности даже временную регистрацию не дают. Но дело и в другом. Не только в том, что дигитализация занята другим значением: так медики называют «насыщение сердечной мышцы препаратами наперстянки». Но еще и по созву-

чую. Дигитализация — это какая-то госпитализация. А оцифровка — вроде оцинковки: доброе, громкое, блестящее дело. Но будущее обоих синонимов пока открыто.

А теперь о силиконовой груди и Кремниевой долине. Одно, по умолчанию, мягкое, хотя и упругое, а другое — прочное как Кремль. Десять лет назад Кремниевой долиной в блогосфере и не пахло — только Силиконовая, а за последние два года переводной синоним начал уверенно обгонять. Но, вероятно, не потому, что с силиконом у людей другие паронимические ассоциации, чем с кремнием, а из соображений местной политической корректности: мол, в России живем, силиций ваш тут кремнием называется. Не исключено, что играет свою роль и другая принудительная ассоциация: только ленивый не написал, что Сколково на самом деле — Осколково.

И последний пример. Еще в середине XIX века можно было спорить, какое слово укоренится в языке — парасоль или зонтик. Одно — французского, другое — голландского происхождения. Из одного сравнительно быстро получилась несолидная парасолька, а другое посоллиднело и превратилось в зонт (-ик воспринимался как уменьшительный суффикс, каковым он вовсе не был). Стало быть, зонт стал вещью нужной и солидной, а парасолька — так, ерундой на постном масле.

Теперь мы, кажется, можем ответить на вопрос, как и зачем язык бережет синонимы. Воспрещается и запрещается нужны ему — как стетоскоп, чтоб мы лучше понимали себя, когда говорим. Парасолька и зонтик — как стереоскоп, чтоб мы лучше, объемнее видели то новое, что приходит к нам извне. А вот на смешанной, кремниевосиликоновой форме и во все держится вся наша виртуальная действительность, и этот стробоскоп мы никому не отдадим.

Встречка

Самое влиятельное философское направление в мире — это солипсизм, от латинского *solus ipse sum*, т. е. «один я на свете». Смысл учения прост: всерьез существует только то, что я вижу, обоняю, осязаю, ем и пью. Все остальное — химеры сознания. Сколько бы люди ни оправдывались, слишком многие ведут себя так, будто следуют именно этому нехитрому постулату. Некоторые признают, что вокруг есть и другие люди. Но при ближайшем рассмотрении выясняется: тот же принцип распространяется и на близких. Сын или дочка солипсиста, они — да, пусть и не всегда, но они — его продолжение, поэтому их интересы — настоящие, тут все всерьез. А все остальные пребывают для солипсиста как бы немножко внизу.

Хуже всего, когда философское учение сливается с инстинктами так называемого простого человека. Когда солипсизм овладевает массами. Есть несколько красивых выражений, которые обслуживают философию солипсизма. Например: мыслю, следовательно существую. Или: каждый умирает в одиночку. Или: человек человеку волк. Или: своя рубашка ближе к телу.

Массовый человек в роли солипсиста узнаваем в каждом из нас: он постоянно переименовывает людей и предметы, понижая всех и вся в звании. Это процедура становится заметной не сразу. Александр — это Саша. Мария — Маша. И Сашка. И Машка. Вообще-то иногда это даже мило. Но идем дальше. Взять, например, места. Вот есть такие исторические прекрасные топонимы: Покровка, Петровка, Маросейка.

Причем тут солипсизм? Терпение, господа. Идем еще немножко дальше.

Мариинский театр — Мариинка, Неглинная улица — Неглинка. А тут вот сравнительно недавно услышал про Васильевский остров — Васька. И про Поклонную гору — Поклонка. — Ну, и чего? Какой тут солип-

сизм?! Рублевка, Ленинградка, Минка. Это ведь просто обыденное, просторечно-разговорное, оно ничего не значит. Нету значения у этого разговорного сокращения!

— Совсем нету?

— Ну, немножко есть. Окраска: слово делается более свойским, более податливым для разговора без галстуков. Вот, да! Значение «Мишки» такое: это как бы Михаил без галстука. Да он и сам откликается.

— «Мишка» мне как раз по барабану, — отвечает Михаил без галстука. — Но вот когда «Васька» говорят, то мне, если честно, не нравится. В Питере так не говорят.

— А как говорят?

— Ну, все-таки, Васильевский...

— Но ведь принцип-то тот же. Почему, скажем, старая как мир «Лиговка» не задевает, а новая «Васька» или вот московская «Поклонка» кого-то вдруг задевает?

— Ну, слишком фамильярно как-то, принижающе. Свои так не скажут. Это чужое просто. Чужое и противное.

— А почему противное?

— Да потому что, хоть говорят как о чем-то свойском, даже своем, очень своем, а имеют в виду, что оно им даже в чем-то и враждебно. Как в песне о старой улице, на которой «ходят оккупанты в мой зоомагазин». Как будто вся история этого места, этого города, этих людей, которые здесь, на этих линиях, жили-тужили, низведена до клички. Причем клички кота какого-то, вовсе не уменьшительного человеческого имени.

Итак, уменьшительно-упрощающий суффикс плюс пренебрежительное сокращение имени это не то, что описание вещи — сумка, стамеска, сковородка. С местами и одушевленными предметами продельвается какой-то другой фокус. Какой? Что это за шаг таковой, от Лиговки или Лубянки к Ваське и Поклонке? Мы

можем сделать слово уменьшительным, свойски-панибратским, фамильярно-пренебрежительным (когда о библиотеке говорят «Публичка»). А из-за «Васьки» высовывается хамоватая рожа. Рожа чужака. Нет, не «понаехавшего тут», не «иногороднего», а по жизни чужака, будь он хоть трижды местный. Чужака, для которого этот топоним — только повод сказать о себе: «Мы его, блин, как облупленный, этот ваш Васильевский остров... Плавали, знаем... Надкусили, пожевали и сплюнули: не понравилось».

Хамство это и есть самый массовый вид солипсизма: привлечь к себе энергичным движением языка и — выплюнуть навстречу собеседнику как нечто не совсем настоящее по сравнению со мной, целым, сильным и, типа, всезнающим. Но идем дальше.

Разговор на вокзале. Ссорятся милиционер и молодая торговка. Милиционер выпимши. Торговка мнее. В ответ на какую-то грубость он ей громко шепчет: «А в ментовочку — почистить духовочку?» А она ему в ответ на этот поэтизм: «Ты меня [непарламентское обращение, намекающее на непопулярную сексуальную ориентацию] ментовкой не пугай. Я тебя [непарламентское обращение, обозначающее противозачаточный прибор] самого в ментовку сдам на [непарламентское выражение, обозначающее то, для чего придумано предыдущее непарламентское выражение]. И ребятам скажу, чтоб поддувало тебе расшарили».

Ключевым в этом обмене любезностями было слово «ментовка». Остальные слова, в том числе эвфемизмы, переводятся легко. А вот как перевести с хамского на русский «ментовку» и «ментовочку»? Пренебрежительное обозначение очага бесконтрольного насилия, это раз. Но вот дальше — что? Это ведь не «дальневосточный партизан» пользуется бранным словом, а сам человек в погонах обозначает место своей службы и делится своим пониманием с потенциальной жерт-

вой «ментовки». Ему — можно: ментовочка — его природная среда. Но и торговке можно: она и для нее — стихийное бедствие.

И вот тут мы подошли к ответу на вопрос, почему начальство и то, что себя за таковое выдает, никак не может не выезжать на встречу. Ведь что такое «встречка» для говорящего это слово? Это моя полоса, на которой по неосторожности оказался встречный транспорт. «Встречка» — это то, на что я выезжаю как говорящий «встречка». Это мои проблесковые маячки дают мне право не слышать вашего сердцебиения, потому что вас всех не существует.

Для тех, кто не разделяет философского учения солипсизма, уточним. «Это вы не по своей полосе едете, — говорит вам обладатель «мигалки», или «проблескового маячка» на служебной или личной машине. — Когда вы едете по своей полосе, вы всегда и только катите по моей встрече. И сами называете ее так, как мы называем ее по-свойски, для себя».

Тут ведь вот какое дело: для формально своей полосы у нас с вами и названия-то никакого нет. Это только логика языка. Ничего личного. Обыкновенная философия солипсизма. С уменьшительно-уничтожительным суффиксом.

Вувузела, или Жужжание ножного мяча

Большинству людей не нравится звук вувузелы, а вот звук самого слова «вувузела», наоборот, почти всем нравится. Конечно, обязательно найдутся и те, кто возмутится: зачем нам это иностранное слово, когда у нас самих столько прекрасных вариантов для обозначения этой дуделки-шумелки-жужжалки-зуделки! Да просто «дудка, издающая неприятное жужжание». Коротко и ясно. Не удивлюсь, если кто-то начнет сопротивляться даже включению слова в словари современного русского языка.

Этим сильнейшим аргументом — наличием собственных подходящих слов для как бы того же самого — попытались однажды, в конце 1940-х годов, воспользоваться люди, считавшие себя хозяевами русского языка. Но вот вышло из этого совсем не то, что они хотели. Ведь сначала было как? Первое авторитетное описание игры в футбол на русском языке приходится на конец XIX века, а уже в начале XX в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона появилась статья «Футъ-бооль». Тогда народ был менее привередливый, а дураки знали свое место и не пытались заставить окружающих писать хоккей с одной «к».

Итак, как объясняли сто с небольшим лет назад это *бурятское* на вид слово авторитетные сограждане? «Атлетическая английская игра в ножной мяч, до 8–9 дюймов в диаметре, круглой или овальной формы. Игроки разделяются на две партии, занимающие каждая свой «город», отмечаемый чертой по земле и флагами; посредине черты ставятся ворота из жердей, с переладиной на высоте 3 м от земли. Цель игры заключается в том, чтобы перекинуть мяч, ударом ноги (а иногда и руками), в чужой город через ворота, принадлежащие же к тому городу игроки стараются этого не допустить. В Англии существуют два вида игры в Ф.: по правилам союза Rugby и по правилам Football Association».

Если не считать опечатки в слове football (повторенной и в сетевых изданиях знаменитого словаря, удаливших только дореформенное правописание) и того, что описана-то собственно игра в регби, не может не порадовать попытка перевода. При этом вместо английского слова «спортивная» безымянный автор статьи употребил греческое слово «атлетическая», а потом произнес и заветное «ножной мяч». Кажется бы, чем плох «ножной мяч», ну почему не захотел русский язык «ножного мяча», почему остался при

«футболе», да еще и в «футболку» его завернул? Чтоб лучше понять это, выдвинемся на три десятилетия вперед — в конец 1930-х. Вот выдержка из репортажа:

Первый хавтайм дал небольшой, чисто случайный перевес томцам: вылетевший из свалки мяч лизнул ногу хаубека ДКА и, слабо прокатившись, ударился в сетку... Томцы буквально сидят на голу ДКА, но результата добиться не могут.

Кое-кто сегодня, пожалуй, без словаря не сразу разберется. «Хавтайм», «хаубек» (я тут сразу вспомнил нашего сержанта: «С ночноукой не отпущу — не проси!»), «сидят на голу». Слова пишутся со слуха! Словарь волшебной игры, все еще относительно новой, но полюбившейся.

Кое-где — вспомним словарную статью 1902 года — мелькает как термин и свое, исконное слово. Например, перекладаина. Красивое, кстати, слово. А вот «жердь» из Брокгауза, при всей красоте, не прошла. Но футбольная «жердь» по-русски — штанга. И от штанги штангистов футбольная штанга отличается тем, что она стоит торчком. То есть створ футбольных ворот, или тот «гол», на котором в 1939 году «буквально сидели томцы» (мы бы их сейчас томичами назвали, правда?), этот створ сегодня состоит из двух штанг и перекладыны. Так вот как распорядился язык. Почему, мы еще разберемся.

Но сначала — кто играл? Футболисты, да. Не мячехожники, не ногомятники. Хавбеки, беки, форварды, голкипер. Удаленные или запасные сидели на банке — т. е. на скамейке. Били корнер и пенальти. Из офсайда (офсайта) гол не засчитывался. Мяч улетал в аут.

Голосами первых радиокomentаторов и первых любителей английская игра говорила по-русски новыми словами. Они еще больше вжились в язык в годы войны, когда в Москве выходила даже газета «Британский союзник». А потом вмешалась новая языко-

вая политика. С холодной войной в СССР была объявлена генеральная уборка словаря. Это сегодня легко смеяться над упражнениями идеологов. А тогда многим стало не до шуток. Газетчикам было несколько легче, чем радийщикам: во время горячего репортажа каждый работал еще и синхронистом самого себя. Разум спрашивает, кто бьет корнер, но начальство велело говорить «угловой удар». Разум видит «пенальти», а тут надо на одном дыхании выговорить «одиннадцатиметровый». Бек стал защитником, хавбек — держите меня четверо — полузащитником. Тем полумозгом, который отвечал за правильные названия, и был в конце 1940-х перелопачен весь футбольный словарь.

Перелопачен, как всегда, наполовину. Потому что сам футбол-то переименовать все-таки не удалось. С гандболом получилось, а на футбол не смогла идеология взгромоздиться. Где села, там и слезла. Потом настали времена помягче, а те слова, что знатоки никогда не переставали употреблять и в годы официальной «борьбы с низкопоклонством перед западом», мало-помалу снова вернулись в эфир.

Но вот в футбол после этого стали играть похуже. Понимаете, когда взрослые люди «офсайд» называют «положением вне игры», пенальти — «одиннадцатиметровым», а хавбека — «полузащитником», то и играть они начинают в «ножной мяч», а не в футбол. Слабая оказалась у советской власти вувузела. Хорошим футбольным словом стал, пожалуй, только вратарь.

Гемор, гимор, гимарой

В середине 1990-х годов попросил меня некий бременский доктор перевести разговор с, как их тогда называли, контингентным беженцем из бывшего СССР. Беженец был не то из Днепропетровска, не то из Запорожья. В сознании доктора евреи из СССР должны были походить на тех евреев из Восточной Европы,

большую часть которых истребили нацисты. Перед встречей с религиозным и наверняка ученым человеком доктор нервничал. Перед ним же нарисовался обыкновенный советский шоферюга, совершенно не понимающий, чего от него хотят. На вопрос, какие у него проблемы, мужичок ответил, что, мол, на права пересдавать надо. «Тут, понимаешь, сунули мне в руки вот такой талмуд с ПДД, ну как я его осилю?!» Перевожу слово «талмуд» соответствующим ему немецким словом Schinken, первое значение которого — «окорок». Но именно так называется в просторечии и особенно толстая книга. Доктор аж подпрыгнул: что-то, дескать, не то я говорю, он, мол, своими ушами слышал, как NN сказал «Талмуд»! Ну да, говорю, сказал, говорю, но в данном случае, может быть, в первый и в последний раз в жизни слово «Талмуд» переводится на немецкий как «Schinken». Доктор не поверил мне, а мужик из Днепра и вовсе не врубился, о чем базар.

Немецкий доктор-филантроп вслушивается в каждое слово нашего беженца:

Пациент: — В общем этот геморрой с правами у меня, считай, с осени... (понятное дело, г в слове геморрой произносится как [h] -звонкое).

Переводчик (п о - н е м е ц к и): — Короче говоря, с осени у меня эта головная боль с правами.

Доктор (п о - н е м е ц к и): Но он сказал что-то про геморрой!

Переводчик: Нет, он имел в виду головную боль.

Доктор (п о - н е м е ц к и): Но я не мог ослышаться, он сказал «геморрой»!

Доверие было подорвано, и больше меня переводить не приглашали.

В последнее время ни «геморрой», ни «гимарой» в значении «головная боль» в значении «трудно решаемая проблема» не говорят и не пишут. Все больше гемор или гимор. И применяют слово в указанном выше значении «ненужная и часто безрезультат-

ная возня», «постоянно повторяющаяся трудность». В сети этот гемор попал в паронимическую близость к геймеру (gamer), и вот возник микрожанр решения трудных вопросов сетевого бытия: «рай для ночных геймеров и гемор для нормальных юзеров», «лишний гемор для геймера», «геймер чаще других встает перед гемором выбора»). Отслеживать их встречи в сети — чистый гимор, ага.

Год тигра см. *День святого Валентина*

ГУЛаг

Лагерь, тюрьма, плен, дезертирство, бегство от погрома, депортация, ссылка. У большинства прошедших через это бесповоротно сломан моральный хребет и нет сил рассказать о себе. Погибшие и сломленные — плохие посредники между теми, кого чаша сия миновала, и тем, что люди пережили, а местами по-прежнему переживают. И все же кое-какая литература есть: в немецком аннотированном указателе книг о ГУЛаге 53 страницы. В 2009 году славянский семинар Базельского университета объявил такой курс для студентов разных специальностей. Тема — литературная. Автобиография — литературный жанр. Что же делается с литературой, когда ее предметом становится такой экстремальный опыт?

Вопрос: почему эта тема остается злободневной?

Ответ: потому что о ней старались забыть, время массовых репрессий на территории бывшего СССР обсуждается все тише, но требует новой пищи.

Первому и главному институту национальной памяти в России девяностых и нулевых — обществу «Мемориал» — пришлось с колес расширить поле исторической исследовательской работы на текущие события. Утолить свои государственныхнические амбиции

без массовых репрессий в отношении части населения своих стран постсоветские президенты и парламенты не сумели. Оправданием массовых депортаций по этническому признаку, оправданием убийства гражданского населения по-прежнему ничтоже сумняшеся объявляет себя само государство. По прошествии лет или десятилетий зрелое, созревшее общество затребует свидетельские показания и документы, чтобы предать суду тех, кто от имени их государств развязал эти войны, кто оправдывал репрессии, подталкивал к ним органы насилия или приводил в исполнение приказы. Эта схема универсальна. А не востребованные пока свидетельские показания могут быть предметом историко-культурного изучения.

В книге, вышедшей маленьким тиражом в Цюрихе ровно в середине XX и никогда не переведенной ни на какой другой язык, и в книге, вышедшей в Москве в конце нулевых годов XXI века, можно натолкнуться на описание одного и того же события. Зэчка-швейцарка видела некий спектакль из глубины барака, а русская зэчка-артистка стояла на сцене. Один из прикомандированных в лагерь офицеров оказался, на их счастье, добрым человеком, и обе они выжили. И обе — с интервалом в 50 лет и независимо друг от друга — решились рассказать другим о том, что помнят.

Как они это делают? Как эти женщины справлялись с годами изоляции? Что, например, означала (и означает: вспомним дело Светланы Бахминой) в заключении беременность? Как пишут об этом женщины, что понимают в этом мужчины?

На семинар записались студенты разных специальностей. Кто-то с отделения классической филологии (стало быть, можно отталкиваться от Геродота и Плутарха, Тацита и Светония), кто-то приехал в Швейцарию прямиком из Архангельской области и к книжному опыту может прибавить соседский биографический. Свой опыт у курдянки из Турции.

На некоторые их вопросы у меня нет прямого ответа. А они — ключевые. Например, такой.

Задолго до А. И. Солженицына и В. Т. Шаламова в Швейцарии, США, ФРГ на русском и других языках были опубликованы книги — свидетельские показания о ГУЛаге. Прочитавшие «Путешествие в страну Зэ-Ка» Юлия Марголина (по-русски она вышла в США в 1952-м, переиздана в России в 2008-м, по-немецки вышла в Мюнхене в 1965-м) молодые люди говорят, что эта книга превосходит по языку, ясности и точности представления темы куда более известные, хрестоматийные сочинения — от «Архипелага...» Солженицына до «Колымских рассказов» Шаламова. Как источник информации, вызывающий доверие, и как первый, по горячим следам, анализ.

Вопрос: почему выход этой книги на Западе не пробудил того массового политического интереса, какой вызвал во второй половине 1960-х Солженицын?

Почему книга Марголина не дошла до СССР, понятно. Но и когда дошла и была переиздана 56 лет спустя, никакого резонанса не вызвала. Почему?

Может быть, потому что она была написана чужаком — польским евреем, попавшим в чужую переделку? А еще потому, что была слишком хорошо и слишком прозрачно — безжалостно прозрачно! — написана. Книга Марголина не оставляет места Достоевщине и соплям, которым всегда есть место в русском интеллигентском разговоре о России, в ней нет той тошнотворной и безвкусной сентиментальности, которая роднит не только чекистов и блатных, но и их покорных жертв. Никаких отдушек, никакого самолюбования, никакой мечты и веры в «другую Россию», якобы просветленную страданием. Но нет и обратного, нет описанной Шаламовым тотальной антропологической катастрофы, той бездны, которая до известной степени и снимает ответственность с государствен-

ной власти, с ее скотов и катов, ибо, дескать, «человек от природы зол».

Вопрос о невнимании Запада лежит отчасти в этой же плоскости. Но он сложнее. Здесь и нежелание влезать в дела вчерашнего союзника по антигитлеровской коалиции, и необходимость осмыслить и преодолеть собственные прегрешения, преступления и ошибки — от колониализма до социального неравенства. Да и вообще, до тех пор пока о событиях в стране сообщают случайно замешанные посторонние, а местное население терпит свой режим, серьезное вмешательство, даже если оно на первый взгляд исполнимо, излишне. А требование прозрачности границ для правозащитного контроля тогда еще не было сформулировано. Европа была не в состоянии справиться с осознанием того, что национал-социализм — это общеевропейский, а не германский только феномен. К тому же многим показалось: нацизм настолько хуже советской лагерной системы, что та подойдет. Говорите, русские терпят аж с 20-х годов? Ну так и дальше потерпят.

Слишком уж быстро слово, наводившее ужас и внушавшее страх, стало эмблемой не только давнопрошедшего, но и того, что было не с нами.

Давайте не будем — как объяснить это советское еще выражение?

Говорят, выходя на пенсию, поколение бебибумеров оттесняет на обочину Интернета малочисленных западных тинейджеров. Но и пожилые перенимают повадки молодых. Ученик Аристотеля Феофраст называл таких людей «опсиматами», или, в переводе на русский, «запоздалоучеными».

Например, блог. Это вроде бы дневник. Иногда даже мгновеник — человек не успел не то что пережить какой-то эпизод, но даже представить себе его

последствия, а уже написал об этом целый пост. Собственно писание поста оказывается и записью о событии, и самим событием.

В истории литературы такие случаи известны до всякого Интернета. Прекрасный «Мой Дагестан» Расул Гамзатов написал как книгу о том, как ему заказали написать книгу, какой она должна была бы быть и почему он намерен ее писать так, а не иначе. В переводе Владимира Солоухина эта книга — среди предтеч лучших нынешних блогов. Но не только благодаря остроумной формальной находке. А потому, что за книгой Гамзатова стоят живые лица и события. Как за байками «Сандро из Чегема» Фазиля Искандера, или «Записками зеваки» Виктора Некрасова, или морскими историями Виктора Конецкого. За этими очень легко написанными очерками, если и доходившими до читателя, то в изуродованном цензурой виде, стояла особая реальность — узнаваемый человек, заглядывающий глубоко в себя для понимания текущих событий.

В прошлом году умерла 97-летняя испанская блоггериня Мария Амелия Лопес. Она не тыщица. Ее дневник о Гражданской войне в Испании прочитали полтора миллиона человек. Блоггер geriatric1927 aka Питер Окли рассказывает свою жизнь в видеоблоге на ютубе. Говорят, он убивает двух зайцев, потому что блог продлевает жизнь. Не до бесконечности, но специалисты утверждают, что серьезно продлевается разумный отрезок жизни. Вечер жизни делается из мрачного светлым. А чуть-чуть даже и лихим. Не из-за двух миллионов согладатаев (столько подписчиков у Окли). А благодаря спонтанному доверию, которое 83-летний блоггер вызвал к своей истории, к продолжающейся истории своей жизни. Глобальная сентиментальность? Нет, достоверность обеспечена достоинством. Смерть, возможно, и вовсе не догонит такого человека, как Ахиллес не догонит черепаху в апории Зенона.

Сейчас так, как блог, читаются дневники и записные книжки разных интересных людей. Вчера в поезде начал читать вышедшие в немецком переводе записные книжки Сюзан Зонтаг 1947–1963 годов. Их издал в прошлом году сын писательницы Дэвид Рифф. С 15 лет вела, как кажется, с одним умыслом: читайте, черти, стонать будете. Вот она пишет, как сама жадно глотала дневники своих любовниц. Потому что «дневники для того и существуют, чтобы другие их тайком читали». Она ненавидит тайны. Но пытается разгадывать загадки, которые загадала ей собственная природа. Например, загадку своей гомосексуальности. Зонтаг узнала в себе лесбиянку еще до замужества. Но вышла замуж и родила сына — своего будущего издателя, — чтобы потом назвать целью брака «оглушение чувств». «Потребность писать неразрывно связана для меня с гомосексуальностью». «Эта идентичность — моя самозащита от того оружия, которое применяет против меня общество».

Добравшись до дома ~~до хаты~~ сети, посмотрел, что пишут о Зонтаг в Википедии. В английской, немецкой и им подобных версиях — все как есть. А по-русски — все та же тошнотворная цензурная мразь: конечно, в лучших традициях советской нравственности. Вот перл: «Совместно с фотографом Анни Лейбовиц ею была издана книга „Женщины“ („Women“) (2000)». В нормальной версии (перевожу с иностранного) сказано примерно так: «Вместе с ее тогдашней возлюбленной Анни Лейбовиц Зонтаг публикует книгу «Женщины», немало способствовавшую росту самосознания унижаемой и эксплуатируемой половины человечества». В русской версии о главном — ни звука.

Удивительно. Вам дали свободу, чтобы можно было обсуждать самое трудное для открытого обсуждения и самое важное, т. е. самое человеческое — половое и сексуальное (да-да, это не тавтология) самоопределение: нет, «давайте не будем».

А это ведь и есть настоящая политика. На молекулярном уровне. Демократизация западного общества началась с сексуальной революции, с прямого разговора, с нового погружения в себя, как у Достоевского, черт побери, но дальше, глубже, больше. В поисках достоинства человека.

Есть такая дурацкая альтернатива, предложенная носителям русского языка лирическим героем одного хорошего поэта: мол, «ворюги» ему «милей, чем кровопийцы». Ворюги в решающий момент обычно становятся кровопийцами. А кровопийцы обычно оправдываются радением за какое-нибудь великое дело, вроде процветания города или державы.

Так вот, как раз Сюзан Зонтаг много писала об особых людях, которыми принято восхищаться, но путь которых никто не собирается повторять, не говоря уже о том, чтобы желать просто трудного, не обязательно мученического, пути своим детям. Но пути к личному достоинству. Достойных людей везде меньше, чем нужно, но в России их критически мало. Таких как Сергей Ковалев или Людмила Алексеева. И мы бываем не очень довольны, когда эти или другие не шибко процветающие достойные люди укажут, например, на нетерпимость пребывания на посту премьер-министра страны Александра Ивановича Корейко. Мол, что это поменяет? Ну, не чекист, так крепкий хозяйственник, светоч нравственности, честности и гетеросексуальности Юрий Лужков. Впрочем, Лужкова, в отличие от его преемника Сергея Собянина, хоть выбирали. Так что давай те не будем.

Может быть, люди в России потому и не имеют внешнего, понятного и сдержанного достоинства самоуправляемого общества, потому и не сопротивляются ни вора́м, ни кровопийца́м, что скованы внутренней цензурой, что запрещают себе самим заглядывать в себя, вместо интроспекции лают друг на друга и кусают друг друга, как бродячие собаки?

Боятся говорить о любви, о страхе, о себе и — не любят ни друг друга, ни остальной мир.

Поэтому давайте не будем?

Дауншифтер и Фанни Каплан

Философиня Елена Григорьева, живущая в эстонском городе Тарту, ранее называвшемся Дорпат, ранее называвшемся Юрьев, сообщила в своем ЖЖ, что в сговоре с мужем переименовала кошку Фанни Каплан в Надежду Константиновну Крупскую. «Наутро, — пишет Григорьева, — кошку пожалели и переименовали из Надежды Константиновны Крупской в Инессу. Кошка осталась довольна».

Философа от простого смертного отличает точность формулировки критерия истины. Гегель считал этим критерием противоречие, Маркс — практику. Елена Григорьева безошибочно определяет критерий истины новейшего времени: самочувствие нарекаемого. Тут все как с древнейшим суеверием: как вы яхту назовете, так она и поплывет. Что уж говорить о целых социальных слоях. Примечательное совпадение: в этот же день, 17 февраля 2010 года, другой и знатный *блоггер* — Антон Носик aka *dolboeb* — опубликовал в своем журнале призыв найти новое название для весьма интересной, хотя и крохотной, социальной группы современной России — так называемых дауншифтеров.

Говоря предельно кратко, дауншифтинг (от английского *downshifting*, букв. «переход на более низкую передачу») это сброс темпа и сознательное снижение высокого уровня жизни ради повышения ее качества. Люди, не способные на дауншифтинг из-за нехватки средств, видят в дауншифтерах снобов, которых тошнит от собственного снобизма. Не дожидаясь, когда британские ученые™ откроют для них вечный противорвотный эликсир, дауншифтеры переходят с кокса на коноплю, с «бентли» на «фиат-панду», вме-

сто биржевых сводок начинают интересоваться древней историей или музыкальной психотерапией.

Сами дауншифтеры считают себя интеллигентными людьми — в западном, а не в советском понимании. Они, может быть, не претендуют на знание смысла жизни, но твердо знают, что такой смысл все-таки существует. Вырвавшись из беличьего колеса для тигров, они сознательно делают шаг навстречу этому высшему смыслу. Не стану гадать, позиционирует ли себя как дауншифтера сам заказчик, если тендер на новое слово он размещает в своем ЖЖ. Тендер сложный. Заказано два слова: одно должно заменить «громоздкий и глупый американизм» на что-то легкое и отечественное. При этом в тени искомого слова должна быть и его умная противоположность. Надо как-то обозначить и возможный процесс возвращения дауншифтера из добровольного отшельничества в Гималаях в хорошо протопленный пентхаус где-нибудь у Никитских ворот. Понятно, что «апшифтинг» тоже не подходит. А в ходе разговора выяснилось, что слова нету, потому что реальности такой нету. Дауншифтеров полно, апшифтеры не просматриваются. Ну ладно, ищем замену одному дауншифтеру.

Продравшись сквозь не менее громоздкие, чем сам ненавидимый заказчиком термин, американизмы и нижегородизмы вроде «изиливинга», «сайдстепа», «нэйчербэка», «факоффинга», «внеслужбинга» и «деконторинга», я снимаю шляпу перед автором эксперимента.

Признанный лидер броуновского движения вызвал к жизни настоящую волну народного творчества. Там было все: мощные, прямо солженицынские «вольнохлебничество» и «вольнохлебники», умные и сжатые описания, от «остановки гонки» до «свидетелей Юрьева дня», от «дворник свободнее любого олигарха» до «Диогена» с его бочкой и «Диоклетиана» с его капустой. Но сквозь все это культурное богатство

пробился главный вывод коллективного разума, честно искавшего замену несимпатичному слову: берите дауншифтинг, мужчина.

Мы не зря присвоили его себе, отобрав у чванливых англичан. Вон, некоторые из них сами говорят, что в таком богатом значении его по-английски и не юзают вовсе. Дауншифтинг — это совершенно новое социальное явление. Не было его в советское время. В России же у него и вовсе своя окраска. Ведь здесь неумемная, безразмерная алчность и повальная vorovatost' может быть удивительным образом сплетена с глумливым и агрессивным нестяжательством, не вызывающим особого доверия. Возможно, поэтому офисный планктон так и уцепился за этого дауншифтера, что тот позволяет ему несильно, но все же кольнуть идеологического нестяжателя, тонкую прослойку заживевшего класса — до того заживевшего, что начал уже и всем остальным прописывать диетическую скромность. Первыми-то слово произнесли, конечно, сами дауншифтеры. Ну, слово не воробей, ребята, в России живете. Теперь важно главное: коллективный ономатет — офисный народ, пользовательская масса, очевидно, принял этого самого дауншифтера. Никакое другое слово — от «обломовщины» до «свободы» — не сравнимо по точности попадания с этим перворожденным заимствованием. Оно, может, и тупое, и длинное, и с мороза трудно выговаривается, но у него ведь и означаемое — не фламинго.

Лет тридцать назад писатель Владимир Солоухин предложил соотечественникам отказаться от ужасных обращений «женщина» и «мужчина», которые тогда еще только входили в обиход. Солоухин не стал объявлять тендера и сам принес со склада народной мудрости отличные слова «сударь» и «сударыня». Он написал большую статью в одном из тогдашних ЖЖ-сообществ, кажется, в «Литературной газете». Народ ответил на это трамвайной хохмой:

— Сударыня, вы сходить-то будете? Чего стоите, как телка недоенная?

— Да какая я тебе сударыня!

А сказал бы «женщина», и пошла бы как миленькая на выход. Пока еще в России людей, знающих имена Фанни Каплан, Н. К. Крупской и Инессы Арманд, в десятки тысяч раз больше, чем людей, знающих слово «дауншифтинг». Но ведь число тех, кто мгновенно различает среди спутниц Ленина ту, которая его любила, ту, которая его терпела, и ту, которая его, согласно официальной версии, подстрелила, стремительно сокращается.

Почему же философская кошка из Тарту после короткой заминки все-таки получила то, чего не смог, так сказать, продолбить для дауншифтера его влиятельный покровитель? Потому что носитель языка не выбирает себе слово по вкусу, как шляпу в магазине, юзернейм или кличку для любимого, но бессловесного животного. Так и остаются пока в обиходе «мужчины», «женщины» и «дауншифтеры».

День Победы

Громкие слова всегда фальшивы. Но ложь одних — безобидна. Например, «Новый год». Ну что в нем нового? Только цифра. Так она каждый день новая, и в этом нет ничего нового. Но есть национальные торжества, которые только прячутся за значительным историческим событием и ключевым словом. Иногда их удается привязать к традиционным религиозным праздникам, и тогда эта фальшь забивается сезонной истиной.

«День международной солидарности трудящихся». Сколько в этих словах правды? Конечно, трудящиеся — это правда. Даже читать эти строчки для некоторых — некупаемый умственный труд. А вот солидарности между трудящимися не просматривается. В стра-

не, где нет профсоюзов, а население ждет милостей от жирных взаимооблажающих котлов — государства и крупного бизнеса, — любые разговоры о солидарности — просто вранье. Тем более, о международной.

С международной совсем плохо. Особенно в так называемый День Победы.

Не хочется никого обижать. Отец моей матери погиб на фронте. Язык не поворачивается назвать дедом человека, которого убили на войне молодым задолго до моего рождения, хотя формально это и правильно. Как формально правильно сказать, что СССР победил в войне с нацистской Германией. А вот формулировка «День Победы советского народа» — пропагандистская утка, запущенная Сталиным и до сих пор совершающая свой полет. Это была победа антигитлеровской коалиции. Вклад СССР был великим и решающим. Но таким же великим и решающим был вклад союзников — США и Великобритании. Эту правду понимали все фронтовики и все голодавшие и бедовавшие в тылу. Особенно те, кто оказался в плену, а потом попал за это в сталинские лагеря. Особенно те, кто потерял на фронте конечности и был после войны отправлен с глаз долой, чтоб не попадаться на глаза в больших городах. Иначе говоря, советский народ, как многократно доказано всей последующей историей СССР, никакой победы не одержал. Сталин — победил, а народ выжил. Но празднуется день победы, а не день выживания.

Это был великий день окончания войны. Одних он овеял славой, с других смыл позор двухлетнего союза с Гитлером в начале Второй мировой войны. Но третьим он принес новые бедствия, потому что под гром победного салюта репрессии в СССР развернулись с новой свирепостью, и даже смерть Сталина в 1953 году не могла остановить тупого маховика победоносности. Советская армия начала выполнять карательные функции — не только в Венгрии 1956-го

и в Чехословакии 1968-го, но и в Афганистане 1979-го, и, наконец, на своей территории — начиная с подавления восстаний в лагерях или в Новочеркасске и кончая славной победой над превосходящими силами грузинской армады два года назад.

Редкие годы, когда День Победы поближе к Пасхе, в нем остается что-то человеческое — как в дне поминовения погибших. Но чем меньше остается свидетелей той войны, тем больше наглости у тех, кто превращает этот день в пропагандистский гала-концерт с Георгиевской лентой вместо серпантина. С 1965 года гром победы раздавался все громче, а от страны-победительницы почему-то оставалось все меньше.

Понятно, зачем сегодня политическим фальшивомонетчикам так нужен Сталин. Стоит только начать протягивать историческую нить от пика сталинского величия СССР весной 1945-го к 2010-му — пятнадцатому году чеченской войны и придется отвечать на неприятные вопросы. Например, чем вы занимались последние 15 из объюбилейных 65 лет? Кинжальные удары по лидерам сепаратистов наносили? Финансировали михалковское кино про «предстоявшую победу»? Маловато для взрослой политики.

В 1922 году, когда СССР только начинал помогать переоснащать разгромленную в Первой мировой войне Германию, Владислав Ходасевич написал о музах войны и истории:

Людские войны и союзы,
Бывало, славили они;
Разочарованные музы
Припомнили им эти дни —

И ныне, гордые, составить
Два правила велели впредь:
Раз: победителей не славить.
Два: побежденных не жалеть.

Коктейль из ложной жалости к распущенному СССР и фальшивых славословий Сталинской победе — слишком крепкое питье для политически незрелого российского общества. Он мешает нынешнему политическому классу страны трезво осмыслить современное положение Российской Федерации. Новую демократическую государственность России приходится строить после глобального поражения сталинской империи. Ей нужны трезвые союзники, помощники и работники.

Может показаться, что война пока не кончилась и Победа пока не одержана, несмотря на то, что под юбилеи прошла жизнь двух поколений. Связано ли это с другими войнами — тайными и явными, — которые вели с тех пор Советский Союз и Россия и которые прячутся за той Великой Победой? Трудно сказать. До сих пор, когда по-русски говорят просто о войне, обычно имеют в виду Великую Отечественную — большую и главную часть Второй мировой.

День святого Валентина, или Год Тигра

Есть такое ученое слово «синкретизм». Им обычно пользуются для обозначения новой формы религии, возникшей из верований, философских учений и научных или паранаучных представлений, которые заведомо друг с другом никак не связаны. Считается, что этим своим значением слово обязано гуманисту Эразму Роттердамскому. А тот, в свою очередь, позаимствовал его у грека Плутарха. И означало оно поначалу вот что. Есть знаменитый парадокс «Все критяне лжецы, сказал критянин»: как ни крути, кругом обман получается. В позднейшем обиходе эта фраза осталась в усеченном виде: «Все критяне лжецы». Так вот, «синкретизмом», или, если буквально на русский переводить, «соокритовлением», Плутарх называет сведение всего навороченного критянами вранья в единую религиозно-философскую систему.

Синкретизм не надо путать с кретинизмом. Этот тяжелый недуг поражает ту часть человечества, в рационе которой недостает йода и еще чего-то важного для роста и развития. Откуда взялось это слово, точно не знает никто. Одна из версий связывает его опять же с островом Крит, где, говорят, была впервые описана представительная группа страдавших названным недугом. По другой — самой влиятельной! — версии, «кретин» — это альпийский диалектный вариант французского слова «христианин». Смысл слова, стало быть, такой: кретин — это тоже человек, а не дикий зверь, и относиться к нему надобно по-христиански.

Про оба ученых слова я всегда вспоминаю в феврале. А февраль 2010 года оказался мегасинкретическим. Один и тот же человек поздравил меня в одном сообщении с прощеным воскресеньем, с наступлением года тигра — нет, не так: Года Тигра! — и с праздником святого Валентина. Это только пошляки мо-

гут пересказывать анекдот про православного еврея в бане, которому поп сказал: «Или наденьте трусы, или снимите крестик!» Сегодня никто не мешает друг другу, и синкретизм шагает по планете. Наследил он и в России. Вот и глава РПЦ принял у себя в главном христианском храме участников языческого действия и потребовал от них «только победы», нисколько не постеснявшись нарушения языческого духа этих самых Олимпийских игр, которые прославляют как раз именно участие, а вовсе не победу.

Кстати о победе. Синкретическая тигрово-масляничная валентинка даровала силы всякому, кого поздравили и с «мужским днем» — Днем Советской армии и Военно-морского флота 23 февраля. В этом году он совпадал с днем святого Харлампия. С особым подъемом оба праздника отмечали как свое национальное торжество сыновья новорусских богачей, доблестно косящие от этой самой армии в университетских и не очень городах прогнившей Европы. И это не просто совпадение. О подробностях мученической кончины святого Харлампия россияне, мужественно рассекающие в угодах супостата, могут прочитать на близком им сайте «Российского Клуба Православных Меценатов». Ведомый на казнь Харлампий упротил бога забрать его душу на небеса до начала пыток, что и было исполнено. Враг был посрамлен, а святой Харлампий стал задним числом святым-покровителем Советской армии последнего разлива.

Теперь вот этот тигр непонятный. Китайцы говорят, что нынешний тигр, который почему-то аж с первого января смотрит на трудящихся с миллионов календарей по всей России, помогает в бизнесе, а вот в личной жизни, сиречь в любви, помощи от него не жди. Обидно. Особенно в день святого Валентина. Или вот 1 марта, в Самый Старый Новый год.

Блаженный Августин считал, что звери ближе к богу: они естественны и не способны к лицемерию.

Но даже самые сильные и крепкозубые из них могут оказаться на грани вымирания. Поэтому и в самом названии «Год Тигра», и в этих сюсюкающих календарях с большими полосатыми кошками настоящие тигры наверняка чувствуют ту же критскую ложь, что распространяется вирусными валентинками. Может быть, поэтому и вымирают?

Потому что люди на всякий случай готовы помолиться сразу всем богам и подрожать осиновым листом перед всякой приметой, которую те или иные знатоки считают дурной. А вот тигров никто не боится, потому что на десятки миллионов бумажных приходится всего штук восемьсот настоящих, амурских. Стало быть, синкретизм не умножает ваших шансов на благополучие — он просто умножает вранье.

Евро, или Гендер

Список слов, начинающихся с частицы евро-, занимает несколько страниц в моей книге Д. С. П., от евро-аборта до евроящика. Но есть ведь и слово евро, просто евро.

— Ну что, евро-то? Накрылось?

Этот вопрос задал мне на днях соотечественник, узнав про устрашающее падение курса евро к доллару на фоне новостей из Греции весной 2010 года.

Хотел я, было, переспросить: а ведь евро, кажется, мужского рода? Но — осекся.

Всем известна эта ошибка. Принесли юные мои приятели домой котенка. Любителей домашних животных все-таки больше, чем живодеров. А котенок маленький, черненький, что там у него разглядишь. Вроде и нет ничего. Или наоборот, что-то там нащупывается.

— Да погоди ты, осторожней!

— Вроде есть! Котик!

На радостях нарекли Чингисханом.

А через несколько месяцев у Чингисхана появилось шестеро котят. Мои молодые друзья переименовали кошечку в Чегевару. Сами не знают, почему: хоть и мужика с бородой знают, имя им интуитивно показалось женским.

Вот и с евро похожая история приключилась. Когда эта денежная единица только появилась на свет, она, вопреки логике живого русского языка, была объявлена мужчиной.

Почему при наличии двух полов и трех родов номотеты-ономатеты выбрали для вещи мужской род? Потому что, к сожалению, не боги горшки обжигают.

Прислушиваться-то надо было не к немецкому языку, в котором евро — слово мужского рода, а к языку греческому. Ведь по-гречески евро — не драхма, к которой греки, возможно, скоро вернуться, — а слово среднего рода.

И это правильно. Потому что деньги — это все-таки только устройство, а не персона. И не надо волноваться и учить друг друга, что грамматический род не имеет никакого отношения к физическому полу. Кое-какое все-таки имеет.

В мире финансовых мачо, где даже атомобили считаются самцами из-за предполагаемого сходства выхлопной трубы с торчащим в странном направлении половым членом, мужской род считается более почетным.

Как доллар, фунт, юань.

Правда, японская иена, согласно человеческой языковой логике, неплохо чувствует себя в своем женском роде. Как марка или лира.

А вдруг и юань — она? Как рань и лань, как длань и рвань? Тем более, что хоть иена, юань и корейский вон слова одного корня, грамматический род у них — разный.

Как только из Евроландии пошел дым, некоторые мои еврозабоченные знакомые, не сговарива-

ясь, понизили курс этой валюты и в языке. Еще вчера он казался им настоящим мужчиной. А сегодня это какое-то непонятное оно. Вроде песо какого-нибудь.

Как удвоение *согласных* есть тихий сигнал почтения, так и директивное присвоение мужского рода слову, обозначающему нечто явно рода среднего, это знак повышения статуса самого предмета.

Могут сказать, к чему, мол, заморачиваться из-за такой ерунды? Какая разница, как называли, немецкую или финскую марку, французский или бельгийский франк, если они давным-давно растворились в этом самом евро? Неужели не на что больше потратить умственную энергию, пусть скромную, чем на эту вот нанолингвистику?

А это такая мелочь, в которой многим хочется иметь ясность, потому что только тут ясность и возможна. Но ясность эта не плоская, не однозначная. Что, например, заставляет нас склонять заведомо несклоняемые слова? По правилам «пальто» не склоняется. А в просторечии, в шутке? Очень даже склоняется. Говорят же «пóльта»! По какому такому правилу? А по тому же старинному правилу, по которому склоняются и другие слова среднего рода, если у них вообще может быть множественное число: кольцо — кольца, окно — окна.

И вот тут мы подходим к самому интересному: евро в современном русском языке — это вообще не одно слово, а целых три. Первые два проверяются как раз по образованию множественного числа от слова «евро».

В некоторых словарях предлагаются два варианта ударения. Одно — официальное — на первом слоге. Это, говорят, несклоняемое существительное мужского рода. Как раньше был кофе.

Но есть и другой вариант: еврó (по аналогии с тавро, бедро и ведро). По модели ведра, однако, евро, пожалуй, не просклоняешь — остался без ёвер? Вот тебе твои три еврá? Бывает, что говорят и так, но очень редко.

Стало быть, евро в мужском роде — это как бы бабло, или некая собирательная валюта? А в среднем роде с ударением на «о» — конкретные, вот эти вот, деньги?

Однако же и тут русский человек немножко на слово надавил и получил из него третью сущность, женскую ипостась — евру. «В последнее время, — читаем на одном валютном форуме, — ни бакс, ни евра доверия не внушают». Или вот эдак еще сказанут: «Рынки походу сдохли совсем — ни евра, ни нефть, ни наш рынок уже не реагируют на хаи в СиПи». На жаргоне трейдеров, стало быть, никакой он не евро и никакое оно не еврó! Она у них евра.

Как на жаргоне железнодорожников слово «путь» женского рода, так и финансисты говорят о евре. И давно. Почему профессиональный компás тружеников орла и решки указал на женский род, сказать не берусь. Но факт остается фактом. Вот такая Чегевара.

Егэшники, олимпиадники и другие безбилетники

У каждого нового слова бывает автор. И сокращение ЕГЭ придумал какой-то конкретный человек — а уж подписал документ — точно, и эта подпись залила словосочетание «Единый Государственный Экзамен» в аббревиатуру. Но общим достоянием слово стало лишь тогда, когда авторство прочно забылось, а слово пообтерлось. Целый год или даже два иго-го: ЕГЭ и ЕГЭ! Только самые ленивые не обсуждали плюсы и минусы новой системы превращения выпускников школ в студентов. Но в текущем учебном году сокращение ЕГЭ и для меня наполнилось живым человеческим смыслом: мои студенты-филологи первого курса, набранные новым способом, сели за парты. Не успели они и рта раскрыть, как странное наваждение скрутило мозг у некоторых из нас, их преподавателей.

Это прошмыгнуло и угнездились слово егэшник.

Суффиксы нужны, чтобы из одного корня выросли деревья — лес разных смыслов и новых оттенков. Например, есть ГАИ, из него с помощью суффикса образовалось слово «гаишник», есть «кино» — а из него «киношник», ну а, скажем, союз киношников раздасадованный человек назовет «гадюшником». Прибавляем суффикс к МВД и получаем эмвэдэшника, а из ГРУ — грушника. Суффикс наш, стало быть, придает новому слову пренебрежительно-уничижительную окраску. И тому, который из ГАИ, и тому, который с Мосфильма.

Но думаем дальше. Скажем, домушник — это совсем не тот, в чей дом влез грабитель, а сам квартирный вор. И гаишник это не тварь, дрожащая в автомобиле, а сам никем не любимый труженик свистка и зебропалки. А вот в слове «егэшник» суффиксальную краску плеснули явно мимо цели: так называют не тех, кто создал и внедрил систему ЕГЭ, а тех, кто подчинился этому вот свистку и жезлу. Возразят, что это, мол, малограмотные егэшники сами так себя называют, от них, безграмотных, оно, дескать, и пошло. Это вроде как в старое время пэтэушники — школу не тянут, а до станка еще довести надо. Логика образцовая: мы тебя в воду кинем, а ты выйди сухим из воды, как требует народная мудрость.

В словаре жаргона российской школы егэшник встал рядом с бюджетником, платником, а также с олимпиадником. На первый взгляд, и эти слова не нуждаются в толкованиях. В каталоге социальных масок они обозначают людей, выпавших из нарядной нормы. Чтоб лучше понять, почему егэшник, поглядим внимательнее на бесцветное, но глумливое слово «олимпиадник».

Есть старинное слово олимпионик — победитель на Олимпиаде. Казалось бы, простая справедливость требует от вуза называть своих новых студентов — победителей Всероссийских олимпиад по раз-

ным наукам — именно олимпиадиками. Они пришли к тебе по тобой затеянному конкурсу, это ты хотел отобрать из желающих — желанных. И вот ты их получил. Но счастливый олимпиадник вдруг чувствует себя олимпиадником, т. е. человеком, которому можно нахамить высказанным вслух подозрением: «Ну, а имя Галилея-то ты слышал, безлошадник? Или в твоей тьмутаракани еще живут по Птолемею, двоечник? А впрочем, и Птолемея ты не знаешь, безбилетник». Это я не придумал, если что. Это модель такая в головах: льготник, блокадник, колясочник, искусственник... Пришел, убогий, на нашу голову.

Первокурсники жалуются: некоторые преподаватели унижают егэшников, обзывая тех «макаками, натасканными на тесты». Но и сопротивляться, называя себя в ответ «олимпиадиками», по вышеописанным причинам не с руки. Еще ведь скажут, что свои победы на региональном конкурсе купили, ну, и в Нерезиновую, стало быть, въехали по кривой.

Вот и разгадка слова егэшник: один маленький суффикс, и студент уже не объект всероссийского эксперимента, а субъект и даже злоумышленник, коварно подобранный ключ к нашей нефтяной замочной скважине. Да-да-да, они делают страшные ошибки, но с каких пор грамотность в этой стране стала источником морального превосходства над кем бы то ни было? Тем более — над собственными питомцами? Или преподаватели и студенты — коллеги, или — егэшники, а кто так обзывается, тот сам так называется.

Упреждая возможное обвинение в формализме, напомним, что этим словом в ранние советские годы обозвали художников-экспериментаторов, а также их ближайших последователей и исследователей. Один из обвиненных в «формализме» — Сергей Эйзенштейн — сразу откликнулся. Назвать человека, изучающего форму, формалистом, — сказал Эйзен-

штейн, — это как врача-венеролога обозвать сифилитиком. Когда этим занимается целая страна, это даже не грустно. Но и не смешно.

Железнодорожноподслушанное

Это не просто длинное слово. Здесь я решил собрать без комментариев то, что записывал за согражданами прямо, не добавляя и не убавляя ни слова. Записи эти скупые. Часто — грубые. Но это — живой язык.

Живущему среди народа-политического-комментатора как-то совестно писать о политике за деньги, когда о ней совершенно бесплатно и намного лучше, чем я мог бы написать, говорят попутчики в электричке.

Надо ли говорить, что, враг цензуры, не смею менять ни звука?

Электричка Калуга 1 — Киевский Вокзал, 16 сентября 2009

М 1 (50+) — Ну, а Лукойл?

М 2 (30+) — Ой, ну какой на хуй Лукойл?..

Дальше не слышу, все перекрывает голос Ж-невидимки из вагонных динамиков: «Уважаемые пассажиры. В связи с угрозой теоретических (так мне и попутчикам слышится слово «террористических», так я его и записал — Г.Г.) актов убедительно просим вас соблюдать бдительность и т. п...»

Перебивая Ж-невидимку без возраста, страшным металло-пластическим голосом заговорила Ж Очевидная 30–60+, призывающая покупать колготки, подследники прибалтийские. Вижу безмолвно шевелящиеся губы обоих моих политологов, а Ж Очевидная все про подследники, да про беруши и натопыши.

Но и Ж-невидимка не унимается: «Граждане, торговля в электропоездах запрещена...»

Вагон посмеивается, Сирена впаривает пассажиркам свой ценимый за эпитет «прибалтийский» товар.

Но вот и она ушла, и перед самой уже Москвой ловлю последнюю каденцию:

М 1: Ну, Гозман там...

М 2: Гозман, да... Жириновский блять с человеческим лицом.

Женщина без названия

— Как определить пол зайца?

— Очень просто. Ловишь зайца.

— Ну?

— И сразу отпускаешь: если побежал — заяц, если побежала — зайчиха.

В учебниках русского языка написано, что грамматический род не имеет отношения к физическому полу. Например, ветер и ручей мужского рода, а водка и река — женского. А раз никто не знает, почему, то, стало быть, и нет связи. Но когда дело доходит до словаря социального, эта логика стихий работать перестает.

В учебниках пишут, что названия профессий дают в словарях и употребляются, якобы, только в мужском роде. Министр, депутат. На первый взгляд, почему бы не поверить учебнику? Учебнику надо верить. Вот президент, например, это понятно. Президентша — это его жена. А президентки как бы и быть не может. Не студентка все-таки. Или возьмем слово «поэтесса». Одна великая поэтесса, когда Аполлон не требовал ее к священной жертве, объявляла: «Я не поэтесса, я — поэт!» Как и ее многочисленные поклонники поколения спустя, поэтесса думала, что само это слово для нее оскорбительно, что оно принижает ее достоинство как поэта. Вот только сказать, что нет такого слова, поэтесса не могла. Почему же она считала его

уничижительным? Да потому что жила в эпоху, когда женщина совсем не считалась таким же полноценным человеком, как мужчина. В эпоху, которая и не думает кончаться. Боюсь даже, что с великой поэтессой сегодня согласится большинство населения России и других развитых и развивающихся стран. В противном случае женщинам, например, платили бы побольше или хотя бы столько же, сколько за такой же труд получают мужчины.

Вот почему учебник, который нашептывает школьницам и школьникам, что грамматический род не имеет отношения к физическому полу, а потому для обозначения профессий применительно к женщинам используются слова мужского рода, — такой учебник — атавистический, а мотивировка сохранения традиции — грамматический род не привязан к физическому полу — гроша ломаного не стоит.

И не потому, что Пушкин давным-давно прописал русскому языку председательницу, и даже не потому, что есть не только хорошее слово учительница, но и мем советского сентиментализма «учительница первая моя».

А вот почему: натываясь на этот атавизм, мы сплошь и рядом чувствуем неловкость от некоторой неполноты языка. При всем богатстве, носитель языка испытывает затруднения, когда ему надобно применить к женщине слово, обозначающее профессию. Улица скульптора Мухиной. Все правильно. Не скажешь же «скульпторши»: скульпторша — это жена скульптора. Скульптрица? Скульпториня? Скульпторка? Скульптрикс? Ну — нету слова. Такие слова в лингвистике называют дефективными. Для каких-то слов такая возможность есть. Работница, плотница, царица. Ткач и ткачиха. Дворянин и дворянка. Дворник и дворница, а дворничиха — это, понятное дело, жена дворника. Ну да, сейчас набегут и скажут, скульптор относится и к мужчине, и к женщине. Да, нету сло-

ва. Но вот сказать «и быть не может» все-таки нельзя. В паре «повар и повариха» мужчина и женщина почти равноправны. Как в скульптуре Мухиной «Рабочий и колхозница»: мужик чуть-чуть повыше, хотя и баба там — будь здоров. А в паре «врач и врачиха» — уже нет, врачиха звучит уничижительно. Захочет говорящий градус уважения повысить, скажет «докторица», но и оно не нейтрально: некая уступительно-ласкательная нота мешает.

Немцы, у которых с грамматическим родом такая же мутная история, гендерную корректность вводят уже несколько десятилетий и добились успеха. У них даже для женщины — федерального канцлера правильное название: вот Шредер был Bundeskanzler'ом, а Меркель — Bundeskanzlerin. На русский язык пока не переводится. Потому что канцлерша у нас — это жена канцлера. Канцлерка вообще больше похожа на предмет вроде конторки. Канцлерина — как балерина? Или канцлерица как фельдшерица? Почему нет?

Аргумент у противников самого поиска такого слова обычно один: не звучит. А ведь русский язык так богат суффиксами женского рода: граф и графиня, паук и паучиха, орел и орлица, учитель и учительница, товарищ и товарка, сударь и сударыня. Что же есть в этой традиции такого, что мешает людям спокойно писать и выговаривать «поэтесса», «председательница» или, скажем, «депутыня»? Иллюзия, что мы живем в вечности, а не в истории. Это в вечности все слова стоят на своем месте. А исторический прибор все-таки меняет конфигурацию береговой линии, и иногда количественные изменения приводят-таки к переменам качественным.

Читаю на ленте новостей заметку: «Преступница оказалась преподавателем». В первый момент подумал — трансвестит, наверное, под юбкой пистолет пронес. И только потом дошло: да нет, женщина-

убийца уже может быть для редактора «преступницей», тут ничего уничижительного нету вроде, да? А вот назвать преподавательницу преподавательницей «религия не позволяет».

Хорошо понимаю, что, например, финский или турецкий читатель на эти гендерные жалобы посматривает свысока: если нет категории рода — нет и проблемы. Но в русском-то эта категория есть, и, как видим, социокультурно ее заряжают в разные ружья.

Инкультурировать христианство

Из договоренности о равенстве людей перед законом вытекают нетривиальные следствия. Например, согласно конституции ряда стран, никто не может навязывать себя остальным людям в качестве наместника бога на земле. Стало быть, и вопрос о существовании или несуществовании бога утрачивает былую остроту и общественную значимость, а заодно выясняется, что можно обойтись и без религиозных войн.

Конституция требует, однако, уважать всех богов, сколько бы их ни было. И гражданин имеет право быть последователем столько богов, сколько угодно его душе и сколько готовы терпеть его товарищи по тому или иному культу. Верующим предъявляется то же ключевое требование, что и неверующим: не заниматься опасным для здоровья членовредительством. И все-таки в мире действуют по меньшей мере два довольно шумных и хорошо организованных религиозных объединения, которые подвергают членовредительству поголовно всех своих младенцев. При этом религиозная мотивировка операции над ребенком незамысловата: крайняя плоть мальчиков, а кое-где в Африке и срамные губы девочек, объявлены любезными богу (или богам).

Но в развитых демократических странах удается не замечать в упомянутом ритуале того, чем он яв-

ляется, — организованного членовредительства. Почему? Лицемерные европейцы просто договорились признать оба религиозных образования явлением культуры. Даже и не имея религиозных предпочтений, можно с уважением относиться к тем, кто такие предпочтения имеет. Вот почему человек, воспитанный в духе терпимости, может инкультурировать даже членовредительство. Тем, кто меня сейчас злобно заругает за употребление непонятого слова «инкультурировать», отвечу: меня ему научил лидер самого многочисленного религиозного объединения Российской Федерации. Произнес он это слово не в религиозной проповеди и адресовал через журнал «Эксперт» тем, кто к его епархии не относится и об окормлении не просит.

Скажу прямо, мне вышеописанная терпимость не всегда по душе. Но услышав, что и патриарху не нравится, когда «инкультурируют христианство», я очень удивился: если не считать экзорцизма и отдельных нетипичных случаев педофилии, в явном членовредительстве христиан в последние десятилетия все же никто не обвинял. Но оказалось, что патриарх считает инкультурацию христианства недостаточно последовательной, что ему не нравится, когда христианство инкультурируют безбожники. И объясняет он это словами Николая Бердяева, который когда-то был марксистом, а потом стал православным философом. Бердяев утверждал, что церковь — это охристовленный мир. Буквально прочитав эту красивую метафору, патриарх изъявил желание, чтобы не церковь была частью культуры, а культура «охристовилась» и стала частью церкви.

Для того чтобы понять предложение патриарха Кирилла, нам придется, однако, от Бердяева вернуться к другому авторитетному бородачу — Карлу Марксу, который говорил, что философы прошлого только объясняли мир, а он предлагает его изменить. И Ки-

рилл, с Бердяевым-Марксом наперевес, как бы хочет сказать нам: надо не объяснять христианство безбожникам или иноверцам, а сделать всех безбожников и иноверцев христианами.

Риторическая фигура, которой блеснул в своем выступлении патриарх, называется хиазм (от греческого названия буквы «х»), и Маркс владел ею мастерски: вот написал философ Прудон книгу «Философия нищеты», тут как тут появляется Карл Маркс и пишет опровержение под названием «Нищета философии». Другой мыслитель, Бруно Бауэр, потребовал «эмансипации евреев от христианского государства», но пришел Карл Маркс и заявил, что нельзя добиться эмансипации части общества без эмансипации целого. А как эмансипировать целое? Все гражданское общество? Все государство? А очень просто, говорит Маркс, надо совсем убрать религию. А патриарх Кирилл предлагает проехаться по букве «х» снова в обратном направлении.

В отличие от России после 1917 года, западное общество — правда, только после 1945-го! — удержалось от марксистско-ленинского и прочего радикализма и до сих пор с переменным успехом охраняет церкви, синагоги и мечети от разрушения — как живые памятники культуры. Инкультурировав культы, Европа защищает их приверженцев и противников друг от друга, никого не обязывая при этом верить попам, муллам, раввинам, ламам или гуру.

Но что будет, если кто-то в самом деле попробует вернуть ту социальную роль, которую у церкви отняли — на Западе Великая Французская революция 1789, а в России — Февральская и Октябрьская революции 1917 года? Сегодня религия часть культуры? Так пусть завтра культура побудет служанкой религии?

Пушкина читайте, господа. Нет-нет, не «Сказку о попе и о работнике его Балде», а «Сказку о рыбаке и рыбке».

Инновации, или Модернизированный инноград

Понятное дело, каждый руководитель хочет заполучить волшебное слово, которое непосредственно передавало бы гражданам его пожелания. Лозунг, который зажигал бы массы. Что для этого нужно? Тот, кто скажет, что это слово должно для всех означать одно и то же, ошибется. Таких-то слов в языке очень много. Например, «пиво», «вобла», «квартира». Почему из них трудно составить политически эффективный лозунг? Да потому что пообещать каждому квартиру по-прежнему невозможно, а пиво с воблой появились сами собой тотчас по миновании советской власти, и обещать их кому бы то ни было глупо и смешно.

Вот почему для политических лозунгов часто выбирают слова иностранные. Например, по воспоминаниям журналиста давно переставшей выходить лондонской газеты, один из ключевых лозунгов русской

революции 1917 года — «Мир без аннексий и контрибуций!» — пользовался успехом, потому что народные массы думали, будто Аннексия и Контрибуция — имена царских дочек. А делиться с ними миром никто не хотел.

Успех окрыляет, и в дальнейшем на протяжении нескольких десятилетий в стране активно эксплуатировался лозунг с применением «коммунизма» и «электрификации» — слов, о значении которых ни тогда, ни теперь так и не был достигнут консенсус. «Коммунизм это есть советская власть плюс электрификация всей страны!» Впрочем, и слово «консенсус» многие понимают совсем не так, как предписывает словарь.

Тридцать лет назад в ганзейском городе Бремене объявили модернизацию городского транспорта. Расширили дороги. Убрали гремящие трамваи. Пустили удобные автобусы. А спустя еще десять лет почесали репу и вернули трамваи. Применили инновационную технологию, и старые трамваи стали тихими. Между рельсами посеяли травку. Вместо двух полос для автомобилей оставили одну. Добавили полосу для велосипедов. Модернизация — последнее слово техники — совпала с инновацией — новым подходом к старым потребностям — удобнее и быстрее добраться до цели.

Десять лет спустя вдоль некоторых магистралей города Москвы под лозунгом модернизации выкорчевали деревья и вырвали из земли рельсы. Убрали трамваи, расширили дороги. Результат этой модернизации: наземным общественным транспортом в многомиллионном городе пользоваться невозможно.

Модернизация оказалась не ключом к решению проблем, а только узкой замочной скважиной. По многополосным проспектам, наряду с нормальными людьми, ездят и лица с пониженными умственными и/или эмоциональными способностями. Спецсигналы об их приближении имеют красивое название: проблесковые маячки. В просторечии их зовут ми-

галками. В 2009 году возникло даже антимигалочное движение «синих ведерок». Не все его оценили, хотя высокая скорость, которую развивают автомобили мигалочников, не всем позволяет вернуться. Да и появляются эти модернизаторы с неожиданной стороны.

Модернизация — последнее слово техники — совпало с инновацией — удовлетворением по-новому старой как мир потребности — показать каждому, кто на дороге хозяин. И сам концепт модернизации, как его ни подкручивай, людям не нравится: они подозревают модернизаторов в отсталости и неискренности. И в инноград не рвутся.

Какой из этого вывод можно сделать для нашего лозунгового хозяйства? А вот какой. Пользуясь словами «модернизация» и «инновации», нельзя забывать о судьбе «электрификации», а также об «аннексиях» и «контрибуциях». Потому что с вас обязательно спросят. И не столько за выхолощенный лозунгами смысл слов, сколько за трамваи — самую полезную для народа инновацию британских ученых™.

Катехизнуть и отмиссонерить

«Я не ищу гармонии в природе», — сказал поэт. Почему же мы ищем ее в делах человеческих? На этот вопрос есть старинный мифологический ответ. Что делает здесь у нас на севере это греческое имя? Древние греки считали Гармонию дочерью бога войны Ареса и богини любви Афродиты. И похожа она на отца и на мать. Почему же у сегодняшней нашей Гармонии такое не вполне человеческое лицо? Для Афродиты она слишком безобразна, для Ареса — слишком труслива.

Вот вам, к примеру, гармония церковная. Ну что заставляет диакона Андрея Кураева, наставляя на путь истинный будущих священников, преобразовывать

слова из своего профессионального душеспасительного лексикона в нечто не совсем кошерное:

Регентши — студентки регентского отделения, — это девушки православные, в основном из поповских семей, — наставляет Андрей Кураев семинаристов. — Она тебе будет всю жизнь лысину протирать: «А у меня папа так не делал, а мамочка так не советовала, это можно есть, а это нельзя есть, сюда целуй, а сюда не целуй, и так далее. Поэтому лучше, ребята, так, по-миссионерски скажу: идите в город, на дискотеке найдите неверующую девочку. Отмиссионерьте ее, катехизните ее по самое не могу. Заслуга будет ваша: вы душу спасли для Церкви!»

Вот, к примеру, греческое слово «катехизис» обычно употребляется по-русски в значении «устное наставление, поучение, внушение». Но что тогда означает выражение отца диакона «катехизните по самое не могу»? То же и со словом «миссионер». Оно — латинское, но и по-русски употребляется в значении «человек, распространяющий свою веру среди неверующих или инаковерующих». Что в таком случае означает выражение «отмиссионерьте девочку с дискотеки»?

Инстинктивный ответ на этот вопрос гласит: слова «катехизните по самое не могу» и «отмиссионерьте» приобретают смысловую окраску бранных слов, обозначающих половой акт. Есть такая фигура речи, обратная эвфемизму (это когда вместо «в уборную» говорят «кое-куда»), — эсхрофемизм называется (это когда нельзя сказать «кончить», чтобы кто-то не подумал о неприличном). Эта фигура речи применяется, когда человек за всяким невинным словом видит непристойность. В романе Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» есть занятный персонаж — монах Ейвставий. Имя, придуманное переводчиком Николаем Любимовым, тоже русско-греческое, возникшее, если кто не понял с первого раза, на полпути от гре-

ческого имени Евстафий — «стойкий» (надо полагать, в монашеском подвиге) к русскому глаголу «вставить», чем-то неуловимо напоминающему столь же невинный глагол «кончить».

Большинство населения нашей страны постоянно пользуется подобными словами. Отчасти по той же причине, по какой это делал и Рабле. Ничто так не заедает, как пустосвятство, ханжество, лицемерие. Не ответить лживому пастырю его же монетой нельзя. Но что остается делать, когда сам промыывающий по самое не могу мозги молодежи диакон заговаривает на этом понятном народу языке? Он ведь под другую гармонию подписку давал сам знает кому.

В оправдание диакона Кураева можно сказать, что политические эсхрофемизы в России давно в ходу. Так, образованный по той же модели глагол «скоммуниздить» в значении «тихо украсть под громкие разглагольствования о коммунизме» постоянно применяется в печати к борьбе Геннадия Зюганова и его соперников за электорат компартии. Хотя сам Зюганов слово «скоммуниздить» едва ли употребляет, информационные сообщения (2004, 2006 г.) выходят под заголовком «Зюганов: «ЖиРоПень» скоммуниздят мой электорат!» Вот типичное для нулевых годов сообщение:

Как заявил сегодня (26.10.2006) на пресс-конференции лидер КПРФ Геннадий Зюганов, объединение РПЖ, РПП и «Родины» — «ЖиРоПень» — представляет реальную угрозу для целостности страны. «Это хуже оранжевой группировки на Украине, потому что они совершенно неразборчивы в средствах, действуют по понятиям. Это не политическая сила, а политическое бандформирование. Две партии власти («ЕР» и «новые левые») будут рвать страну на части», — сказал Зюганов. Зюганов отметил, что «ЖиРоПень» ставят перед собой задачу отобрать голоса у КПРФ, однако компартия готова этому жестко противостоять.

Однако в случае компартии применение эсхрофемизмов — это естественное для носителей языка развитие темы. Церковная риторика до сих пор подавала себя как возвышенная.

Итак, блатное слово перестало восприниматься как блатное. Перестало казаться блатным. Но перестало ли оно и быть блатным? Пока нет. Границы допустимого духовное и физическое начальство испытывает на людях регулярно. Сначала это может нравиться обеим сторонам: свой парень рубит сплеча. Но блатной словарь очень быстро кончается. Критики Кураева насовали ему за славяно-греко-латинский симбиоз блатного и церковного «по самые помидоры» — это выражение синонимично синтагме «по самое не могу», но несколько натуралистичней. Такова красноречивая гармония социальной природы.

Случай диакона Кураева может, однако, оказаться и симптомом возвращения к традиционному матерному глумлению над церковью — тому самому «в бога, душу, мать», которое около ста лет назад сопровождало всенародный разгром религиозной жизни в России. Впрочем, табуируемое матерное речевое сопровождение христианских религиозных практик, которое наблюдается, например, на Балканах, может и не подрывать ни влияния церкви, ни статуса этой организации в обществе.

Кризис, или О том, как чухонец посрамил лицо кавказской национальности

Разъезжая летом 2009 года по городам и весям, спрашивал у таксистов, как там с кризисом, много ли меньше клиентов и т.п. Все-таки, думал я, в кои-то веки у нас с Европой общее ключевое слово года!

Ганноверский очень жаловался на кризис: вдвое меньше, говорит, с осени.

Лейпцигский: все ерунда, пассажиров у меня и раньше было кот наплакал, и сейчас столько же.

Бергенская таксистка переспросила: какой, мол, кризис?

Но в Хельсинки в середине июня мне попался самый разговорчивый таксист. Сначала он с легкой растяжкой, как в советском анекдоте, сказал: «Ten, maybe twelve percent less passengers». Потом была пауза, после которой он заговорил громче:

- In summer, there is another problem...
- ?
- I have another problem.
- Which one?
- Women have beautiful legs.
- And?!
- And asses!

Посрамил чухонец лицо кавказской национальности. До сих пор стыдно мне за свои вопросы да уточнения.

Крыша и карман

Лингвисты знают о гетерогенности языка. Если перевести это слово на более привычный язык, то оно значит вот что. Мы никогда не пользуемся прямыми средствами для описания реальности, а обращаемся к метафорам, т. е. описываем одну реальность по аналогии с другой. К сожалению, именно поэтому люди в принципе с трудом понимают друг друга. Вот, например, слово «карман» всем понятно. Но откуда оно взялось? Одни говорят, что оно — то ли монгольское, то ли тюркское, и обозначает «емкость, имеющую отверстие для проникновения», а еще — «крепость, которую можно взять, а можно и не взять». Во втором значении древний корень слова «карман» ведет нас к другому знакомому и древнему слову — «кремль».

Лингвистический вывод из этого очень важен: все ключевые слова во всех языках — заимствованные. Например, во всех европейских языках используют слово «мафия» для описания специфической формы организованной преступности, сращенной с государством. Итальянское слово удобно для описания такой реальности, потому что помогает увидеть предмет со стороны. К тому же оно позволяет понять, что только международное сотрудничество и позволяет на деле бороться с этим видом преступности. Почему международное? Потому что оно свободно от недопонимания, которое неизбежно на родном языке.

Например, в деле Михаила Ходорковского и Платона Лебедева международное сообщество видит не правовую коллизию «государство» против «криминального бизнеса», а разборку «братков по понятиям». И как бы «заказавшие» ЮКОС ни надували щеки, при всем уважении к нефти и газу, а также к историческим заслугам России как великой державы, в приличное общество кремлевский премьер-браток допущен условно — только на срок своего премьерства или чаемого третьего президентского срока.

Помощь россиянам пытаются оказать то британцы, то австрийцы, то испанцы. Обычно Россия упирается всеми наличными рогами и копытами. Причины упирания патриотические, а вот аргументы — чисто филологические. Некоторым кажется, что, называя вещи менее понятными именами или не договаривая предложения до конца, они могут сделать бывшее — не бывшим. Вот как это происходит на этот раз.

14 мая 2010 года российские СМИ сообщили, со ссылкой на испанскую газету *El Pais*, что владелец холдинга «Базэл» Олег Дерипаска финансировал некую криминальную структуру, которая обеспечивала его бизнес «крышей».

Вчитаемся в слова бизнесмена, передаваемые российскими агентствами: «По словам Дерипаски, речь

кто крайний?

шла не об отмывании денег, а о получении «крыши» для его предприятий в обмен на деньги... В ходе допроса Дерипаска признался, что был вынужден платить неким криминальным структурам...»

Слово «крыша», оказывается, многозначно. Казалось бы, так называемый олигарх Олег Дерипаска уже имеет «крышу» в Кремле, для которого, не будем забывать этимологию, сам его бизнес является удобным карманом. Зачем же ему еще одна крыша?

Да и вообще, что хочет этой азбукой морзе передать испанская газета российскому обществу?

Для этого надо понять только одно выражение Олега Дерипаски: «Был вынужден платить». Платить — что?

Есть такой старый-престарый анекдот. Судят ну очень большого художника. За изнасилование малолетнего. Понятное дело, ищут смягчающие обстоятельства: все-таки крупный мастер резца или сцены. Судья спрашивает: «Ну как же вы, такой большой мастер, а пошли на такое преступление?» Подсудимый чисто-сердечно отвечает: «Увидел я этого мальчика и сразу понял: такой сладкий, ведь обязательно кто-нибудь изнасилует. Ну, и подумал: так пусть лучше это буду я, чем какой-нибудь негодяй! Вынужден был...»

Итак, вынужден был платить неким криминальным структурам — что?

Тут надобно договаривать до конца: вынужден был платить неким криминальным структурам зарплату. Стало быть, испанская газета, передавая разговор Олега Дерипаски с представителями испанской же Фемиды, в который раз рассказывает нам один и тот же анекдот. Но кто же любит старые анекдоты?

Кто крайний?

Впервые с народной политкорректностью я столкнулся, когда мне было лет девять. Я пришел, стало быть, году в 1962-м в парикмахерскую на Красноар-

мейской улице и спросил у сидевших в очереди мужчин: «Кто последний?» «Здесь все первые!» — грубо ответил мне самый младший по возрасту мужчина — прыщавый подросток, уже познавший мудрость жизни. «Так спрашивать нельзя, парень, — объяснил мне мужчина постарше. — Нельзя человека последним называть. Надо говорить «кто крайний?» Но прошло еще несколько лет, и оказалось, что «крайним» называть человека тоже нельзя, а спрашивать нужно так: «За кем я буду?»

С годами выяснилось, что у людей, легко сносящих площадную брань, сложились странные отношения с самыми обыкновенными словами. К примеру, нельзя предложить человеку: «Садитесь, пожалуйста!» Только «присаживайтесь!» Нельзя сказать о человеке, что тот «спит». Только «отдыхает». Это считается культурным.

Некультурным считается называть человека в летах «пожилым»: надо, оказывается, говорить «возрастной». Этой мудростью охотно делятся с вами люди, которые обязательно поправят вас, если вы спросите, не хотят ли они поесть: они не «едят», а только «кушают».

Еще мои недавние молодые учителя, прочитав доклад, спокойно говорили «я кончил». Вы не поверите, но в зале никто не смеялся. Лет двадцать пять назад. А уже лет двадцать назад, закончив выступление в весьма приличном академическом собрании, известный ученый и нехилый оратор буквально расколол аудиторию на две неравные части словами «я кончил». Седовласое меньшинство не без удивления наблюдало за странным поведением смеющегося большинства: к этому времени глагол «кончить», употребленный без дополнения («кончил дело — гуляй смело»), по неизвестной науке лингвистике причине, приобрел новое значение: «испытать половое удовлетворение».

Теперь вы понимаете, почему у нас учебные заведения больше не кончают, а только заканчивают, и каникулы больше не кончаются, а только оканчиваются. Даже поэтов не щадят пошляки проклятушие: поет певица «я так хочу, чтобы лето не кончааалось», тут как тут словесные хулиганы стебаются: «я так хочу, я все лето не кончала». В этой атмосфере не спросишь, как прежде, «где кончали» школу, обязательно поправят: «где зака-а-анчивали». А ведь глагол «кончать» раньше употреблялся еще и в значении «приканчивать кого-то». Бывают трудные подростки. А это такой вот трудный для просторечия глагол. Как бы кто плохого не подумал. Но чтобы не оттягивать конец колонки, попробую дать совет читателям, иногда спрашивающим, что делать, когда тебя начинают поправлять, мол, не «врач», а «доктор», не «комната», а «зала», не «чашка», а «бокал», не «бокал», а «фужер»?

Совет первый — не залупаться. Попробуем не забывать, что люди разные бывают, а в условиях общей речевой разнузданности некоторым хочется отвоевать для себя такую вот залу культурности. Другие назовут это пошлостью. Третьи скажут, что «Граждане СССР имеют право на отдых», пошлость вовсе не обязательно — порок. Просто жить в ожидании брани тяжело. Вот почему совсем похерить этот сегмент носителей языка рука не подымается. Но и равняться на тех, кто во всяком слове боится напороться на неприличное, едва ли стоит. Не в охуление им будь сказано, но кому-то ведь и глагол залупаться может показаться бранным.

Наука приравнивает всю эту культурную пошлятину «возрастных», «кушающих», «отдыхающих» и «присаживающихся» к суевериям и бережно изучает собранные образцы. Не читать же мораль человеку, который отказывается протянуть руку для рукопожатия через порог, получать в подарок платок или в застолье передавать нож из руки в руку.

Как и список бытовых суеверий, живая речь на-

ходится в постоянном движении. Вот в последние лет десять тянущиеся к культуре люди вместо «удобно» все чаще говорят «комфортно». Почему? Возможно, потому, что за несколько десятилетий до того они привыкли употреблять слово «неудобно» в значении «неприлично, стыдно». Даже анекдот такой был в 80-х годах — про Стеньку Разина, который в набежавшую волну княжну-то бросил, а потом ему «неудобно стало». Значит ли это, что ради слова «комфортно» надо отказываться от слова «удобно»? Нет, не значит. И мизинчик не обязательно оттопыривать, когда рюмку опрокидываешь, но и раздражаться на мизинчик оттопыривающих — последнее дело. Тут главное быть понятым. С ударением на «о», понятное дело.

Латы, или Балтийская политэкономия для русских украинцев

И снова *железнодорожноподслушанное*. Летом 2008 года на площадке для курения возле вокзала восточногерманского города Л. в ожидании поезда курят двое. Прислушиваюсь к русской речи с легким южнорусским акцентом.

М (40+) — А в Латвии?

М (20+) — В Латвии блять латы.

М (40+) — А в Литве?

М (20+) — Литы блять. А у эстов кроны. Или марки блять. Не помню нахуй.

М (40+) — Ёптвоюмать!

М (20+) — Да. Да. Но дорого блять. И платят хуёво. Очень хуёво. Как в Киеве почти.

Ленинка

Судя по событиям последнего десятилетия, коллективный московский ономатет — шизофреник. Большой Дмитровке, переименованной в 1937 году

в Пушкинскую, вернули старое название, а Большая Калужская улица так и осталась Ленинским проспектом.

Ленинским горам вроде бы вернули название Воробьевых и даже станцию метро переименовали, но почтовые адреса не поменялись, и Московский университет по-прежнему расположен на Ленинских горах.

Теперь Пушкинская площадь в Москве одна, а Ленина по-прежнему явно больше, чем может снести город: от места, помеченного и словом, и телом вождя на Красной площади, до Ленинской Слободы, именем Ленина Россия пропитана на молекулярном уровне, так что простыми отхаркивающими средствами тут не обойтись. Ведь дело еще и в том, что имя Ленина нельзя просто выкинуть из истории. Да и не следует делать это.

Вот, к примеру, главная библиотека России, ныне называемая РГБ, или Российская государственная. На архитраве мрачно-прекрасного здания Шуко и Гельфрейха имя Ленина законно начертано огромными золотыми буквами, и от этого никуда не деться, как и от того, что учреждение-предтеча «Ленинки» звалось Румянцевским музеем. Но значит ли это, что сегодня можно вернуть «старое название»? Даже если совсем новое название — РГБ — никому не нравится? Некоторые наивные и добрые люди с удовольствием расшифровывают аббревиатуру РГБ не как Российская, а как Румянцевская государственная библиотека. Недавно от коллеги-филолога вместо привычного и как бы оторвавшегося от Ленина названия «Ленинка» услышал нарочитое «Румянцевка». Оно мне кажется ошибкой. Почему Филипповскую булочную в Москве, Елисеевский магазин в Москве и Питере в обиходе никогда не называли ни «Филипповкой», ни «Елисеевкой»? И вот — хозяев прогнали, а оба магазина — Елисеевский и Филипповскую — так

и называли. Но не из жалости к бывшим владельцам, а просто потому что остались люди, помнившие, что с этими именами связано дело и качество еды. Они и передали его следующим поколениям. Но название «Филипповская» — барское, а «Ленинка» — холопское. А поскольку жители постсоветской России мыслят и говорят не по-барски, а по-холопски, то и в названиях с этим населением играть ни к чему.

А что — Ленинка? Да я сам так говорю. И даже станцию «Охотный ряд» в разговоре, например, со «старыми эмигрантами», для ясности, иногда называю «Проспект Маркса». Когда она была «Проспектом Маркса», говорил «Охотный ряд». А теперь — так.

Главного пока сделать все никак в России не научатся: на табличках с названиями улиц писать, буквами помельче, и старое название. И годы, когда она так называлась.

Лондон, или Прямой эфир

У меня есть друг, который бойкотирует российское телевидение. Как телезритель. Понятное дело, телевидению от этого ни жарко ни холодно. Но он идет дальше, требуя от своих друзей абсолютного неучастия в телепередачах и с передающей стороны. И все мы, его друзья, неукоснительно соблюдаем данное обещание.

Но в телевизор все-таки поглядываем. Вот почти иностранный канал «Евроньюс», а вот «Вести-24», канал «Погода».

В ноябре 2010 года на канале «Вести-24» обсуждалась реформа милиции-полиции и правил дорожного движения. Словосочетание «прямой эфир» в золотой рамке в левом верхнем углу картинке заставило смотреть. Участвовали депутаты Госдумы России. В своей тарелке чувствовал себя, пожалуй, только сам телеведущий, а вот о депутатах фракций «Единой России»,

КПРФ и «Справедливой России» этого сказать нельзя. Потому что ЛДПР представлял Андрей Луговой, разыскиваемый британской полицией по обвинению в убийстве своего бывшего коллеги Александра Литвиненко. Поскольку британской полиции и британским спецслужбам в России, по историческим причинам, все еще доверяют несколько больше, чем своим собственным, настроение депутатов мне очень понятно.

А одно высказывание господина Лугового сделало всю передачу настоящим гимном прямому эфиру. Когда речь зашла об эффективности управления дорожным движением, депутат Луговой воскликнул (передаю по памяти суть высказывания, порядок слов мог быть иным): «Но почему же в Лондоне 700 полицейских лучше справляются со своей работой, чем в Москве — 7 тысяч гаишников?!»

О Лондон! Услышать это слово из уст разыскиваемого полицией этого города предположительного опасного преступника можно было, конечно, только в прямом эфире. На лица коллег г-на Лугового по депутатскому цеху стало так больно смотреть, что я выключил телевизор и продолжения дискуссии не видел.

Так вот, что бы заметил и непременно изъяс из записи цензор?

Разумеется, упоминание города Лондона.

Ведь если сам Андрей Луговой, которого, как предполагают, и депутатом Госдумы сделали для спасения от британской Фемиды, заявляет, что полиция этой страны работает лучше, чем соответствующие службы той, в которой он наделен депутатскими полномочиями, то не означает ли это косвенного признания господином Луговым своей причастности к убийству господина Литвиненко, как на том настаивают специалисты из города Лондона?

Вопрос риторический. Он же — необходимое и достаточное разъяснение, почему вменяемые граждане

этой страны вынуждены избегать общения с телевидением. С обеих сторон экрана. Из соображений личной гигиены и общественной безопасности.

Любовь к Родине начинается с семьи

Однажды по дороге к станции у меня развязались шнурки на ботинках. Шнурки длинные, завязывать их приходится дольше обычного. Надо сказать, что из чисто спортивного интереса шнурки я люблю завязывать стоя на одной ноге: когда больше не смогу так делать, это станет для меня показателем наступления старости. А тут еще вижу — идут навстречу симпатичные молодые няни, выгуливающие в олигархического вида колясках тихих невидимых младенцев. Дай, думаю, покажу им, какой я ловкий. Идут они медленно, обходить им меня приходится, уступая друг другу дорогу, вот и услышал я обрывок их разговора:

— Ну, считай, на пульте там один безвылазно охраняет. Пожилой. В экраны смотрит и чай пьет.

— А Алёну?

— А для Алёны, видишь, двое нужны. Потому что один обязательно залезет. Он же понимает. Это без вариантов. Он же три четверти года летает-катает.

— И для нее, значит, двоих пришлось...

— А без толку. Ей двоих-то мало. Они трое и договорились...

Разумеется, все упомянутые имена не только изменены, но и забыты.

Буквально накануне — бывают ведь такие совпадения! — я рассказывал студентам об ужасной истории царя Кандавла у Геродота. Этот Кандавл был так влюблен в свою жену, что совсем потерял голову и возмечтал, чтоб хоть кто-то еще увидел, как она прекрасна. Но цари одиноки, и единственным человеком, которому Кандавл мог показать свою жену обнаженной, был его собственный телохранитель Гигес. Как Гигес

ни упирался, Кандавл заставил его подсмотреть в нарочно оставленную щелку. Жена Кандавла заметила, как метнувшееся на сквозняке пламя фитиля отразилось в любопытном зрачке слуги, и уже на следующий день, не стерпев унижения, убедила Гигеса зарезать их общего, так сказать, мужа и работодателя. И зажили царица и ставший царем телохранитель, связанные общим преступлением, во дворце Кандавла. Ставшем теперь их семейным гнездышком.

Вот уже не первый год жителям Москвы пытаются внушить мысль, что «Любовь к Родине начинается с семьи». Развешенный по московской подземке за подписью английского философа Фрэнсиса Бэкона плакат с матрешками умалчивает о главном. Семья при определенных обстоятельствах может оказаться источником крупных, если не главных, неприятностей. Например, стать основой новой организации самой причудливой конфигурации. Особенно пикантно, что в банду семья превращается из лучших побуждений. В случае Кандавла несчастье проистекает из фанатичной любви к прекрасному. А в случае «Алены» и ее сообщников обман доверия работодателя это еще и глумление над любовью к Родине, ради процветания коей олигарх-рогоносец летает-катает (глагол «катать», впрочем, нуждается в дальнейших уточнениях) по свету и не ведает, какую сложную акробатическую фигуру он оплачивает у себя на вилле. Акробатическая фигура, возможно, никогда и не станет бандой. Но угроза такая (читаем Геродота!) все же кажется вероятнее легкого разбегания участников фигуры по сцене с поклонами и книксенами под аплодисменты публики.

Вот почему, когда читаешь об «успешных операциях по декриминализации Саратовской области» или о семейных бандах Цеповязов-Цапко в станице Куцевская, я уже не говорю о самых крупных преступных сообществах, которые народ не случайно тоже связывает с понятием «семья», понимаешь, что авто-

ритет Фрэнсиса Бэкона в наших палестинах сильно поколеблен. За семьей, сограждане, нужен не меньший глаз, чем за Родиной. При всей любви.

В политическом лексиконе нулевых под «Семьей» понимают, однако, не столько матрешек Френсиса Бэкона, сколько семью и ближайшее окружение Бориса Ельцина — от Бориса Березовского, который вошел в ближайшее окружение тогдашнего президента России, до Валентина Юмашева. Из рук «Семьи» получил власть над Россией и Владимир Путин. Это добавляет социальной рекламе с употреблением Фрэнсиса Беконна дополнительный ореол.

Масса Том

Железнодорожноподслушанное на следующий день после выборов президентом США Барака Обамы — в электричке:

Ж 60+ (проходя по вагону): О, молодые люди, а на президента нашего нового, молодого Обаму, поглядеть можно? (На сиденье возле слегка подвыпивших мужичков развернута газета с портретом Барака Обамы.)

М 40+ — Ну как же, посмотрите, посмотрите...

Ж 60+ — А то я его не видала еще, я газет-то не покупаю, а посмотреть хочется.

М 40+ — Посмотрите, посмотрите... Он вон присягу с одного раза не смог прочитать.

Ж 60+ — Зачем же так, ребята, это ж судья от волнения федеральный оговорился, а наш-то его и поправил.

М 40+ — Дело говоришь (после паузы, восторженно глядя на Ж 60+), Масса Том!

— Любит наш народ Америку, любит и уважает. И это правильно. Только на Америку и надежда, — подумал про себя один из пассажиров.

Прочитав эту запись, психоаналитик Юлиана Пучкова заметила: «Меня поразил „Масса Том“. В соче-

тании с „нашим президентом Обамой„, выходит, что народ не просто любит и уважает Америку, а буквально чувствует себя американцем. Таким, мифологическим, но все же».

Да, говорю, ведь три поколения выросли на Марке Твене, а два — на американском яичном порошке.

Юлиана: — А вы не преувеличиваете насчет Марка Твена?.. Советский Союз оно, конечно, самая читающая страна в мире, но как-то того...

Я: — Для поколения собеседников в данном случае — нисколько, их (наша) Америка — это почти Америка «штатников» 1950-х: сейчас вот стою за конторкой у отца в библиотеке — а перед глазами голубой двенадцатитомник Марка Твена.

Мат, или Бумеранг

Что язык — вещь опасная, понимает и самый недогадливый: ведь и он не станет вслух говорить о том, чего больше всего хочется — чтоб не сглазить; а чего не хочется — чтоб не накаркать. Поэтому всей правды мы не скажем друг другу никогда.

А вот от журналистов требовать правды можно и нужно. В неприкрытой правде, кажется, и состоит главная вредность этой профессии для занятых в ней людей и главная польза для всех остальных. Но, как мы узнали из декабрьского разговора президента России с журналистами, где правда, там и мат. И это уже вторая правда: мат вездесущ.

И президент страны, записавшись в сообщество журналистов, обязался писать правду. Хотя бы в собственном блоге. Рискованно. Потому что в блогосфере — почти как в армии — «матом не ругаются, здесь матом разговаривают». И не тихо, а очень громко. Особенно много его — в беседах о власти и властях.

При этом в обыденной речи большинство населения страны использует матерную речь даже не для ру-

гани, а вместо вводных слов, чтоб не так спотыкаться, когда ищешь нужное слово. Некоторые заходят в злоупотреблении еще дальше и в качестве замены матерных используют обычные слова. Например, слово «блин». По-настоящему было бы все-таки правдивее, честнее.

Матом говорят повсюду. В транспорте и на работе, по телефону с приятелями и с работниками сферы обслуживания, с незнакомыми согражданами и с членами семьи, с колючими растениями и с осколками выпавшей из рук посуды, с животными, да и наедине с собой.

Если все это — правда, а об этом говорят и данные соцопросов, и ежедневный личный опыт вслушивания в уличную речь, — то почему все же журналисты, даже когда они обращаются к самому широкому читателю и слушателю, в своих СМИ обычно обходятся без мата? Особенно там, где говорят именно правду?

Цензуру отменили, а мата в прессе неизмеримо меньше, чем в повседневной жизни или в блогах, на вокзалах и в разговоре гламурных барышень. Это в жизни, в судопроизводстве, в экономике, в политике — сплошная вседозволенность, на которую так жаловались собеседники главы государства из числа журналистов, понаехавших со всего бывшего Советского Союза. Но ведь на деле журналистика, особенно серьезная, мата, за редчайшим исключением, в разговоре со своим читателем не употребляет.

Но разве цензуру отменили не для того, чтобы можно было писать и печатать все? А тут парадокс: чем меньше мата в СМИ, тем слышнее нытье общественности о вседозволенности и мате в массовой культуре. Почему этот фантом так страшно волнует общественность? И не только ту ее часть, которая сама никогда не сквернословит и которую воротит от сквернословия чужого (есть, есть такие святые люди), и не обыкновенного человека, не предъявляющего себе и дру-

гим жестких моральных требований. Волнует это как раз ханжей и пустосвятов, которые требуют, чтобы «не при детях», «не при дамах», «не по телевизору».

Потому что в России матерное слово вросло в речь не так, как у большинства наших соседей по континенту. Казалось бы, мат прост и повсюду в мире более-менее одинаков: два-три слова для обозначения мужских и женских половых органов, один-два глагола для обозначения их взаимодействия. И все. Неужели всего несколько слов могут перевесить десятки тысяч других слов живого языка? Неужели все озабоченные носители русского языка — принцессы на горошине?

Нет, уж больно велика горошина. Мат — это не только пять слов. За десятилетия XX века из советских СМИ, кино и литературы беспощадно изгонялся не только мат, но и просторечие вообще. Но если в первой половине XX века повсюду в Европе и Америке площадной язык просачивался на страницы газет, на радио, в кино, то в СССР, наоборот, весь этот пласт языка оказался отрезанным от публичности. Вот почему именно в советские десятилетия мат хлынул в устный обиход и слился с ним самым прихотливым и самым неожиданным образом.

Первым делом мат освободился от собственного, очень бедного, первичного значения — тех самых половых органов и описанного как низменное их взаимодействия.

А освободившись от своего буквального значения, этот бывший мат начал примеривать на себя все богатство русских приставок, суффиксов и окончаний, все наши дивные долбо-, зае-, ое-, остое-, пое-, прие-, -йня, -дец, -тота, -йло, -банат, -альник, -бень, -еватый, -оватый, -анутый, -анный, -ёвый, -бище, -бический, а также значащих слов, легко образующих незабываемые комбинации, вроде -есос, -еплёт, -добол или -дочёс.

Как говорится, кто не спрятался, я не виноват. Их не пять и не двадцать пять. Сколько захотите, столько их и будет, этих непечатных слов, которые почему-то называют «ненормативной лексикой». Какая ж она ненормативная, если образуется по строгим правилам русского словообразования, соблюдая все нормативы? Весь XX век нам рассказывали про «коммунистическую мораль». А тем временем все, что могли скоммуниздить, как раз и скоммуниздили. Но и сегодня все так же: проблема какой-нибудь чиновник «стабилизация», а народ ему отвечает: да-да, «стабилизец», а кто и «стабилиздец». И всем понятно.

«Мат» поэтому давно не мат. И советским людям он был нужен, чтоб хоть как-то отгородиться от деревянного языка советской газеты, собрания, от казенного, но и от ханжеского, ложно-высокого, всего того, что узурпировала власть. Вот почему мат в России в XX веке стал политикой. Невидимой маленькой политикой большого народа. Кстати, о политике: я бы на месте КПРФ давно лицензировал или сертифицировал глагол «скоммуниздить», авторские права нынче дороги, одними, извините, членскими взносами не проживешь.

Итак, в результате этой народной политики и повседневной практики возникли новые значащие слова, которых нет ни в одном серьезном словаре живого языка. Они у всех на слуху, их обыгрывают в рекламе «Евросети» и в политических лозунгах. Культура блатняка, эстетика мата развернулась на всем масскультурном пространстве России. Но каким бы блатным тоном, какими бы матерными словами ни говорили со своими избирателями политики и чиновники, а со своими согражданами отдельные менты, отдельные премьер-министры и отдельные шоумены, все-таки серьезные журналисты не подхватывают этот стиль. И теперь я могу сказать, почему.

Правильные СМИ не познают мир и не навязывают читателю своих эмоций. Они не руководят информационным процессом, а сообщают о нем другим. Они должны быть хорошо вымытым окном, вот почему журналисту ни к чему, как сказал бы третий президент России, «кошмарить читателя». И без него охотников хватает.

Когда, лет за десять до горбачевской перестройки, эпоха гласности началась в Польше, известный журналист Ежи Урбан откликнулся на это событие однократной акцией: написал заметку из двухсот слов. Вернее, из одного слова — «курва», напечатанного двести раз. Этого оказалось достаточно, чтобы оставить позади эпоху цензуры и вступить в новое время без мата в печати. Хотя и в Польше по-прежнему матерятся по-русски. Говорят, завидуют нашей интелесной жизни.

А что мы? Вслушиваемся в повседневную речь сограждан и собираем ее эфемерные памятники.

10 ноября 2011

На крутом спуске у моста через р. Сетунь возле переделкинской часовни:

Ж 1 (18-40) в сером пальто с капюшоном и замшевых бахилах и Ж 2 (18-40) в сиреновом пальто с капюшоном и на шпильках сбегает к реке:

Ж 2 (вцепившись в Ж 1, звонко и весело): Верка, только не ёбнись, я не удержусь!

Ж 1 (громко, но добродушно): Да не ёбнись!

У самого моста я их нагоняю. Ж 1 быстро переходит на ту сторону Сетуни, я же, подхватив Ж 2 под локоток и чуть-чуть поддерживая, помогаю ей преодолеть, несмотря на фантазмагорические шпильки, это препятствие.

Обеим не больше 25, обе чуть-чуть смущены своим громким диалогом.

С улыбкой и почти в шутку спрашиваю, а почему, дескать, не «не упади»?

Ж 1 (протяжно повторяя мое «Не упади»): Ой, ну это слишком пафосно...

Ж 2 (подумав):...и как-то вульгарно что ли.

Удивительное дело: матерное кажется носителям языка приемлемым, а нейтральное — вульгарным. Оба слова были бы иносказанием. Но высказанное первым оказалось уместным, а вторым — нет.

В общем — бумеранг получается, как в старом советском анекдоте про колхоз:

— Нашла бабка в огороде бумеранг — заеблась выкидывать.

Медвепут, или Тандем

Проговорки бывают не только у начальства, но и у народа в лице его критически настроенных представителей. И вот вам пример. В России есть полуофициальное наименование нынешней системы организации власти — тандемократия, или просто тандем. Это такой велосипед, в котором педали крутят оба, а рулит — один. Не буду говорить о беспомощности велосипедной метафоры для самой мысли об управлении государством. Остановлюсь на другом. Как называется тандем в народе? Правильно: Медвепут. Слово не бог весть какое удачное, но, как говорится, иного не дано. Его и разберем.

Несколько лет назад талантливый публицист Дмитрий Галковский дал формулу правления второго президента РФ Владимира Путина. Поручи ему покрасить забор. Доложит: Забор покрашен! Потери — два маляра.

Маляры — не маляры, а две персоны, в самом деле, отмечают два крупнейших политических провала путинского десятилетия: Рамзан Кадыров и Миха-

ил Ходорковский. Один — как проект — должен был обеспечить стабильность на Кавказе. Другой — как проект — поставить бизнес под контроль этого вот, конкретно под определенных людей заточенного государства. Несмотря на поддержку со стороны западных друзей российского руководства, вроде Шредера или Берлускони, одно только дело Ходорковского не позволяет западному миру признать Россию в полной мере правовым демократическим государством.

Холуйская часть российского общества весело рассуждает, как ловко наши велосипедисты все придумали, как удобно им будет меняться местами. Но это ошибка. Сколько ни вози Рамзана Кадырова, например, в Киев, на Кавказе спокойнее не станет. Сколько ни держи в тюрьме «Ходора», а политический вес «МБХ» от этого не убывает. В том числе, конечно, и среди невидимых сторонников сидящего, которых немало и в окружении посадившего.

И ведь все это содержится в не очень красивом слове «медвепут».

Как ни ограничивай политическую субъектность народа, слово-программа всегда найдется. Тем более что набившее оскомину словосочетание «правовой беспредел» уже давно не передает сути происходящего — стягивания, самостягивания пут, от которых русского медведя все равно придется освободить. Это даже не намек на фамилию президента. Просто гораздо лучше будет, если тенета начнет распутывать сам медведь. В поисках правового выезда из места, в которое заехал тандем.

Поскольку этот процесс затянулся, в дело пошла старая советская фольклорная традиция, когда ответы на требования настоящего не могли формировать в будущем, а искали в прошлом. Вот почему в гаданиях о природе тандема русская блогосфера ринулась комиковать. Оказалось, что это о Владимире Путине еще в 1950-х годах писала популярная детская поэ-

тесса Агния Львовна Барто. Ее цикл стихотворений «о Вовке» заиграл как новенький. Главный редактор журнала «Столица», отчасти перенесший свое закрытое в бумаге издание в «Живой Журнал», опубликовал фельетон, высмеивающий страсть Путина к фотографированию на фоне покоренных премьером и президентом летательных и плавучих аппаратов и покоривших его сердце животных. Текст фельетона позаимствован у Агнии Барто, чье стихотворение заканчивается строками:

Мы другой журнал откроем
Он стоит среди пловцов.
Кто же он в конце концов?
Чем он занимается?
Тем, что он снимается!

Знакомый с детства поэтический материал заразителен. Как пародию-двустволку — на Барто и на ее сегодняшних читателей — написал стихотворение «Цирк» живущий в Германии киевлянин Михаил Юдовский:

Мы сегодня в цирк поедем!
На арене нынче снова
С дрессированным медведем
Укротитель дядя Вова.
От восторга цирк немеет.
Хохочу, держась за папу,
А медведь рычать не смеет,
Лишь сосет потешно лапу,
Сам себе берет за шкурки,
Важно кланяется детям.
До чего забавно в цирке
С дядей Вовой и медведем!

Блогосфера приписывает это стихотворение, написанное в 2009 году, Нострадамусу нашего времени — Агнии Львовне Барто, и вместо 2009 аккуратно вписывает 1957 год. Так, действительно, смешнее.

Мочить в сортире и выковыривать

Десять лет назад многие в России с жаром убеждали друг друга в необходимости спаять нацию огнем Чечни. Особенно удивил тогда интеллигентный экономист Анатолий Чубайс, увидевший в новой Кавказской войне повод укрепить армию.

Тогдашний и нынешний премьер-министр В. В. Путин многим очень понравился своими жесткими речами и готовностью уничтожать террористов где угодно. И даже в сортире.

Эта фраза «мочить в сортире» стала даже предметом нескольких научных статей. И мемом десятилетия.

И вот прошло десять лет.

Множество террористов замочено в сортирах. А 30 марта 2010 года премьер-министр Путин объяснил, почему «мочилов» не уменьшило так называемого бандитского подполья, а театр военных действий с территории Северного Кавказа расширился на юг и на север.

Оказывается, по словам Путина, после знатного «мочилова» террористов их надо было еще «выковыривать из канализации», где ухитрились попрятаться наиболее цепкие из них. Но технологию нарушили.

«Жевать сопли», «совать гриппозный нос»... Словарь и манера речи Путина в значительной мере определили десятилетие нулевых.

Сталин, наверное, очень удивился бы, узнай он о «мочении» и «выковыривании»:

Товарищ Путин террористов из канализации «выковыривает». Я спрашиваю: каких таких террористов? Что у вас там происходит? Я же Северный Кавказ вам весь зачистил. Чеченцы и ингуши, калмыки и балкарцы давно поднимают сельское хозяйство и добычу полезных ископаемых в Сибири и Казахстане.

А Молотов говорит, что режим снят, что враги народа

не только вернулись в места компактного проживания к нам на Кавказ, но еще и в Москве окопались. Это, товарищ Путин, не дело.

Все сотрудники спецслужб суеверны. Не исключено, что некоторая тревога, как бы на том свете с него не начал спрашивать за дела не апостол Петр, а Иосиф Виссарионович Сталин, и заставляет В. В. Путина говорить на таком вот странном языке. Но о речевых суевериях мы еще поговорим.

Нанотехнологии

Осенью 2007 года я купил на Измайловском рынке товар, который назывался так: Невидимые нанотехнологические энергетические фенечки.

Ценники на невидимые фенечки лежали на куске брезента полтора на полтора. Торговец предлагал три вида — по 10, 30 и 50 рублей. Желаящий мог по цене восьми фенечек получить десять. Продавец посоветовал мне взять те, что по 10. «Они просто лучше», — коротко сказал он. За 80 рублей я стал обладателем этого замечательного товара. И до сих пор делюсь им с друзьями. Уже отходя от этой удивительной торговой точки, заметил, как еще один покупатель протягивает деньги в обмен на невидимое.

Но это случилось недавно. А в те времена, когда и слова «нанотехнологии» никто не знал, у моего товарища был товарищ, который завел амбарную книгу под названием «Что я помню, хоть я еще не старый». Потом я тоже завел себе такую же. В ней, например, записано, что говорили жители подмосковного пристанционного поселка Суково, когда в 1965 году станцию переименовали в Солнечную, а район в Солнцевский. Местные жители говорили, что сделано это было по личному распоряжению тогдашнего первого секретаря обкома КПСС Василия Ивановича Ко-

нотопы. Говорили, что любовнице его, там проживавшей, не нравилось название, которое та связывала не с сукáми, а с сýками. То ли, говорят, фамилия ее была Солнцева, то ли звал ее большой начальник «солнце мое», а только стала эта пасмурная станция Солнечной.

На той же солнечно-суковской ветке по Киевской дороге Катуар-Белавенец переименовали тогда же, в начале 1960-х, в Лесной Городок. Зачем нам обрусевший француз Катуар? А уж Опреловку, названную по речке Преловке, еще раньше переименовать в Апрелевку, как говорится, сам бог велел. Весна идет, весне дорогу.

Власти приучили население к такой глубокой покорности, что позволяли себе подлинное глумление как раз по мелочам. И царские, и советские. Оставим пока в стороне оргию крупных идеологических переименований. Ленинграды, Кировабады, Сталинграды, Сталинабады, Марксы, Энгельсы и Дзержински у всех на виду и на слуху.

Интереснее как раз мелочная топонимическая опека из, я бы сказал, художественно-этических соображений. Скажем, в Витебской области была деревня Чертовщина. При всей безбожности советской власти невозможно было иметь деревню с таким названием, не стерпели. И стала Чертовщина Парижской Коммуной. Но и этот пример пока еще не самый показательный для нашей темы.

Листаю дальше свои и чужие записи. Вот. В Минской области были села Бордели и Блевачи. Ударение, понятное дело, на последнем слоге. Звались они так вовсе не потому, что, как думали советские ономатеты, блевали и блудили в них больше, чем в других местах. Но переименовали их в тридцатые годы именно за это. Блевачи стали Прибрежной, а Бордели — Искрой, в честь первой большевистской газеты. Ясное дело, и городок Дрочилюво стал Гагариным. Но поче-

му Дураково, например, переименовали в Дубровое, а Забегалово — в Заречную? Почему мордовское Ибаково стало Нагорной? Правильно: потому что властям во всех этих словах слышалось что-то чужое и неприличное, но еще и — открытое, безбоязненное. И они подравнивали, насколько это было возможно. Иногда гражданам удавалось отстоять привычное и милое им название. Например, жители и даже местное начальство Старого Оскола воспротивились переименованию своего города в Юбилейный. Но список неудач граждан перед лицом начальственного хамства все же намного длиннее списка удач.

И вот — советская власть кончилась, а хамство начальственное уходить не хочет. Между тем его логический анализ по-прежнему необходим. За ним — целая картина мира. Ведь дурак, переименовывающий Дураково в Дубровое, Забегалово в Заречную, а Блевачи в Прибрежную, совершает две умственные операции: сначала он толкует название как низменное, а потом принимает решение заменить это название, по его, дурака, усмотрению — на умное и правильное.

Что у граждан обычно никто не спрашивает, дело привычное и понятное. Не их это собачье дело, как у нас населенные пункты будут называться. Например, в середине октября 2010 года, пала станция Востряково. Она теперь называется Инновационная. Это шутка, конечно, но кто не знает, мог бы и поверить, правда? Ведь переименовательская энергия из этого места и растет. А Востряково переименовали в Сколково. Где-то рядом там залегают пласты, разрабатываемые князьями Потемкиными-Силиконскими. Столица мировых инновационных проектов компании «РоснаноТех». А хамство осталось старое, густопсовое.

Почему в России не доверяют этим «нанотехнологиям»?

6 октября 2010 СМИ сообщили о двух неправильных посланиях, которые получили правильные люди.

Автором одного был новоиспеченный лауреат Нобелевской премии по физике и, как его отрекомендовали, «русский британец» Андрей Гейм. Адресатом другого, если не выбиваться из той же патриотической стилистики, стал «русский Стив Джобс и Билл Гейтс» в одном лице — глава корпорации «Роснано» Анатолий Чубайс.

Андрей Гейм заявил, что «не знает и знать ничего не хочет о приглашении в Сколково», которое ему якобы послали через несколько минут после объявления о присуждении Нобелевской премии по физике. «Там у вас люди что — с ума посходили совсем? Считают, что если они кому-нибудь отсыпят мешок золота, то можно всех пригласить?»

Какое удивительное совпадение! Фигурально выражаясь, именно про «мешок золота» спросила у Анатолия Чубайса и российская прокуратура. Этот запрос представляет собой зеркальную копию язвительного заявления Гейма: госкорпорацию попросили представить «полный перечень проектов, завершившихся неудачно, и перечень лиц, принимавших решение об этих проектах».

Как же получилось, что воплощение инновационного мышления — создатель чудо-графена — и воплощение торможения науки — чиновник, самым сложным прибором на столе у которого, возможно, является бытовой графин, нанесли по нашему коллективному Сколкову такой скоординированный удар?

Между тем ответ на этот вопрос отлично знает сам удивленный адресат — Анатолий Борисович Чубайс. Об инновационной волне, на которую Россия должна захотеть взлететь в следующем десятилетии, Чубайс говорит как о чем-то столь же «обязательном, неизбежном и безальтернативном», как космический и атомный проекты 1940–1960-х годов. 22 сентября 2010 года свой доклад перед студентами Академии народного хозяйства при правительстве РФ Чубайс

и начал с картинок космической ракеты и родного атомного гриба, а закончил портретами корифеев, которые стояли за главными достижениями отечественной науки. Государственник-Чубайс призвал повторить подвиг отечественных ученых на новом витке научно-технической революции.

А потом заявил, что наше государство пока еще «воровато, тупо и неэффективно». На это не возразил никто. Вывод Чубайса? Никакое глобально важное дело невозможно отдавать под контроль этого государства. С другой стороны, говорит Чубайс, и без государства инновации невозможны. От маленьких Израиля и Финляндии до гигантов — США и Китая — инновации эти могут состояться только при условии государственной поддержки. Но вывод, оказывается, делать рано.

В США и Франции 1960-х годов, признает Чубайс, научно-техническая революция делалась стартапами, а вовсе не государством. Не жесткий государственный контроль, не идеология, а свободный, контр- и даже субкультурный рынок стартаперов. Им не мешало ни государство, ни общество, потому они и обеспечили Америке роль мотора научно-технической революции для остального мира на несколько десятилетий вперед.

А вот у нас, жалуется Чубайс, не только экономика и политика, но и мышление, «ментальность» — не стартапные. А что «Роснано»? Если судить по рассказам Чубайса о корпорации, о поездках по образцовым концернам мира, то руководимая им жесткая авторитарная структура и должна вести себя как один гигантский стартап-переросток.

Слушавшие Чубайса студенты дважды переспросили о политической поддержке инноваций. Не значит ли это, спросили они, что единственный выход из противоречивой картины, которую нарисовал Чубайс, лежит в области политической реформы? Нет,

говорит Чубайс, политика пускай подождет. Нету, мол, в стране социальной прослойки, «способной создать запрос на демократию». Те люди, которые сейчас требуют демократизации и политических свобод, по Чубайсу, слишком антигосударственники, чтобы к ним прислушаться. Среди интеллектуальной элиты «господствует отношение неверия, иронии или, извиняюсь, посылания». А российскую науку, которая могла бы стать третьей силой, Чубайс прямо обвинил в неспособности «найти эликсир инновации в самой русской ментальности».

Вот и выбор: или технократы-стартаперы, руководители отраслей, которые «должны захотеть» вложиться в грядущий успех, или не верящие в успех нанопрорыва демократы и московские интеллигенты. Москва вообще, по Чубайсу, — город инновациям чуждый. «Здесь никаких инноваций не будет, даже если мэра сменить». В регионах, от Чечни до Чукотки, этот потенциал огромен. Как в США. Там 50 процентов инновационной экономики в двух штатах развернуто — Массачусетс и Калифорния. И у нас так будет. Конечно, не во всех субъектах, но в десятке регионов точно. Сейчас, по Чубайсу, лидеры — Татарстан, Томск, Новосибирск. Через пять лет в этот список ворвутся Ставрополь и Саранск. Прозвучало в этом контексте и слово «Сколково». Но разве этот чаемый высокоинновационный Бобруйск нашей эпохи не прилегает к кольцевой автодороге вокруг нелюбимой Москвы? И почему вместо инновационного в перспективе Бобруйска не поддержать давно инновационные Томск, Новосибирск или Казань? Вопрос остался без ответа.

Откуда же исходят в России помехи инновациям? Тут-то мы и приближаемся к прокуратуре. Точнее — к законам, написанным для индустриальной эпохи, хотя мы давно уже живем в постиндустриальной. А перебраться собираемся и вовсе — в на-

нотехнологическую. Следующие буквы этих законов контрольные органы — от Генпрокуратуры до таможни — и не дают развернуться бизнесу. Мешают творить и рисковать.

Но даже с прокуратурой Чубайсу договориться легче, чем с интеллектуальной элитой, которая, по его словам, отличается «слишком низким уровнем осмысления пожеланий властей». Мелочно подсчитывает социальные потери. Тянет страну влево. Мешает селекции. Ведь нам нужны сильные. Их и возьмем в будущее.

Некоторые шустрые студенты и один функционер, выдававший себя за олдогового стартапера, решили воспользоваться местом у микрофона для самопиара. Приезжай, дяденька, к нам в Саровский технопарк, посмотри, как у нас здорово. Приедем, заверяет Чубайс, проверим. А если захотим инвестировать, то все поднимем, все просветим. Сами не рады будете, что позвали. Потому что нам нужны лучшие. Селекция, как сказал А. Б. Чубайс, «железобетонная». А нужна-то тонкая, графеновая, нанотехнологичная. Ведь и к вам Генпрокуратура наведальась с той же привычной для себя и для вас целью: «Все поднять, все просветить. Чтoб сами не рады были, что открылись».

Под конец лекции Чубайс утешил аудиторию старой хохмой: почему настоящий управленец не любит русалок? Да потому что там, где он ищет женщину, его ждет рыба. А где ждет рыбу, получает женщину. Так и с нашими корреспондентами: Генпрокуратура спрашивает у Чубайса, куда девалась чешуя для торса. А нобелевский лауреат из Манчестера удивляется, зачем ему рыбий хвост — явно отработавшая свой ресурс эволюционная модель.

А купил бы, как я, десяток невидимых нанотехнологических энергетических фенечек на Измайловском рынке, сразу поверил бы.

Не нра, или Сюсюканье

Сейчас, говорят, все можно. И поскольку филолог это все должен принимать с благодарностью, то слушать нужно и тех, кому до тырнету и пикнуть бы не дали. Этот вот прибор — монитор, перед которым человек сидит большую часть времени, оказался очень удобной штукой не только для отцов, но и для кормящих матерей. Некоторые через него беседуют с подругами на расстоянии. Страшно удобно. Сопли, корь и скарлатина по проводам не передаются. Но есть где разгуляться задушевному. Один только недостаток. В тырнете застревают слова. Еще каких-нибудь 15 лет назад все эфемерное и воздушное просто уносилось ветром или бурно смывалось в ватерклозете. А сейчас попробуй — забудь слово. Разом навалятся и напомнят, и разжуют, и заставят произносить.

Жалуются, что слишком много брани употребляют. Крепко, смрадно, с солью и перцем. А я хочу поговорить совсем о других словах. О сладеньких наших. С мамусями и деточками их, ути-пути. Но первое слово все-таки — науке.

Недавно исследовательница и собирательница детского языка Вера Харченко сообщила, что любит не только собственно детский язык, но пограничный с ним язык родительский:

Сейчас я стараюсь записывать всех. Иногда нахожу что-то интересное. Например, у нас наряду со «спасибочки» и «с праздничком» появилось словцо «океюшки». Оленька и Леночка превратились в «Ольчика» и «Ленчика». То же самое происходит и в профессиональной речи: радиоведущие говорят «музычки добавим», врачи — «пойдем, у меня там язвочка интересная». Слова становятся ласкательными, мягкими — мы настраиваем себя на приятие жизни.

Вот про последнее, про то, кто на что себя настраивает, и хочется понять во всех деталях.

С «язвочками», с «ольчиками», с «ленчиками», со «спасибочками», с «музычкой», с «кисюнами», с «колбасочкой» впору конкурс объявлять. «Сюсюша». Или просто «Сюся». Раскроем тему сюси.

Откуда она? Разве может сюсюканье быть натуральным? Естественным? Еще как может.

Просто не за все натуральное надо хвататься руками и языком.

А сюсюкает природный человек перед тем, кому он больше всего униженно подчинен, кого больше всего боится, но к кому привязан с потрохами, с кишками, перед кем инстинктивно прогибается или встает во фронт. Это — ребеночек, кровиночка моя, средоточие всего самого прекрасного и ароматного, рюшечек, пяточек, перевязочек, какашечек, слюнявчиков. И вот уж заголосили тетушки, бабушки, мамушки. Рыночек, магазинчик, сопельки, молочко.

Физиология перепроизводства уменьшительных суффиксов на единицу сообщения пока, кажется, не описана. Сопротивляться-то ей, конечно, сопротивлялись. Герой Рабле, например, прямо и недвусмысленно подтирался пушистыми гусятами. Отчего в рекламе особенно мягкой туалетной бумаги часто используется мотив птичьего пуха? Оттого, что ~~виртуальная жопа вспоминает раблезианского гусенка~~ «слова становятся ласкательными»? Фуюшки, граждане.

Есть такой старый анекдот. Жена парфюмера принимает любовника, а тут муж, ну, вы понимаете, документы какие-то забыл и вернулся за ними. Куда любовника спрятать? Правильно, в шкаф. Где бельишечко, платица, и все душками да отдушками опрыскано — пусть тихохонько посидит, сладенький. Муженек документики нашёлоньки и на работочку-то как миленький и ушёлоньки. Хозяйка тихонько к шифоньерчику своему подходит, дверку приоткрывает, а оттуда лю-

бовничек, поводя носиком, высовывается и, перед тем как упасть без чувств, успевает страшно гря-убыми такими словами попросить: «Кусочек говна!»

Сюсюканье, оказывается, той же природы, что соленая и смрадная брань, оно — нежная изнанка тех же матерных кишочков, только хитроумно вывернутых для получения небесного удовольствия. Ну, чтоб «какашечки бананчиком». «Пусть маненечко напукано, но это ж нашим самым умненьким, нарядненьким, самым буратинистым мальчиком, дорогушеньким и любименьким». «Газики. Как помочь крохе? У нас все силы уходят на попукать, а на покакать уже силеночек и нетути». «А я детку почему грудкой вскармливаю? Чтоб и у нее секас был не хуже, чем у нас с Дюшей».

Природа, да. Но теперь уже не устно-приватная, а созревшая для рынка.

Пока младенчик, пупсик наш, еще маленький да мамочка в соку, тут все холуи знают — в важной экономической фазе она: наследника выкармливают. Тут как тут Вимбильдан Данонычи всю семейку тепленькими голосками уговаривают: «Ниночка Николаваненька, возьмите, миленькая, сметаночки, творожок свеженький, прямо из-под коровки (козочки, овечки), собственной дойки. Вкусненький (сладенький, не кисленький, ну, или, наоборот, кисленький-прекисленький, такой кисленький), Мишеньке-Ксюшеньке-Танюшеньке-Варюшеньке понравится, золотенькой нашенькой. Ах, мы еще не покакали, мы еще тужимся-попукиваем? Ух, какие мы молодцы. Ну, а вы творожок пока в холодильничек положьте, миленькая, он такой же нежненький и завтренька будет, сывороточки тянушки-потянушки в мисочке-то оставьте».

Это ведь никакая не детская речь и даже не пародия на нее. Это взрослое заигрывание с натурой.

Вот эту вот грудку холуйского говорка и сосет большой бизнес. Крупная фирма, название которой

рифмуется с неприличным словом «гондон», производит кисломолочные продукты под кислотным названием «Растишка». За нею тянутся и другие.

Нельзя сказать, чтобы раньше этого совсем не было. Было, все было, и «Миша-олимпиша» был, и словоерс «как же-с». Разве что публичности такой у заголения не было. Тиража. И наука не поспевала записывать. Технически было малодоступно. И телевидение не умело так влезать в кишки. Дали людям отхаркивающее: мокроту выдавливают из желающих (по Чехову вроде, по капле). А выдают за психоанализ. Лолита Малахова вместо Елены Молоховец. Псевдорусские «совенки», «домики в деревне», «бабушкины рецепты». Ну да, бабушкины рецепты были, как не быть: торт из столичного печенья, например. Правда, сундука с сухой чайной розой из Прованса у средней бабушки не было: подвигав шпалы, она возвращалась к себе в общагу с застуженными почками и отбитым обонянием. Торговой марки «дедушкины яйца» тогда тоже еще не знали.

Ученые люди мне возразят: ты что хочешь, чтоб все как Солженицын разговаривали? Вон, из суровой латыни путем насасывания уменьшительных суффиксов целый итальянский язык возник, не было б ля-бе-моли без уменьшительных суффиксов, и нам своего бельканто хочется. Русский шансон зовет. Нежненький такой, белорозово-зефирненький, плющенький такой, конфетный мальчик.

А кому не нра — доживайте по Козьме Пруткову.

Тебе и горький хрен — малина,
а мне и бланманже — полынь.

Сюсюканье, может, и создано, чтоб не забывать о гробике, о могилке: растишки покушать сладенькой, покакать бантиком — и помирать не жалко.

Некошерные жи́ды

Последнее издание словаря живого русского языка Владимира Ивановича Даля, до сих пор имеющего статус культового, вышло в России около ста лет назад. С тех пор печатали все что угодно: полные многотомные словари разрешенного литературного языка, подробнейшие словари русских жаргонов — от мата до политэкономии. Есть хорошие двуязычные словари. Но такого, как Даль, так и не сделали. Почему? Какие слова нужны в словаре, а какие — нет? Или нужны все? Ответить на этот вопрос помогает внимательное чтение так называемого факсимильного переиздания словаря Даля, который выпустили в 1950-х годах.

На первый взгляд, это и в самом деле факсимильное издание, то есть как бы фотографическая копия оригинала. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что сделано оно с устаревшего издания 1880-х годов, а не с более нового, подготовленного великим лингвистом Бодуэном де Куртенэ. Тут вроде понятно: Бодуэн включил в свое издание и самую что ни на есть разговорную матерщину, и новые хохмы и комментарии. В 1950-е годы в СССР такое не одобрялось: тогдашние начальники разрешения материться не давали, хотя сами матерились будь здоров.

Но дальше — больше. Оказалось, что и в издании 1880-х годов были слова, которым в словаре живого великорусского языка не место. Вот она, сладость цензуры: из бочки меда вынимаешь ложку дегтя и живешь себе долго и счастливо. А было в этой ложке всего два слова — «жид» (и его производные) и «кошерный».

Первое слово с XVIII века употребляется как преимущественно бранное для обозначения еврея и ростовщика. А второе — нейтральное, и обозначает вещи (особенно съестное), разрешенные еврейской религиозной традицией к употреблению. И сейчас еще по этим ключевым словам легко определить качество

онлайн-словарей В. И. Даля: полные включают оба слова, урезанные делаются по советскому цензурному изданию.

Кто-нибудь обязательно скажет: слово «жид» выкинули из словаря правильно. Его вовсе не должно было бы быть в языке. Если бы, мол, его не было, лучше было бы не только евреям, но и всем тем, кто своею ненавистью к евреям отравляет сам себя. А вот слово «кошерный», скажут нам, было выброшено из словаря совершенно напрасно: никто ведь не заставляет неевреев питаться кошерной пищей. И все-таки: почему выкинули из словаря и слово «кошерный»? А потому, что оно воспринимается как антоним не только «трефного» (пищи, которую не полагается есть евреям), но и собственно «жидовского». Кошерное, с точки зрения цензора, это и есть еврейское в положительном смысле.

Между тем официальная логика советского цензора (не обязательно антисемита) с логикой живого сло-

варя враждовала. «Еврея» и так, мол, слишком много в русском языке: от некоторых букв в русской азбуке (ц, ш) до великих поэтических произведений. Надо все-таки сокращать. Был такой мем советского времени: «Хорошенького понемножку». Да, слишком уж яркая краска, слишком пряная пряность! И Даль с его пословицами и присловьями о «жидовской корове» — козе, а уж тем более — Бодуэн де Куртенэ с его шуточками о «жидовской безбожной икре», не вписывались в нормативную картину мира. И тогда в ход пошли цензурные ножницы.

Но я это все пишу не для того, чтобы жаловаться, а как раз совсем с другой целью. Оказалось, что цензура, как всегда, добилась обратного желаемому результату.

Во-первых, вымарывание слова из факсимильного словаря Даля и включение его в другие, официальные советские словари со всеми необходимыми пометами («бранное», «низменное» и т. п.) нисколько не сузило применения этого слова языковым сообществом. Как не исчезли из речевого обихода не включенные в словари матерные слова. И без «жида» в переизданиях словаря Даля, надо надеяться, не стало меньше евреев, не выросло и поголовье антисемитов. Отчасти и потому, что на закате советского строя антисемитский душок начинал клубиться, когда кто-то просто говорил «еврей». Но эта неудача была понятной и запрограммированной.

Смешно и неожиданно оказалось другое. Не успела кончиться советская власть и начаться свобода слова, как в обиходе (особенно, конечно, сетевом) зазвучало, как золотая фикса с алмазным напылением, слово «кошерный». Не только потому, что запретный плод сладок. Если бы не усилия цензоров, русское слово «кошерный», одинаково толкуемое дореволюционным Далем и советским Ушаковым, так и служило бы для описания только того, к чему оно было приписа-

но языком-источником. И это значение слову, конечно, все еще присуще. Хотя бы в популярном меме «кошерная свинина».

Но «кошерное» как русское слово на наших глазах отрывается от буквы языка-источника. Русский язык Израиля и его народа потому так влиятелен в Рунете, что черпает он из одной культурной традиции, а пользуется ею расширительно повсеместно. И «кошерное» теперь — просто «нормальное», «правильное»; «кошерно» — это просто «как положено». А вот «некошерное», соответственно, это нечто неправильное, ошибочное, негодное. Его в жизни гораздо больше, поэтому некошерными сегодня могут назвать дизайн и попугая, цвет обложки и вкус (или аромат) травы, болезнь и тубетейку, вывод и тест, домик и товар, форум и дистрибутив, презерватив и шрифт, заголовок и подход.

С точки зрения языка все это очень отраднo. Зла от припрятывания далевского итальянско-польско-русского «жида» не прибавилось. А для обозначения чего-то необычного или негодного пригодилось старое еврейское слово. Есть такая старая арабская поговорка: город без еврея — как суд без свидетеля. Она верна и в отношении слов.

Отрешение, или На основании подпункта «Г»

Самое трудное в русском языке для иностранцев — определение вида глагола. Интуитивно понятное первокласснику — надо просто переспросить «что делал?» или «что сделал?» — не работает. Вот, например, есть слово «решать». Пока мы что-то решаем, это одно. А когда взяли и решили — уже совсем другое. Например, на сайте президента России можно прочитать такое предложение:

Я специально заслушал губернаторов в режиме видеоконференции, может, кто-то из вас видел, — там разные

мнения высказывались. Но в любом случае нам надо отрешать несколько моментов, включая вопросы уточнения источников формирования фондов...

Здесь глагол «отрешать» употребляется в значении — «принять, наконец, решение по нескольким вопросам». При этом любопытен совершенный вид этого необычного, но, видимо, принятого в языке управленцев глагола.

А вот глагол «отрешать», отвечающий на вопрос «что делать?», — это совсем другое слово. Оно-то нас сегодня и интересует.

Потому что начинался документ о снятии с должности мэра Москвы Юрия Лужкова 28 сентября 2010 года донельзя просто, а в постановляющей части вдруг появилось это могучее слово — «отрешение». Слово употреблено, однако, в своем самом что ни на есть обычном значении. Которое уже полтора-два столетия назад было довольно архаичным. Вот как его толкует Владимир Иванович Даль:

Отрешить что от чего, отделить, отнять, отвязать, отпугать либо отцепить. Отрешить ося, церк. Несмь достоин, да отрешу ремень сапогу его, церк. Отрешить ладью от пристани, отчалить лодку, отвязать, а не отвалить ладью, как неправильно понимают слово отчалить. Отрешать химически, разлагать или отделять вещества. Отрешить кого от места, от должности, удалить или уволить, отставить, исключить, за проступок или вину. Он отрешен от церкви, отлучен. -ся, страдат. и возвр. по смыслу речи. Опыт неудачен, серебро не отрешается, не осаждается из раствора. Отрешиться жены или от жены, отделиться, разойтись, покинуть ее, развестись. Отрешенье ср. об. действ. по глаг. Отрешаемость ж. возможность быть отрешену. Отрешатель, — ница, отрешивший кого, что.

И вот теперь отстранение от должности мэра Москвы Юрия Михайловича Лужкова оформлено именно

как отрешение. Что это означает лингвополитически? На первый взгляд, ровно ничего. Ну, слово посолиднее, вот и все.

И все же есть тут, по меньшей мере, два намека. Один интересен тем, кто внимательно слушает. А другой, пожалуй, и тем, кто говорит.

Отрешению главного московского начальника предшествовала довольно грязная телевизионная кампания, якобы вскрывшая якобы ранее не известные якобы факты якобы крупномасштабного воровства. Передачи эти были сделаны в таком стиле, что даже вероятную правду представляли как гнусную ложь. Для чего была нужна эта кампания? Для того чтобы подтолкнуть мэра к отречению, почти добровольному отречению от своего не такого уж маленького престола.

Не захотели «отречься», так мы вас «отрешим».

А вот второй намек глубже.

В 2008 году президент попытался дать «представительным органам местного самоуправления возможность более действенно контролировать, а при необходимости отстранять (отрешать) от должности руководителей муниципалитетов (глав муниципальных образований, местной администрации) либо отзывать их».

Как мы теперь понимаем, никто из представительных органов местного самоуправления этой возможностью не воспользовался. Даже по итогам грязной медийной кампании никто не стал инициировать процесс отставки Лужкова. Эти самые местные представительные органы ничего не сделали. Не из брезгливости, конечно. Но и не только из соображений круговой поруки. А просто потому что боялись. И того, кого травили, и тех, кто заказал травлю.

Между будничной оболочкой документа «О досрочном прекращении полномочий» и глумливым «основанием подпункта «г» слишком уж высоко тор-

чит это «отрешение». Отрешение за неотречение напоминает нам историю государства, где место нормальных избирательных процедур занимают так называемые волевые решения.

Падение Берлинской стены

Одно и то же событие люди могут отмечать по-разному и называть по-разному. Значит ли это, что речь идет о разных событиях? Может быть, и тем, и другим когда-то предстоит либо прийти к общему пониманию, либо вернуться к исходной точке и снова начать решать проблему, по которой так и не сложилось согласия.

События 1989 года, или, говоря иначе, падение Берлинской стены, включение ГДР в состав ФРГ и распад так называемого Варшавского договора, стали началом преимущественно мирной экспансии объединенной демократической Европы и преимущественно мирного распада авторитарного Советского Союза. Почему же то, что стало праздником для одних, не воспринимается как таковой другими?

Оставим в стороне глобальные теории заговора: все они сводятся в конце концов к тому, что злые американцы и НАТОвцы всегда мечтали ослабить великую Россию. Эти теории не оставляют РФ шансов на разумное существование. Задумаемся над теми эпизодами внутри двадцатилетия, которые собственно и заставляют многих в России придерживаться теории заговора. Попробуем все-таки разглядеть ложку дегтя в бочке меда — той самой золотой бочке, которую получил политический класс России от событий 1989 года и в которой редко признается остальному населению.

Эта ложка дегтя — вошедшая в историю двух десятилетий дезинтеграция Югославии и война за югославское наследство. В оптике Европы, даже на фоне

прискорбных ошибок (признание независимости Косово, прием в состав ЕС мало подготовленных к членству стран, вроде Румынии), процесс европейской интеграции Балкан развивается вполне успешно. В российской оптике, наоборот, раздробление Югославии представлялось кошмарной моделью для самой РФ. Российский политический класс ответил на психологический вызов балканской войны колоссальными ошибками, последствия которых омрачили всю вторую половину 1990-х годов.

Одна ошибка — холодная война со странами Балтии и Восточной Европы из-за вступления в НАТО, другая ошибка — примитивная силовая политика на Северном Кавказе, третья ошибка — преждевременная демонстрация стратегических замыслов достижения глобального господства с помощью топливо-сырьевого «оружия». Получился парадокс: свое в общем понятное стремление сохранить Россию как нацию с неповторимым лицом политический класс страны оформляет неоимперской бутафорией. Распулав буквально всех потенциальных союзников, трудно иметь с ними общие праздники.

Экономически население РФ обязано своим процветанием открытию границ и разрушению советской экономической системы. А политически оно поддалось на пропаганду своего политического класса и по-прежнему видит в западе угрозу для себя. Поэтому никому и в голову не приходит праздновать события 1989 года как общий успех, ту общую победу, из-за которой у десятков миллионов людей и в России появились шансы на процветание.

Конечно, мне могут возразить, что не все измеряется процветанием. Есть, мол, и духовно-государственные ценности. Возможно, такие ценности кто-то и разделяет. Но только не политическая элита России. Говорить можно что угодно, но живет она по законам западного мира, в его систему координат

вписывает свое потомство и слишком долго скрывать это обстоятельство не сможет. Вот почему непразднование в России падения Берлинской стены и бархатной революции мне представляется явлением временным. Потому что и Берлинская стена из словаря пока не разрушена.

Папа, ты с кем сейчас разговариваешь?

Во время так называемого кризиса Интернет радовал рекламным лозунгом: «Антикризисные перетяжки по сливной цене!» Интуитивно все правильно понимают эпитет «сливная», хотя, кого ни спросишь, никто точно не знает, где в этом слове лучше ставить ударение, да и откуда оно такое взялось. Ясно вроде, что «цены смешные» или даже «очень смешные», но все-таки не стопроцентно. А ведь реклама должна восприниматься сразу и однозначно. Даже если она устроена как двухходовка с подтекстом, и этот подтекст должен быть однозначен. Хорошо написанный рекламный слоган пробивает десятилетия: дошел же призыв В. В. Маяковского: «Если хочешь быть сухим в самом мокром месте...» аж до Бенедикта Шестнадцатого. Значит, можем, когда захотим.

Когда внешне привлекательная и остроумная фраза или картинка приводит людей в замешательство, подопытные кролики кое-где у нас порой могут начать делать из рекламного призыва выводы, обратные желаемым.

«Пьяный делает много такого, за что, протрезвев, краснеет. Сенека». Некоторые шутники опускают точку перед именем римского философа, и тогда получается, что жителю первого Рима приходится краснеть за всю пьянь Рима третьего. Но шутки в сторону. Есть такое русское слово «мессидж», на русский переводится как «сигнал». Какой сигнал на самом деле подает человеку Сенека в тельняшке? А очень простой.

Зачем попусту краснеть, дружище, если можно жить в легком подпитии к полному своему удовольствию?! Малопьющий по жизни, признаюсь: глядя на этот плакат, хочу немедленно выпить. Хоть чуть-чуть.

Так же двусмысленно действует и социальная реклама «Наркотики: Выход есть». Что греха таить, есть ведь паллиативная медицина. Для кого-то этот выход начинается в 91, а для кого-то — в 19 лет. А ведь имелось в виду совсем-совсем другое.

Теперь про любовь. Мы уже знаем, что любовь к родине начинается с семьи Фрэнсиса Бекона, которую рекламщики представляют себе почему-то в виде группы матрешек. Особый шик этой рекламе придает обычно ее парная развеска, причем в одном случае имя английского философа написано через «э», а в другом через «е». Не склонен я к теориям заговора, но авторы этого рекламного произведения явно пообщались с инопланетянами. У которых к тому же по две семьи.

Наступление инопланетян организовано правильно. Со щитов, перетяжек, брендмауэров, крышных установок, экранов, ситиформатов на остановках, в аэропортах, на вокзалах, с мобильных билбордов. Не нужно думать, что все это засилье иностранщины. Сенека-эника-беника, Бэкон с беконом. Нет, агенты инопланетян — наши сограждане. Еще они пишут, что «жизнь без любви — это новогодняя елка без гирлянды». Каждый раз, когда я утыкаюсь в вагоне метро в эту фразу, мне хочется поверх «любви» написать «мозгов», но это будет вандализм.

Рекламщики заявляют, что их продукция должна быть «максимально доступной для понимания и надолго оставаться в памяти». Когда в советское время человек проходил между бывшим музеем Калинина и бывшей Ленинской библиотекой в сторону бывшего бассейна Москва (ныне Храм Христа-Спасителя), его взору открывался брендмауэр дома, просматри-

ваемый и с Большого Каменного моста, и, уж конечно, от Боровицких ворот, через которые выезжало самое большое начальство. Всю стену занимало панно с изображением группы условных советских людей и надписью «Мы строим коммунизм!» Циклопический трафарет повторялся и в других точках Москвы. Поскольку для размещения этого информационного чуда нужна была пустая стена, то потусторонняя семантика слогана бросалась в глаза первой: «Строите? Исполать вам, добры молодцы!» Как говорят сегодня, «папа, ты с кем сейчас разговаривал?» В памяти эта реклама осталась надолго, а вот понимаю не доступна до сих пор.

Педофильское лобби

В марте десятого года в политический лексикон ворвалось выражение «педофильское лобби». Уполномоченный по правам ребенка при президенте РФ Павел Астахов объяснил его наличием действия судьи из Петербурга Ольги Андреевой, которая якобы пожалела преступника, насильовавшего малолетнюю племянницу.

Школьники, которые сегодня собираются поступать на гуманитарные факультеты, уже знают кое-что про Зевса и одного троянского царевича. Перелагатели греческих мифов для маленьких детей пишут, что Зевсу так понравился этот троянский царевич, что владыка Олимпа, обернувшись орлом, похитил ребенка и перенес в свой дворец. Там Ганимед — так звали мальчика — стал его любимым виночерпием. Интересующиеся искусством подростки постарше знают картину Рембрандта, на которой не без натуралистического цинизма изображен голозадый, плачущий и к тому же со страху писающий, не выпуская, впрочем, из руки погремушку, мальчуган, аккуратно уносимый алчной птицей в известном направлении.

Замысел Рембрандта понятен: с высоты XVII века нашей эры художник намекает на сексуальную неводержанность древнегреческого божества. Не только задолго до нашей эры, но и до Ганимеда, виночерпием на Олимпе была прекрасная Геба (имя ее, кстати, одного корня с широко употребляемым, но редко анализируемым русским глаголом с общим значением «упражняться в юношеском росте»). Эта Геба была дочерью Зевса и Геры, и хотя вся античная мифология, можно сказать, стоит на кровосмесительстве, а мы употребляем греческий язык в хвост и в гриву, вместо того чтобы спокойно разобраться во всех этих ужасных и громких словах, делаем вид, будто и о предмете, ими называемом, имеем врожденное понятие.

Вот, например, выражение «педофильское лобби», самозародившееся в невинном информационном пространстве.

Некоторые СМИ представили дело таким образом, будто российская Госдума, прославленная на весь мир высокой дисциплиной труда, моральной чистотой и физической неподкупностью, под давлением преступного элемента маринует закон о преследовании за педофильтво. Общественный интерес налицо. Но очень хочется понять, о чем же говорят люди, когда произносят красивое греческое слово «педофил».

Буквальное значение у слова примерно такое: «имеющий страсть к маленьким детям и не умеющий эту страсть сдерживать». Подобно тому как библиофил слишком уж любит свои книги, геронтофил вожделеет к людям в летах, русофил к русским просторам, германофил к немецкому порядку, а зоофил к братьям нашим меньшим — животным.

Некоторые горячие головы думают, что все эти «филии» являются наследием глубокой древности, каким-то болезненным пережитком, внезапно вновь всплывшим в нашем цивилизованном обществе. Что это не так, видно хотя бы по тому, как недавно «педо-

филия» вообще появилась в медицинском вокабуляре — только в конце XIX века.

Почему? Да потому что раньше — от Зевса Олимпийского и Александра Македонского до Александра Васильевича Суворова или Петра Ильича Чайковского — относительно предосудительным считалось разве лишь то, что объектом сексуального интереса становились лица одного с ними пола. Современная наука и социальная теория развитых стран больше не видят в этом влечении и его взаимоутолении ни криминала, ни уродства.

Сегодня социально (и политически) не приемлемо другое: когда несовершеннолетние ганимеды и гебы, не созревшие для свободного сексуального партнерства, становятся предметом вожделения.

Раньше ни общественность, ни мастера резца и звука этим обстоятельством не интересовались. Теперь в фокусе общественного осуждения оказалось покушение собственно на детство — независимо от пола объекта вожделения. Потому что только на наших глазах ребенок все больше признается личностью. А значит — неприкосновенной личностью. Которую нельзя трогать не только чужому дяде с его эротическими фантазиями, но и родной маме с ее тяжелой ладонью. И Чайковский с Зевсом педофилами, конечно, еще не были: дети, как и женщины, не считались тогда полноценными людьми. Человеком был только мужлан.

Основатель одного популярного вероучения взял в жены девочку-подростка, а за две тысячи лет до него критский царь Минос руками искусного Дедала соорудил приклад, с помощью которого его супруга, царица Пасифая, могла утолять неумную страсть к посланному Посейдоном быку. Понятное дело, никакого Минотавра с бычьей головой от союза быка с царицей на свет появиться не могло: это — продукт творческой фантазии (или, если хотите, зоофильского лобби

в окружении критского царя). А вот влечение к животному вполне возможно. Просто половая компонента этого влечения внушает человеку первобытный страх. И воспринимается не только как нечто предосудительное, но прямо как угроза бесповоротного осквернения и даже общественных катаклизмов. Отсюда изуверские кары, предусмотренные некоторыми религиями за так называемое скотоложество. Но в силе остается народная мудрость.

Любовь зла — полюбишь и козла.

Современный взгляд сфокусирован на другом: у безропотного животного тоже есть права, а у представителей господствующего в настоящее время на планете вида нет права глумиться над беззащитным скотом. Как бы тот вам ни нравился. А Леда с ее лебедем или Европа с ее быком, как и сотни других метаморфоз, — все это захватывающие истории про невоздержанность. Или про людей, которые заслуживают прежде всего сострадания.

А теперь самое время вернуться к педофилам. Почему о них так громко заговорили сегодня? Правильно: потому что личность, в том числе не способная сдерживать свои влечения и пристрастия, сталкивается с новыми технологическими искушениями. Если бы не современная техника, не весь этот электронный афродизиак, который иногда называют интернетной порнографией, то большинство педофилов остались бы в тени, кустарно отправляя свои потребности и тихо почитывая набоковскую «Лолиту» или «Мелкого беса» Федора Сологуба, где, кстати, выведен редкий случай педофилии женской.

Современный сетевой рынок не хочет знать границ и вовлекает нестойких трудящихся туда, где эта нестойкость особенно уязвима. Вон в Германии расследовал бывший депутат бундестага детскую порногра-

фию и нечувствительно сам втянулся. Может быть, его привлек предмет, а может быть, сопутствующие финансовые опции? Которые к педофилии никакого отношения не имеют. Изменить природу человека и его влечений не способен никакой парламент. Особенно такой, который занимается не политикой, а прикрытием деловых интересов больших начальников.

Поэтому Дедал правильно сделал, построив для жены Миноса подсадную корову. Ведь не будь Минотавра, не было бы у нас ни греческой мифологии, ни литературы, ни языка для обсуждения человека, ни оснований сомневаться во влиятельности или даже в самом существовании педофильского лобби.

Перезагрузка, или deep-low-messy

В начале апреля 2009 года красная кнопка reset стала медийным подснежником. Милый подарок госсекретаря Хиллари Клинтон — муляж с почти трогательной, но как бы и многозначительной ошибкой в русском переводе: «перегрузка» вместо «перезагрузки». Блестящий английский российского министра Сергея Лаврова, добродушно указавшего на ошибку с помощью еще более многозначного слова *overcharge*, позволил Клинтон добавить в ситуацию остроты: госсекретарь успела вернуть, что, мол, «перегрузить эти отношения» или «предъявлять нам завышенные требования» мы вам все-таки не позволим. В своем комментарии Сергей Лавров назвал это готовностью к диалогу.

А затем в сетевом дискуссионном клубе американских русистов SEELANGS с подачи профессора Майкла Горамы, специалиста по русскому политическому дискурсу, замутилась интересная дискуссия. Некоторые ее участники задались вопросом: а насколько свободно владеет русским языком предшественница Клинтон на посту госсекретаря — Кондолиза Райс?

Это не праздный вопрос. Само по себе знание языка не гарантирует лучшего понимания чужой страны. Вальтеру Беньямину 80 лет назад как раз незнание русского помогло гораздо лучше, чем большинству оболваненных идеологией знатоков — как внутри, так и вне СССР — понять Советскую Россию. А вот в случае Кондолизы Райс и Ангелы Меркель западным контрагентам России повезло: с этими политическими деятельницами перестали срабатывать трюки и крючки российских спецслужбистов, на которые так легко поймались политические пустоцветы и пустозвоны вроде Герхарда Шрёдера и Йошки Фишера. И федеральный канцлер Меркель, и госсекретарь Райс (к этому списку, говорят SEELANGSOVцы, можно добавить и Мадлен Олбрайт) изучали не только русский язык, но и советскую идеологию. Эта идеология не умирает, а прихотливо мутирует в мозгах и устах не только российского руководства, но и так называемых рядовых граждан. Вот почему живые акты русско-американской коммуникации — отличная лаборатория самопознания и домашняя подзорная труба, в которую можно увидеть очертания следующего этапа отношений между двумя странами.

Могут возразить: если знание русского языка для Мадлен Олбрайт, Кондолизы Райс или Ангелы Меркель — подспорье в понимании России, то ведь, наверное, и знание английского, например, для Сергея Лаврова — точно такой же полезный инструмент? И теперь позиционное дипломатическое преимущество, может быть, перейдет на сторону российской дипломатии?

Вхо кновс. Дипломат очень часто — такой же солдат пропаганды, как и профессиональный пропагандист вроде, например, англоязычного Владимира Познера, виртуозного телекосметолога не только Советской власти, пока та была жива, но и — вплоть до последних лет — ее хладного трупa.

Возможно, далее, что и американская дипломатия в порыве отказа от дров, наломанных внешней политикой республиканцев, откатится назад, к 1990-м годам. Не исключено, что Хиллари Клинтон будет восточной дипломатии Кремля проигрывать в прямом противостоянии. Очень возможно, что права окажется Елена Георгиевна Боннэр, предостерегающая западный мир от забвения ценностей свободы и прав человека ради сохранения добрых отношений с руководством РФ. При этом одним из оправданий сдачи Западом своих позиций был бы как раз «отказ от языка холодной войны». И вот тут мы вступаем в самую интересную область. На каком же общем языке надо начинать говорить?

Для настоящего прогноза в сценке, вывешенной в разных «тьюбах» и посекудно расписанной в блогах, информации маловато. Она просто обнажила глубину противоречий между двумя странами, которую высокопоставленные дипломаты, кажется, договорились скрывать. История с «перегрузкой» — «перезагрузкой» — «красной кнопкой» — «началом отношений с нуля» — как их там ни назови, это отказ от поиска общего языка, разговор знаками. В самом начале карьеры Сергея Лаврова на посту министра иностранных дел РФ в печати появилась фотография безотчетной записи, вышедшей из-под пера будущего министра и содержащей многозначительную шараду: *deer, low, messy*. Буквальное значение — «глубоко, низко, в грязи», а если произнести одним словом, выходит — *diplomacy* — дипломатия. Такая же игра слов, как в случае с красной кнопкой.

И сама кнопка, на которую вместе предстоит нажать дипломатам двух стран, и слово, которое на этой кнопке начертано, можно объяснить слишком многими способами, но все они ведут к одному — к признанию Российской Федерации муляжом Советского Союза. Как писал классик, сбывлась мечта идиота.

Пиндостан

Некоторое время назад, в конце 2010 года, известный переводчик русской литературы на английский язык Роберт Чэндлер обсуждал с коллегами особые трудности, с которыми столкнулся, когда пытался сделать понятной для англичан фразу из романа Василия Гроссмана. Фраза была такая:

— Ты бы посмотрел, — говорила Бэйла мужу, — эта кацапка с ума сошла. Три раза она уже бегала с ним (речь идет о младенце — Г.Г.) к доктору. В доме нельзя дверь открыть: то оно простудится, то его разбудят, то у него жар. Как хорошая еврейская мать, одним словом.

Как объяснить английскому читателю то, что сразу понимает читатель русский? Что слово «кацапка» — это украинское пренебрежительное обозначение русской женщины, которое нелепо звучит в устах еврейки (известно, как называли бы Бэйлу и кацапы, и хохлы). Как объяснить, что признание в женщине «хорошей еврейской матери» отменяет «кацапку»?

Переводчику предложили на выбор три варианта. Написать латинскими буквами слово *katsapka* и дать комментарий. Но это ведь все-таки художественный перевод, и просто пасовать перед словом, понятным в оригинале, переводчику совсем не хотелось. Другой вариант — «московская женщина» — еще хуже: он превратил бы Бэйлу в политическую активистку и разрушил бы смысл всего высказывания. Наконец, кто-то предложил воспользоваться еврейским уничижительным словом для нееврейки, известным и англичанам, и русским, — «гойская женщина». Но и это слово переводчик справедливо отверг: соль гроссмановского русско-еврейско-украинского треугольника потерялась бы и здесь.

В отличие от обычной брани, которая во всех языках более или менее одинакова, так называемые эт-

нофолизмы — обидные клички представителей других народов или просто чужих и враждебных людей — весьма разнообразны и часто с трудом поддаются расшифровке.

В самых простых случаях достаточно переделанных или произнесенных с определенным выражением имен, вроде Фрица для немца, Хачика для армянина (или вообще кавказца) в России, Вани для русского где-нибудь в Европе.

Иногда бранным становится просто иноязычное название, а то и самоназвание, вроде финского «рюсса» для русских или русского «чичи» для чеченцев. Как в магической подготовке к противостоянию дикарь изготавливал куклу — уменьшенную копию врага, так и современный человек часто орудует кличками-сокращениями. Украинцы превращаются в укров, армяне становятся арами, грузины — грузами, азербайджанцы — азерами, американцы — амерами или мерикосами, русские — русаками.

Но есть загадочные слова, которые выбиваются из этой простейшей схемы, хотя и возникли на наших глазах. Мало того, они вошли в язык литературы. Книга одного из самых известных современных русских писателей даже содержит это слово — Пиндостан — в своем названии. На вопрос американского коллеги, «почему вы зовете нас пиндосами», я так пока и не нашел убедительного ответа. Хотя возникло оно меньше двадцати лет назад. Знающий человек меня поправит: слово пиндос (вариант: пендос) существовало и раньше — так на юге России называли греков, и задолго до советской власти. Американцев же якобы сначала прозвали пэндосами российские военные при первых контактах, случившихся после холодной войны. Шла война за «югославское наследство», и слово Пентагон, после короткой перестроечной паузы, вернулось изрядно потрепанным пугалом. Отсюда, говорят, и пошли «пендосы», которые превра-

тились в «пиндосов» уже в Интернете, где это слово склеилось со старинной кличкой греков и придвинулось к другому бранному слову, приняв законченный вид ругательства. В нем смешалось все самое нелюбимое и загадочное в «супостате» — от морального ничтожества «либераста» до военно-экономического превосходства всей его наглой машинерии.

Вот и «Пиндостан» в названии романа Виктора Пелевина — это не только американская «Пиндосия» в вышеописанном значении, но и вопрос о смысле глобальных империй.

Кстати о книжных заголовках. Недавно в Англии вышла хорошая книга о русской культуре. Называется она «Танец Наташи». Рекомендую ее — в порядке восстановления «дружбы народов» — для перевода на один из языков Южного Кавказа, я услышал странное возражение. Все бы ничего, но название у нас не пройдет. Оказывается, некоторые не самые распространенные имена неожиданно приобрели в просторечии низменное значение. Так, «Наташа»

кое-где на Кавказе и в Восточной Европе — это с давних пор кличка недорогой женщины легкого поведения из России. Откуда? Почему? Задолго до советских скабрёзных анекдотов о поручике Ржевском и Наташе Ростовской? Мой собеседник ответа не знал.

К сожалению, когда детей начинают учить родному языку, взрослые редко пытаются объяснить им смысл этих простых процедур словесного уничижения соседа или далекого соперника. А то, что начинается как игра, легко вырастает в мозг как программа.

Полиция вместо милиции

За каждым переименованием стоит либо реально случившаяся, либо желаемая перемена. Кенигсберг переименовали в Калининград, когда Восточная Пруссия была включена в состав СССР. А рабоче-крестьянская милиция пришла на смену полиции и жандармерии в царской России, потому что новая власть встала на путь уничтожения государства как такового. Вот почему пришлось вместо полиции — вооружённых людей на службе государства — вернуться к милиции — народному ополчению, или гражданам, более-менее стихийно, хотя и сознательно, вооружившимся для отпора возможным внутренним врагам.

Шли годы, и марксизм-ленинизм уже к середине 1920-х годов полностью отказался от теории разрушения государства. Но слово «милиция» успело угнездиться в сознании граждан как название организации, во всем отличной от «полиции» капиталистических стран. Еще бы: там полиция стояла на службе эксплуататоров всех мастей, а здесь милиция — это наша, народная сила, та самая «моя милиция», которая «меня бережет».

Шли десятилетия. Как часть советского государства «милиция» начала разлагаться. Как ее ни называй — «правоохранительные органы», «органы право-

порядка» или как-то еще — про милицию уже никто не говорит, что она кого-то «бережет». Появились бранные клички, вроде ужасных «ментов». Хорошим деятелям культуры милиционера стало даже жалко. «За тех, кто в МУРе, — как сказал Высоцкий, — никто не пьет». На жалость к милиции давил даже Дмитрий Александрович Пригов в цикле «Милицанер».

Но жалость — это последнее чувство, которое может вселять уважение к вооруженным гражданам, призванным охранять общественный порядок. Но значит ли это, что любая инициатива по переименованию милиционеров во что-то другое разумна?

Бывает, что новое название меняет сущность старой вещи. Например, можно договориться и называть «лесных братьев» «партизанским отрядом», а можно «незаконным вооруженным формированием». Последнее определение — всего лишь эвфемизм «банды». Для тех, кто переспросит, а что такое «законное вооруженное формирование», всегда готов ответ: «Как — что?! Милиция, ОМОН — это как раз законные вооруженные формирования».

Но тут и таится угроза, которую не до конца осознают учредители новых имен, по науке называемые ономатетами. Переименовывая «милицию» в «полицию», ономатеты отдали это старое слово противникам своего государства. Да, слово «милиция» для обозначения государственных правоприменительных органов давно устарело. Но оно устарело уже в конце 1920-х годов.

Сегодня, в эпоху Ментов, иной раз только само слово «милиционер» и защищает людей в форме от народного гнева. Просто по старой памяти и потому, что среди них все еще много нормальных добросовестных людей. А в тот день, когда милиционеры станут полицейскими, их словесную одежду начнут примерять на себя все остальные вооруженные формирования, так неожиданно появляющиеся из «зеленки».

Пока еще слово со значением «вооруженное народное ополчение» занято народной милицией. Людям не нравится не это слово, им не нравятся «неверные менты». А полицейских у нас все равно будут называть «поlipsами», а то, не ровен час, и «полицаями»: в годы Отечественной войны так называли советских граждан, состоявших на службе у немецких оккупантов.

Полицейские есть теперь и в Грузии, и в странах Балтии. Говорят, именно пример соседей, победивших массовую коррупцию в этой среде, подвинул Кремль к его лингвополитической рокировке. Не знаю — врать не буду.

Поставщик двора Его Императорского Величества

Принудительной ассоциацией называют связь, неизбежно возникающую в голове, когда произносится какое-то слово. Эти ассоциации привязаны к истории. Например, в голове носителей русского языка со словом «колбаса» в середине XIX века принудительно ассоциировались немцы. Даже прозвище такое было у немца — «колбаса». «Немец, перец, колбаса, кислая капуста». После Первой мировой войны этот набор был у всех на слуху и рождал принудительные ассоциации. А вот в середине XX века колбаса символизировала пищевое богатство, достаток, земные радости. Не случайно даже эмиграцию из позднего СССР, когда попытка уехать из страны уже не каралась тюремным заключением, назвали «колбасной».

От людей, знавших толк в колбасных обрезках, не было скрыто и главное колбасное слово страны — имя наркома пищевой промышленности Анастаса Ивановича Микояна. С 1934 года это имя носил московский мясокомбинат, до революции принадлежавший частному владельцу, а в 1933 году реконструированный по американскому проекту.

Рекламщики лихих девяностых хитроумно соединили советскую историю комбината с капиталистическим индивидуализмом и упростили длинное название до торговой марки «Микоян». Все дело испортила приписка: «Поставщик Кремля с 1933 года».

С одной стороны, все вроде правильно: фабрика имени А. И. Микояна была создана в 1933 году, а года через два ее продукция действительно стала поступать на столы москвичей. Вполне возможно, что часть этой продукции действительно употребляли кремлевские горцы. Но словами «поставщик Кремля» потребителю внушается совсем другой образ, совсем другой смысл: и здесь, мол, все было как у людей. Быть поставщиком царствующих особ — дело более почетное, чем прибыльное. И сегодня, как сто и двести лет назад, есть свои поставщики у английской королевы. Говорят, что некоторые поставляют свой товар коронованным особам за символическую плату.

Только вот у Кремля советского времени таких поставщиков внутри страны не было. Наоборот, это Кремль — до и после 1933 года — поставлял людям часть того, что сначала отбирал у кого-то сам. А 1933-й был годом кульминации массового голода, который наступил после отмены «новой экономической политики» 1920-х годов и сопровождался физическим истреблением большевиками крестьянства на всем пространстве бывшего Союза ССР. В начале 1930-х тысячи людей в стране были не только убиты, но и съедены, а из мяса некоторых изготовлена колбаса. Однако за нулевые годы XXI века пути историков и рекламщиков разошлись достаточно далеко, чтобы производители, да и некоторые потребители, не почуяли макабра в этих словах «поставщик Кремля с 1933 года».

Есть бородатый анекдот про то, как американский и французский президенты хвалятся своими портсигарами: у одного на крышке написано «дорогому Джимми Картеру от друзей», у другого — «дорогому

Франсуа от подруги», а на портсигаре товарища Брежнева начертано «князю такому-то от императрицы такой-то». Рекламный лозунг Микояновской фабрики превратил анекдот в реальность.

Но реальность эта особого рода. Сталкиваясь с нею, человек начинает разговаривать сам с собой.

Вот еще пример рекламы с анахронистическим сдвигом: «Вкус, знакомый с детства». Даже теперь, когда растет поколение, заставшее относительное изобилие, знакомый с детства вкус отыскивается с неимоверным трудом. Чуть-чуть меньше украинской патоки — и вот уже «бородинский хлеб» радикально меняет вкус на новый, как раз-таки не знакомый с детства. Да и вообще, слишком быстро меняются производители, технические условия. Неужели потребитель не знает этого? Конечно, знает! Может быть, он тупой, этот потребитель? Далеко не всегда. Важно понять, к каким действиям должно подтолкнуть потребителя такое рекламное слово. Для этого вернемся к колбасам. Что общего у колбасы под названием «Финский сервелат», производимой компанией «Богатырь», и брынзы «Парижская буренка», производимой компанией «Русар Трейд»? Правильно: слова прикольные.

А вот чем отличаются эти названия друг от друга?

Финский сервелат играет с образом старого советского дефицита, словесные осколки которого на слуху у каждого, кто помнит слова героя «Кавказской пленницы»: «Холодильник «розенлев», финский, хороший!» «Финский» при колбасе и означает: «очень хорошая, вку-у-ус — списифисский» (Жванецкий-Райкин). А веселый оксюморон «парижская буренка» играет на новом российском восприятии Парижа как нашей туристической деревни. Мол, хотим — едем, не хотим — прямо здесь фетой ихней как брынзой закусуваем.

Мне могут возразить: а разве реклама не всегда немножко надувательство?

Немного — всегда. Даже если у тебя есть такое оправдание, как у «Микояна», который делает отличную колбасу: ее всегда ест моя кошка. Но в начале 1930-х люди в России сами ели кошек, если им удавалось поймать этих умных и подвижных животных. Жирная пища усугубляет склероз, и люди забывают, что в мире, где все или дорого, или бесплатно, за копейки не бывает ничего. Если только не слушать рекламу, конечно. В начале нулевых вся Москва потешалась над рекламным слоганом пылесоса: «Сосу за копейки». Нехитрая игра слов построена на том же приеме, что у фирмы FSUK, ловко переставившей буквы у английского четырехбуквенного глагола. Та же неприкрытая непристойность есть и в «поставщике Кремля». Просто сосущий за копейки пылесос эксплуатирует веселую электросексуальную, а колбасник — печальную политико-гастрономическую историю СССР.

Практически

Практически слово «практически» в современном русском языке употребляется в значении «почти».

При посадке в 343 маршрутку 28 апреля 2008 года Ж 30+, обращаясь к М 30+:

- Фу, Миш, ты с той недели рубашку не поменял.
- Да ладно ты, я практически каждый день моюсь.

Пробки и пенсионеры

К концу нулевых годов по Москве стало совсем невыносимо ездить — из-за бесконечных пробок на транспорте. Но и в метро не лучше. Право на бесплатный проезд провоцирует миллионы пенсионеров совершать ненужные перемещения по городу. И тогда в начале декабря 2010 года новый мэр Москвы Сергей

Собянин предложил переселить пенсионеров за город. Но подальше, в комфортабельные поселки, откуда им не добраться было бы до города, где им разрешен бесплатный проезд. Поскольку со временем эта связь между пенсионерами и пробками может быть не видна, надо осмыслить ее уже сегодня.

В каждом языке есть особая группа слов, пришедшая прямоком из литературы. Например, «дон-кихотом» на всех языках называют человека, который борется с «ветряными мельницами», потому что принимает их за нехороших людей. Что эти слова и выражения восходят к конкретному литературному произведению, часто не имеет уже никакого значения. По некоторым таким словам, давно вошедшим в русский язык, легко определить принадлежность человека к возрастной или образовательной группе. Высокопоставленный кадровик одной процветающей немецкой компании рассказывал мне, что обязательно спрашивает соискателей, не находят ли те в себе черт Растиньяка, а если находят, то как намерены с этим бороться. В большинстве случаев предпочитал брать тех, кто честно отвечал, что не находит, потому что не знает, кто такой Растиньяк.

Некоторые имена литературных героев с давних пор используют даже для обозначения черт так называемого национального характера. Пишу «так называемого», потому что не совсем понятно, каким образом в одном характере могут уживаться такие противоречия. Например, на протяжении чуть ли не всего двадцатого века научно-популярная литература рисовала русский национальный характер стоящим на трех китах: маниловщине, обломовщине и рахметовщине.

Несколько дней назад я говорил об этом с девятнадцатилетним студентом. В ходе разговора выяснилось, что Обломова и Манилова он знает, а вот Рахметова — нет. Совсем. Потому что лет двадцать уже

Н. Г. Чернышевского в школе не проходят, «Что делать?» не читают, так что ни сны Веры Павловны, ни угроза поспать на гвоздях русского человека больше не беспокоят.

Значит ли это, что картина мира современного человека покосилась? Конечно, нет. Ведь и двадцатый век дал литературные имена, которыми часто пользуются для краткости, чтобы описать то или иное характерное свойство человека — кто-то у нас — Остап Бендер, а кто-то... Кто еще? Может быть, имя литературного героя становится нарицательным, когда его проходят в младших классах школы?

Или дело еще и в качестве литературного произведения?

Вот, например, чеховский унтер Пришибеев. Рассказ Чехова был написан 130 лет назад. А выведенный в нем человеческий тип по-прежнему узнаваем и жив!

Нешто можно позволять, чтобы народ безобразил? Где это в законе написано, чтоб народу волю давать? Я не могу позволять-с. Ежели я не стану их разгонять, да взыскивать, то кто же станет? Никто порядков настоящих не знает, во всем селе только я один, можно сказать, ваше высокородие, знаю, как обходиться с людьми простого звания, и, ваше высокородие, я могу всё понимать. Я не мужик, я унтер-офицер, отставной каптенармус, в Варшаве служил, в штабе-с, а после того, изволи-те знать, как в чистую вышел, был в пожарных-с, а после того по слабости болезни ушел из пожарных и два года в мужской классической прогимназии в швейцарах служил... Все порядки знаю-с. А мужик — простой человек, он ничего не понимает и должен меня слушать, потому — для его же пользы.

Язык, в этих вот своих тонкостях, иногда помогает лучше понять механизмы принятия тех или иных решений, чем сложный политологический анализ. Например, какому-нибудь градоначальнику может

показаться, что он в середине декабря 2010 года принимает судьбоносно-рациональное административно-хозяйственное решение — ликвидировать пробки, избавить городской транспорт от бесплатно катающихся пенсионеров, переселив московских пенсионеров подальше за городскую черту, в резервации; или принимает другое решение — вернуть первозданную красоту гранитным фасадам города, устранив мелкобуржуазное безобразие ларьков. А ведь на самом деле он просто тянется к культуре, хочет таким довольно хлопотным способом убедить сограждан в пользе обращения к классической литературе, к родному слову. Не матерному какому-нибудь, а высококультурному и духовному.

Вот они, стоят перед нами, Хлестаков и Собакевич. Дементий Варламович Брудастый продолжает вопить по городу Глупову «Не потерплю!» и «Разорю!» А брат Елдырин подает нам шинель. Итак, Достоевский и все кто с ним — из шинели Гоголя. Попробуем подсчитать, из скольких шинелей вышло наше поколение. Путин — из шинели Дзержинского: он этого и сам не скрывает. А московское начальство из шинели унтера Пришибеева выпростаться не может.

Прописные буквы

Кто виноват в их нашествии?

Были времена, когда все буквы были прописными, или заглавными. Современные европейские языки уже и не помнят, что только по прошествии нескольких столетий появятся буквы, которые мы называем строчными. Более или менее во всех языках, пользующихся алфавитным письмом, у прописных букв остались две основные функции: с них начинается предложение или заголовок, а внутри предложения они обозначают Важные Неповторимые Сущности. Например, имена и названия.

Вот пример. Есть верующие люди. Верующие настолько, что считают Бога — творцом мироздания, а речь — Божьим даром. Тот, кто действительно думает, что язык — божье творенье, не готов писать это слово со строчной буквы. Скорее уж собственное имя он напишет с маленькой. Но в советское время в официальной печати написать Бог с прописной можно было только в начале предложения. Во избежание такого идеологического неудобства цензорам вменялось в обязанность сдвигать такое слово в середину предложения, чтобы там уже гарантированно писать его через строчную.

Аргумент был такой — библейский персонаж (разумеется, со строчной писали и библию) ничем ведь не отличается от каких-нибудь древнегреческих богов — Зевса, Афродиты или Аполлона. А раз их много, т. е. раз бог имя не собственное, а нарицательное, то и называть «всех их» можно богами.

Официальное отношение к букве в СССР было серьезно-насупленным. Правила правописания, надо сказать, идеологии все-таки местами сопротивлялись. Например, аббревиатура КПСС расшифровывалась как Коммунистическая партия Советского Союза. И только когда первый, третий и четвертый члены этого словосочетания отсутствовали, буква «п» в слове партия могла повышаться в ранге, и слово превращалось в «Партию», которую полагалось считать «Умом, Честью и Совестью нашей эпохи». Прописная буква в этом слове могла нарушить работу мозга и у самых квалифицированных знатоков языка. Например, в стихах великого поэта Владимира Маяковского, известных трем поколениям русских школьников, были строчки: «Партия и Ленин — близнецы-братья. Мы говорим — Партия, подразумеваем — Ленин. Мы говорим — Ленин, подразумеваем — Партия». Это — особая функция прописной буквы, о которой мало пишут лингвисты, но которая известна в логике как «брит-

ва Оккама», или запрет на создание лишних сущностей. На первый взгляд — мелочь. А действует. В маленькой кумирне вырастает черт знает что. Братские Партии, например. Бродские такие, как сказал другой поэт, «с бородами и с ружьем».

Слова у нас — до важного самого —
в привычку входят, ветшают, как платье,
Хочу сиять заставить заново
величественнейшее слово «ПАРТИЯ».

Слава аллаху, с партией разобрались, их теперь несколько — не попляшешь. Да и слово «величественнейшее» большинство их членов все равно ни выговорить, ни написать без ошибки не в состоянии. Почему же все-таки только в последние годы все чаще слышны жалобы на новое засилье прописных букв? Да и официальные пособия пытаются примирить правила и служебную иерархию. Почему-то папа или патриарх у них пишется с прописных — Папа и Патриарх, а архиепископ или митрополит — со строчных. Логика тут никакой нет: и то, и другое — просто должность в иерархии, стало быть, имя не собственное, а нарицательное. Был Генеральный секретарь ЦК КПСС, стал Генеральный Директор. От Председателя Совета Директоров Концерна до Председателя Правления Клуба Кролиководов — все хотят, чтобы их должность писалась с прописной.

Далее, рекомендованные ранее первая и вторая мировые войны стали за последние годы Первой и Второй. В середине 1980-х годов в авторитетном справочнике рекомендовалось писать «русско-японская война 1904–1905 года», а десять лет спустя она стала Русско-японской. Правда, войны, которые крупные державы вели в чужих странах, почему-то предлагают называть просто, например, «корейской» (1950–1953) или «афганской» (1979–1989): и это о де-

сятитетней советской кампании, которая и добила нашу сверхдержаву.

Есть два расхожих объяснения новому буйству заглавности. Одно — политическое. Россия, мол, встала с колен, и теперь все ее Атрибуты и Начальники должны, как в далекие годы становления империи, соответствовать высокому статусу. Отсюда, как встарь, Председатель Правительства, Гимн, ну, и прочие Важные Сущности. Это касается не только Отечества. Некоторое время назад корректоры заметили: справочники, жалуются они, стали требовать писать так называемое вежливое «Вы» с прописной не только в самом письме, но и в обычном тексте, где норма литературного языка ранее довольствовалась строчной.

Может быть, объяснение этому половодью — общечеловеческое? Один остроумный человек объяснил его *так*: «Пигмеи, встретив змею, прикладывают к голове какой-нибудь предмет вроде куска коры, чтобы змея сочла их более серьезным противником. И начальникам кажется, что «Генеральный Директор» — с двумя кусками коры — более важная должность, чем просто «генеральный директор». Продолжим мысль. Может быть, и народно-собирательное Афган понизили до «афганской» со строчной — от обиды?

Боюсь, что это неверное объяснение. Ни идеология, ни психология тут особой роли не играют. Разве что в отдельных случаях. Но главная причина все-таки совсем в другом. Просто неуместных, или, точнее, не вмещаемых литературной нормой, прописных букв стало, навскидку, слишком много, чтобы не обращать на них внимания. Тут и кальки с английского, где заголовки, например, принято писать с заглавных.

Но оглянемся вокруг. Лучший Смывной Бачок Сантехника Geberit, Инсталляция Для Биде, Менеджер-Стажер, Формирование Технического Задания и Функциональных Требований, Модели Здоро-

вья, Для Гламурных Дам и Элитных Кавалеров, Лифт Не Работает. Стоп! Вот она — такая страшная, но такая прозаическая вещь. Виноват-то все равно Пиндостан. И главный ихний супостат — Билл Гейтс. Большинство пользователей его программ

Просто

Не

Отключают

Одну

маленькую, но вредную опцию — принудительную замену строчной буквы на прописную после точки и с каждым новым абзацем. Результатом этой автоматической процедуры сначала над техникой, а потом и над мозгом человека и стало мнимое превращение в поэта Маяковского, с его лесенкой, миллионов людей. А от нашествия прописных букв каждому приходится спасаться в одиночку. Некоторые идут хорошо известным путем и в сетевой коммуникации полностью переходят на строчные.

Пыжик, или Почему у автомобилей такие странные прозвища

В школе № 152 в пятом классе я сидел за партой, на которой были вырезаны два суждения, отчасти определившие мою дальнейшую судьбу. Одна надпись гласила «Кеша — лошак», а другая «Сапирави — муть» (именно так, с ошибкой в названии вина). Про «Саперави» долго рассказывать. А вот почему полное имя — Иннокентий — преобразуется в Кешу? Потому что нельзя сказать «Иннокентий — лошак». Иннокентий это Смоктуновский или римский папа, который смотрит с портрета Веласкеса.

Уменьшительные, уничижительные, ласкательно-сюсюкающие и иные суффиксы готовят имя к повседневному употреблению. Способов подгонки имени под обстоятельства общения много, и формы Сере-

га, Серый, Серж или Серго содержат в себе не только имя человека, к которому обращаешься, но и твое отношение к нему. Этот спич к тому, что такое обращение с именами распространяется на все и всяческие названия. Особенно на иностранные. Какую бы вещь ни завезли в Россию, ей быстро находят новое имя, более подходящее для наших широт. Понравилась русским японская кукла «дарума», вставленная в другую куклу, которая вставлена в третью куклу, стали делать свою такую, назвав ее — по аналогии с Петрушкой — Матрешкой. Так она матрешкой и осталась. По тонкости токарной работы уступает японскому оригиналу, но зато, говорят, прославлена на весь мир под нашим брендом.

Автомобиль не матрешка. Изготовлением автомобилей занимаются в других странах, а в России их усыновляют. И нарекают — по-своему. Иногда как бы ставя на место. Мол, тебя сюда привезли, привыкай. Больше всего не повезло серьезному автомобилю «Мерседес». Он и «мерс», и «мерц», и «мерзавец», и «мерин», и даже «мурзик». Такое впечатление, что техническое совершенство автомобиля обратно пропорционально заключенной в его прозвище уважительности. Или вот что «Опель» у нас будет «жопель», это немцы еще до войны поняли и сразу продали концерн американцам. Только одной машине, кажется, повезло — французскому «Пежо», называемому в народе «пыжиком». Не обидной «бэхой», как БМВ, и не «авоськой», как «Ауди А8», и не «поленом», как «Сузуки-Балено». Конечно, и такое доброе прозвище нравится не всем. «Да какой он, в жопу, пыжик!» — в сложную рифму к своему школьному прозвищу возмутился Кеша-лошак, когда я поздравил его с приобретением «Пежо».

Но я бы и не задумался, наверное, о пыжике, если бы компания PSA Peugeot Citroën не объявила о маркетинговой кампании, прямо скажем, глупей-

шей, а главное — не похожей на французов с их любовью к родному языку. Горе-неймеры и маркетологи концерна где-то услышали, что сложное название их продукции может стать препятствием на пути распространения «пыжиков» и «ситроенов» на новых рынках. И вот — внимание! — вывод: концерн намерен к июню 2010 года выступать под маркой «PSA».

Во всяком ребрендинге есть что-то от ребра. Поэтому из ГАЗа получается сначала «газон» и «газик», а когда сам поездишь, оказывается, что этот «газик» — все-таки «козел». Почему «козел»? Потому что так козлит, что потом все тело болит. А «пыжик» зовется, в общем, и по созвучию, и еще потому, что машина ладная. Но есть и еще что-то.

Имена машинам дают не те, кто на них катается, а те, кто их латает и тюнингует под них свои тачки или наблюдает за их ездой из окна обгоняемого автотранспорта. А главное — те, кто их перегоняет (кто не намаялся и не поймет, почему ручной стеклоподъемник прозвали мясорубкой). Шестисотый «мерс» называют «кабаном» или «слоном». Изнутри своего «мурзика» так ведь не скажешь. Свои у нас, вроде «запорожца», — безухие, ушастые, горбатые.

Неймеры позднесоветского автомобилестроения правильно решили привить советскому человеку любовь ко всякой живности, и вот к 1990-м годам подтянулись всякие «газели» с «собоями». Но к этому времени автомобильный мир окончательно посуровел к родному автопрому. Произвища так называемых отечественных автомобилей стали обидными донельзя. Не стану даже перечислять все эти «зубила» и «бешеные табуретки», «очко» и «ставридку», «калеку» и «безнадегу». Ничего человеческого.

Да, и дорогие иномарки тоже огребают. Но — за понты, а не за убожество. Ну за что «Шевроле-Ланос» называют «анус»? И почему «Лексус» — «лохус»? По созвучию, да. Но вот почему-то пониже хочется.

А зачем? Чтоб хоть немножко да пнуть? И это есть. Но не только.

Много лет назад выдающийся социолог Левон Абрамян написал статью о советском народном автотюнинге. Тогда еще слова этого в заводе не было. Машины и мыли редко. Даже теория такая была, тоже народная, что грязь предохраняет от коррозии. Из грязи и лени как раз рождается искусство. И веселые люди, чтоб не придирались орудовцы (так раньше называли гаишников), что, мол, почему машина не помыта, начали на грязевой корке своего автотранспортного средства довольно прихотливые узоры выводить. Особенно на юге, где летом дождей меньше. Кто — шашечки-фюяшечки нарисует, кто надпись какую, подходящую для «ведра с гайками» или чего-то там «горбатого» — «Форд-Мустанг», например, или что-то на одном из языков народов СССР. А кто и девушку изобразит (сейчас-то «дэвушкой») некоторые называют корейскую Daewoo). Левон Абрамян и объяснил, что это эфемерное искусство — карнавальный ответ авточеловечества на вызов времени, на бездорожье и грязь, на скуку и жуть.

Так и с автомобильными прозвищами. Самих-то этих иноходцев теперь моют как детей. Но привычка оттюнинговать-отфотошопить «Тойоту-Селику» в «целку», а «Тойоту-Левин» в «Ленина» остается. На этом фоне и «пыжику» у нас повезло, и нам с «пыжиком». А вот как поведет себя PSA, сказать не берусь. Конечно, российского потребителя псом не испугаешь. Всем памятен отклик трудящихся на рекламный ролик с призывом «возьмите эффералган UPSA»: тут у людей не берут, а вы «у пса». Но шутки в сторону. Тем более пошлые.

Ведь что соответствует автомобилю в потребительской корзине человека со средним заработком середины нулевых годов двадцать первого века в такой корзине какого-нибудь совслужа, скажем, 1970-х

годов? Правильно — хорошая пыжиковая шапка. Стоил этот пыжик две месячные зарплаты, но достать его тогда было невозможно. Так что пыжики наши не только омонимы.

Расклейщик

На нем капюшон, сам он тощий и юркий, на руках митенки, лицо копченое. В толпе перемещается как гиббон в джунглях. Этот человек, знающий, что ежесекундно совершает правонарушение, и называется расклейщиком.

Говорят, русские любят прямой разговор. Возможно, именно поэтому в ответ на агрессию гламурной рекламы роскошной жизни — «Я заслужила поездку в Эмираты!» — юркие плебеи-расклейщики шныряют в метровой толпе с загадочными пестрыми карточками со словами «Помощь лишенным», «Медкнижки, справки», «Официальные документы (любой сложности)», «Трудовые книжки», «Справки НДФЛ», «Медицинские справки для бассейна», «Документы любой сложности (официальные)». Нужны ли для понимания этих словосочетаний особые знания и навыки? Рекламщики-документалисты рассчитывают на действенность прямого высказывания.

Бесцензурные газеты с объявлениями в конце 1980-х еще только раскручивались, но в них быстро сложился свой особенный язык, прозрачный для посвященных и трудный для всех остальных. Наступило время, когда простые граждане без особых сантиментов объявляли, что готовы на любую работу. Ну, почти на любую. Для выражения этого «почти» применялись клише. Например: «Гербалайф не предлагать». Или: «Криминал не предлагать». Нежелательные сферы деятельности давались и в букете: «Кроме криминал, интим, агенты». Опытный вербовщик сразу выхватывал из потока объявлений такие, в которых,

скажем, «интим» и «агенты» упоминались, а «криминал» — нет. Впрочем, и тут возможны были ошибки: даже не упомянув «криминала», безработный вовсе не обязательно готов был заниматься противоправной деятельностью.

А как сформулировать положительную готовность трудящегося преступить закон?

Волшебные формулы, чтобы и объявление твое напечатали, и желанный работодатель оценил твою готовность ступить на путь порока за достойное вознаграждение, сложились стихийно. «Бухгалтер с 35-летним стажем (в т. ч. заруб.) ищет работу. Легко обучаем». Или даже так: «Ищу однократную работу с риском».

Некоторые незадачливые искатели работы подхватывали эти красивые формулы, не вникнув в скрытый смысл, и, возможно, немало удивлялись полученным предложениям.

Но были и более сложные случаи.

Читаю: «Дальнобойщик с 30-летним стажем ищет работу. Интим не предлагать». Звоню в газету «Из рук в руки». На мой вопрос, какого ж такого «интиму» опасается наш дальнобойщик, звонкий голос без секундной задержки ответил: «А что тут непонятного-то? Блядей в Прагу возить не хочет!»

А вы говорите прямое высказывание. Тут не просто подтекст, а двойное сальто! Стало ли проще теперь? Едва ли: в эпоху судоку приходится расшифровывать и простые слова о «помощи лишенным». Например, вот так: «Ну что, на метро ездешь, придунок? Почеси репу, собери бабла и принеси мне. С кем надо перетрем, и будешь снова рассекать с официальным документом от мента».

А как понять слова «дипломы, курсовые», написанные аршинными буквами на мостовых и стенах, на заборах и в арках старых домов? Как раскрываются эти предложения, сопровождаемые номерами

мобильных телефонов? А вот как: «Ну что, в вуз поступил, а курсовик писать не хочется? Ладно, помогу тебе, болвану, совершить уголовное преступление и напишу за тебя квалификационную работу высокой сложности!» Особенно трогательно, что написать предлагают «без плагиата и в срок!» Творческая все-таки работа. «Диплом»!

Предложения на эфемерных стикерах часто завершаются словами «требуется расклейщики». Значит, дело идет, а посредникам хватает их маржи от акции под скромным названием «помощь лишенным».

Когда тебе так вот публично предлагают «официальные документы» из ГИБДД или налоговой инспекции, невольно задумаешься о собственном месте в пищевой цепочке между гаишниками и расклейщиками. Сейчас главное занятие мужчин в метро — игра в sudoku. Женщины в основном читают молитвенники. В перерывах между партиями издатели печатают для своих клиентов ароматные свежие анекдоты о муже, который вернулся из командировки, или о посыпанном солью бюсте секретарши. Поэтому у игроков совсем не остается времени: из пустоты своей цифровой гармонии они не слышат угрозы себе и своим судочатам. Особенно в словах «документы любой сложности». Даже страшно подумать, какую ксиву можно получить от маленького человека за средние деньги. А получив, управлять уже на законных основаниях. Например, очень хороша полученная по объявлению в метро «официальная» медицинская справка «для бассейна».

Начинают объяснять, что не надо загоняться, заморачиваться самому и морочить голову другим, что, мол, и документы в метровой расклейке не документы вовсе, что диплом не диплом, медкнижки не медкнижки, а справки НДФЛ поддельные, что это просто пустые слова и что вообще самоволь-

ная расклейка объявлений в метрополитене имени В. И. Ленина запрещена.

Но есть стилистические основания считать эту народную рекламу в подземке более действенной, чем та, что размещается от имени самого метрополитена. Гламурная, которая советует пассажирам «жить на яркой стороне», изо всех сил старается быть остроумно-сладенькой, как «Активия»: с заслужившими отдых на Гоа иначе никак нельзя — засмеют. Народная расклейка лаконична: «Мы знаем — тебе много не надо. Но и ты нас пойми». Кто победит в этой рекламной войне?

Рисайклинг, или Хомо инкурватус требует понимания

Как быть с выморочным именовым имуществом блоггеров?

Возмущения в ионосфере создавали такие помехи в радиоэфире, что приличные радиокomпании приносили слушателям свои извинения. За возмущения в блогосфере извиняться некому. Между тем некоторые из них подают сигнал новой и необычной тревоги.

В самом конце нулевых появилось сообщение, что владельцы «Живого Журнала» применяют новую форму рисайклинга: за небольшую мзду продают желающим выморочные или отобранные за те или иные прегрешения журналы. Точнее — уникальные имена.

Возникла интересная и новая коллизия. Рассмотрим в главные удостоверения личности — паспорта. Там черным по белому написано, что они являются собственностью выдавшего их государства. Но речь идет только о материальной стороне документа. Вписанное в него имя, как и вся остальная информация о личности, собственностью государства не является. Бывают удостоверения личности

удаленные. Например, хранящиеся на сайтах банков данные о счетах граждан или сведения о работнике на сайте предприятия. Несомненным удаленным удостоверением личности является и блог. Блоги разнообразны. Некоторые удостоверяют только узкий сегмент личности своего владельца. Один ведет занятия со студентами, другой ходит в кружок верблюдоводства, не привлекая к себе особого внимания. Личный статус такого удаленного документа подтвержден наличием пароля, который заменяет в таком случае отпечатки пальцев. Пока человек жив, где-то в бесплотном эфире живет и этот его сегмент. Занимает он примерно такую же ячейку в воображаемом пространстве, в какой проживает и сам гражданин. Под тем именем, которое выбрал для себя сам. Тут и начинается наша история.

Заводя блог, человек мог позабыть, что он смертен. Но вот природа немилосердно исправляет эту ошибку. Что происходит дальше? Известное дело: документы, удостоверявшие личность гражданина, теряют силу. Конечно, ими можно злоупотребить. Но мы такой случай даже не рассматриваем. Идем дальше и обнаруживаем, что у человека все же и после смерти остаются кое-какие документы. Например, надгробие. Или мемориальная доска на доме, где он жил. Кто верит в бессмертие души, тот не может не предположить, что этими предметами, на которые нанесено имя, как-то пользуется душа усопшего.

Наследникам же достается свидетельство о смерти, а иногда и другой немаловажный документ под названием «завещание». Обе бумаги заверены нотариально и не имеют силы в виде копий. Человека нет, а подлинный документ, содержащий его имя, есть. А в самом последнем даже и его последняя воля заключена.

На что же из всего перечисленного похож блог? Точнее, на что похоже то единственное, что от него остается, — уникальное имя пользователя, занимаю-

щее определенную ячейку в том воображаемом пространстве, где еще вчера велись какие-то разговоры, размещались фотографии, произносились имена?

С чем сравнить имя хозяина блога? С надписью на плите? С ракушкой, оставшейся без моллюска и готовой принять новичка? Или, может быть, с одеждой, которую человек носил до смерти?

Последнее сравнение должно быть близко тем, кто ценит знаменитое стихотворение Юрия Кузнецова о вдове солдата, которой сердобольные однополчане прислали гимнастерку мужа. Вот его последние строфы:

Годами снился этот дым
Уже почти неуловимый.
И незнакомым и родным,
Она дышала этим дымом.
Хозяйка юная пришла
И впрок затеяла уборку,
Углы от пыли обмела
И постирала гимнастерку.

Итак, что такое имя? Вещь, которую можно постирать и отдать другому для повторного употребления? Или духовная сущность, связанная с ее носителем и автором и после смерти последнего?

Речь идет не о месте, не о квартире, не о ракушке, а о сущности беспредметной, о «дыме». Об идентичности, о личности, не смещаемой никакими двойниками (как у Элвиса Пресли на съездах его фанатов, или как у Ленина с Брежневым возле Исторического музея на Красной площади).

Современные кладбища устроены так, что по прошествии двух-трех десятков лет, а то и раньше, надгробие обыкновенного человека безвозвратно удаляется, а его место передается другому покойнику. Время можно потянуть: должен умереть кто-нибудь из родственников, чтобы разместиться в семей-

ной могиле, либо живая семья должна расщедриться, либо — добиться признания со стороны государства, чтоб то решило поддерживать могилу как национальное достояние. Однако во всех этих случаях камень с именем одного покойника не полагается передавать другому покойнику в прежнем виде.

Аргумент несравнимости уютной жежешечки какой-нибудь лохушки с надгробием, скажем, оперной дивы — пустой. Потому что сегодня ты — лохушка, а завтра — звезда с лучами в пол-экрана.

Тут важен принцип. Важно понять, как быть с уникальным именем, с авторским и человеческим правом на него. Не стоит забывать, что блог-ракушка легко становится для своего моллюска источником опасности. Он — убежище частички личности, но отвечает-то человек всем лицом: да за одну френд-ленту можно и в лоб получить, и в тюрьму угодить!

Как же быть? Может быть, вот так: хозяин блога составляет с пользователем договор, по которому посмертная передача блога другому лицу должна сопровождаться дисклеймером от блог-хостинга, что, мол, тогда-то и тогда-то блог принадлежал такому-то. Вроде мемориальной доски.

Этот новый пункт договора признавал бы то, чем журналы уже фактически стали для многих — местом, где проходит часть их жизни, как у издателя журнала «Столица» Андрея Мальгина, от которого я, собственно, и узнал эту интересную историю.

Случаев присвоения чужих имен сколько угодно. Например, римские папы выбирают себе имена особенно чтимых предшественников. Но чужое имя все же не проглатывают, а добавляют следующий порядковый номер. Дело тут не только в том, что мириады обитателей блогосферы — люди суеверные и нуждаются в сочувствии. Homo incurvatus — человек согбенный, погруженный за компом в мысли о себе, — распознает в этой новой практике не столько амора-

лизм, сколько грубую логическую ошибку. Ведь перепродажа имени отменяет прошедшее время, а с ним идею времени вообще. А кому нужно место без времени? Чужая пустота, из которой в свой срок выкинут и тебя? В ЖЖ можно теперь объявлять выморочные журналы мемориальными. Но все же пока не все, а только те, о которых попросят живые.

Руккола с пармезаном

Люди охотно перекладывают свои прямые обязанности на историю. История нас рассудит. Время покажет. И тому подобные ложные мудрости. Особенно это касается языка. Когда человек так говорит, он делает вид, что язык — это часть природы.

Например, какая форма слова одолеет своих соперниц? Почему в России когда-то победил немецкий парикмахер, а в Германии — французский фризёр? Почему их обоих может вытеснить стилист? Ответом на такие вопросы занимается историческая семантика, или наука о том, как история диктует слова, а понимание истории зависит от словоупотребления.

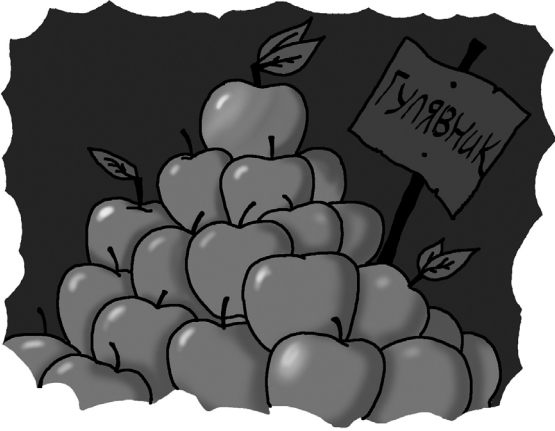
Мы тоже живем в истории. Но не просто в истории, а и в истории экономической. Наше перемещение по шкале экономического времени сопровождается ключевыми словами. Двадцать лет назад у слова «откат» не было экономической составляющей. А теперь она есть. Есть даже специальное сжатое описание российской экономики нулевых годов: экономика РОЗ — Распила, Отката и Заноса. По аналогии с «Роснефтью» есть РосПил Алексея Навального. До такой степени все это есть, что и совершенно невинное слово, например, «безоткатное орудие», при определенных обстоятельствах легко принять за шутку.

Или вот названия продуктов. Для нескольких поколений граждан нашей страны особое значение

имело слово «симиренка». Его во всяком случае точно знают все мамы. Это был едва ли не единственный сорт яблок, не вызывавший аллергии у детей. Торжество химизации народного хозяйства и иных, как сказал поэт, хренаций, привело к тому, что с последней трети двадцатого века детей без аллергий почти не бывает. Вот почему слово симиренка — название сорта, выведенного лет сто назад украинским селекционером Львом Платоновичем Симиренкой, стало одним из ключевых слов экономики младенческого питания.

Этот факт знают в России две группы населения — молодые мамы и опытные жулики разного возраста и пола. В 2009 году, специально обходя яблочные ряды нескольких рынков, я только раз (для ясности — один раз) видел настоящую симиренку. Большинство впаривало покупателям глянцево-зеленые гренни смит. От нескольких тружеников фартука и отката мне удалось унести ноги буквально в последний момент: продавцы не хотели признавать факта мошенничества ввиду отсутствия у меня не ботанических (в обоих смыслах этого слова) аргументов. Надо признать, у большинства продавцов на табличке с названием продукта начертана такая абракадабра, что схватить их за руку невозможно. А там, где что-то можно разобрать, название сорта было написано во всех возможных вариантах кроме правильного. В том числе и у единственного попавшегося мне продавца правильной симиренки.

Наглость, с которой продавцы отстаивали свое право толкать заведомую не симиренку именно как симиренку, заставляет опасаться скорого исчезновения этого продукта с рынка. И если сейчас большинство продавцов, не сговариваясь, под видом симиренки будут продавать, скажем, гренни смит, то со временем на российском рынке симиренка и станет местным синонимом гренни смит.

Произойдет то самое, что в греческой мифологии случилось с Пиеридами. Это были прекрасные девушки-певуньи. И случилось им как-то состязаться в искусстве пения с Музами. Пиериды выступили лучше. Но Музы пожаловались крышевавшему их ансамбль Аполлону. Тот и превратил Пиерид в сорок. А имя их — внимание! — передал своим подопечным в качестве эпитета, по-нашему говоря, прозвища. Задним числом Пиериды были объявлены проигравшими в споре. Хотя, если бы они проиграли, зачем тогда Музам понадобилось их имя? Так вот, мы сейчас как раз переживаем стадию передачи имени. Кто тут у грени смит работает Аполлоном, не знаю, врать не буду. Можно возразить: а как же патенты, традиции, авторские права и патриотизм. То-то и оно, что люди, не желающие заморачиваться с местным (или украинским) продуктом, отлично понимают: с симиренкой у потребителя связана история и тот клюнет на слово из своей картины мира.

Но бывает и наоборот. Популярная в Западной Европе под итальянским именем «рукола» съедобная трава появилась на российском продовольственном рынке относительно недавно. Она не вытеснила привычной кавказской зелени, но лишь обогатила салатный букет, оразнообразила стол. Много лет назад, сидя в итальянском ресторане во Франкфурте-на-Майне в обществе московских коллег, я был свидетелем первой встречи с руколой старинной приятельницы, назовем ее Л. Ж. Внимательно разглядев характерную форму листа, Л. Ж. сказала: «Вот те на! Да это ж наш гулявник!» И в самом деле, русское народное ботаническое название руколы — *гулявник*. Несмотря на весь наш казенный, квасной, научно-технический и всякий иной патриотизм, боюсь, что «руколу» в итальянских ресторанах в гулявник переименовывать не станут. А зря.

Обидно получается. В одном случае яблочко-национальное-достояние уходит с рынка, а имя его крадет какой-то посторонний фрукт. А в другом — ловкие сводни и сводники не выпускают наш гулявник из тюрьмы ботанических словарей на свободу ресторанных кухонь. А ведь страдает большое патриотическое дело. Эй, неймеры-ребрендеры! Впрягайтесь! Пусть у них рукола с пармезаном, у нас — гулявник с пошехонским. Пока история нас рассудит, расскажу еще одну короткую историю. Люди с русским языком живут ведь теперь по всей Европе. В дневнике 2007 года (я работал тогда в Бремене) читаю запись за 25 апреля: «Чехов и итальянская кухня. Возле трамвайной остановки маршрута номер 6. Тетенька моих лет: «Сейчас только любимое перечитываю. «Дом с пармезаном»... Так, нехитрыми гастрономическими изысками можно излечиться и от самой жестокой ностальгии».

Согласно пульсу блогосферы Яндексса, все больше тех, кто знает новое слово пармезан, все меньше тех,

кто знал и забыл старое слово мезонин. Зато на вопрос, может ли гастрономический ребрендинг возбудить патриотические чувства, можно ответить положительно.

Смайлы, смайлики, лыбики

В имагологии — прикладной науке, изучающей, как одна культура конструирует для себя образ другой культуры, — есть понятие встречного высокомерия. Например, у русских (точнее, россиян) и англичан (точнее, у британцев, а также производных от них культур) это явление довольно часто наблюдается. Но при этом оно не всегда заметно, потому что русским присуще еще и некоторое не свойственное англичанам самоедство. Но нос-то все равно задран. Даже в знаменитом афоризме Василия Васильевича Розанова — «хороши чемоданы делают англичане, а у нас хороши народные пословицы» — гордыня немного наследила. Уж не говорю о Лескове.

У англичан все по-другому: поскольку нет никаких собственных исторических комплексов, то и высокомерие у них простое, открытое и доброжелательное. Спокойный взгляд на собеседника со своей высоты. Но и при таком доброжелательном взгляде бывают оптические искажения. Одного из них не заметил Эдмунд Харрис, горячо полюбивший Россию и отлично пишущий на русском в своем блоге на Би-би-си. Русские, кажется автору-русофилу, злоупотребляют английским же изобретением — смайликами (иногда их пытаются — почти как зонтики — зонтами — по-серьезному называть «смайлами»). Но теперь, убедительно показывает Харрис, смайлики стали настоящей чумой русской коммуникации. Особенно — деловой. Смешно, говорит английский журналист, когда седовласый мужчина употребляет в письме знаки, которым место разве что в записках пятнадцатилетней школьницы.

На первый взгляд, все так и есть. Но вот по смайликам ли проходит эта половозрастная граница?

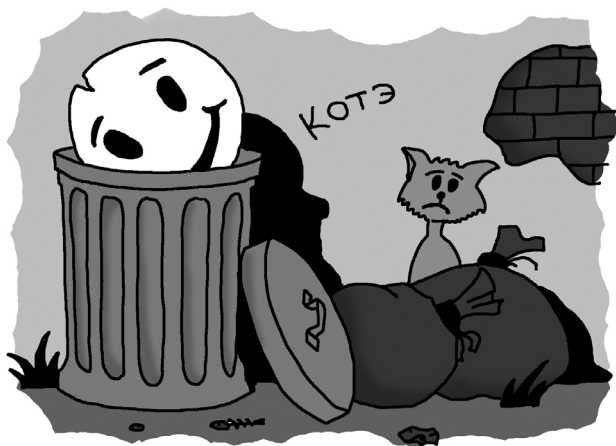
Автор отлично объясняет, почему люди пользуются этими знаками препинания. Он отвечает на вопрос, зачем они это делают. Но в самом конце совершает роковую оплошность — начинает учить пользователя жить:

Господа, очнитесь, смайлики — это лингвистический джанк-фуд! (Вульгаризм тут вполне уместен.) Срочно надо переключиться на что-то более полезное! Включите мозги и смейте отличаться от остальных!

Тут и посуда полетела.

Единственная положительная находка — баночка с красивым словечком джанк-фуд. Все остальное критики не выдерживает. И вовсе не потому, что смайлики не эпидемия и не «лишняя банка майонеза в салате-оливье» русской коммуникации. Они — все это. Но и еще нечто. Что же?

А вот что. Свобода слова пришла в наш северный край вместе с Интернетом. До этого чуть ли не сто лет люди по большей части обменивались личным только в устном общении. Такой культуры письма, как в Англии, Россия (наша, Внутренняя Монголия, а не Набоковское зарубежье) не знала с Чеховских времен. А повседневный речевой обиход простого человека в пограничье между личным и общественным — от школы и магазина до железнодорожных касс и кладбища — весь был, да и остается, соткан из косноязычия, междометий, то сюсюканья, то матерной смазки. Учителя в стране не заикаясь говорить не умеют, чего ж вы, милый человек, от деток хотите. На улице, когда смайлики некуда вставлять, они тоже за словом в карман не лезут. Но мычат разнообразно. Говоря прямо, надо дать понять собеседнику, что не грубишь. И в таком случае, например, смайлик

«улыбка» обозначает что-то вроде «ты только не обижайся». Смайлики, стало быть, не эмоции выражают, а только обозначают на письме привычный устный формат высказывания.

В конце 2010 года какие-то патриотичные рунетики придумали смайликам замену — псевдорусское слово «лыбики». Может, оно и пойдет, конечно. Эта калька со смайликов произведена от глагола «лыбиться», употребляемого обычно в значении «держать лицо ослабленным, показывая вместо улыбки ее грубое подобие».

Такие вот лыбики размещены в некоторых соцсетях — на Одноклассниках.Ру, например. Смайлики Скайпа выглядят человечнее. Кто знает, может быть, скоро придет время смайликам персонализированным? Это будет новый формат. Тоже, между прочим, ключевое слово десятилетия. Но вернемся к формату высказывания.

А он у нас весь двадцатый век простоял на трех китах. Кит первый: главное не то, что я говорю прямо, а то, что я имею в виду косвенно. Смайлики и нужны, чтобы собеседник, читая между строк, не провалился ниже ватерлинии.

Кит второй: должно быть весело. Если скучно, значит — вранье. Смайлики и нужны, чтобы щекотать собеседникам усы или ресницы.

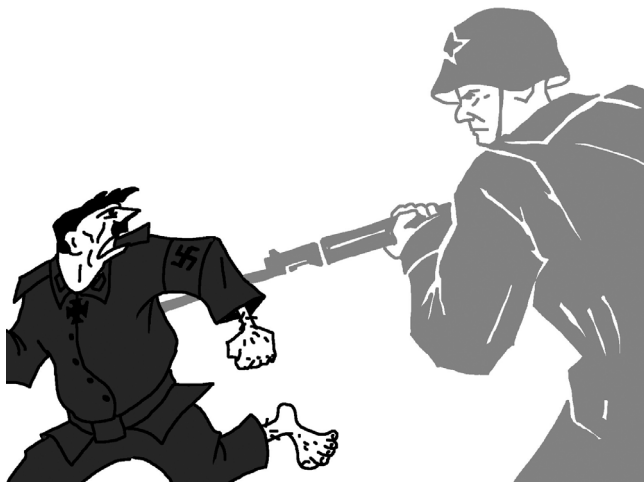
Кит третий: беседа идет не для выяснения истины, а для нанесения заранее изготовленных, по-вашему говоря, лейблов. А какой лейбл без смайла? Поэтому выступают у нас всегда по Толстому — «хмуря брови и улыбаясь ртом». По-другому не обучены пока.

По этим трем кое-где у нас порой честно не преодоленным причинам общего характера смайлик и стал, как верно заметил Эдмунд Харрис, русским национальным междометием, а наш человек втянул его носом и вряд ли так уж легко откажется от этого завоевания. Почему вместо других, настоящих достижений британского гения, вроде чемоданов или парламентаризма, наши люди западают на такой вздор, сказать не берусь: сам хотел бы понять.

СССР, или Наука побеждать

В Германской Демократической Республике (1949–1990) был официальный лозунг — «Учиться у СССР — значит учиться побеждать». Прошло 20 лет с тех пор, как оба государства перестали существовать: одно влилось в ФРГ, другое и вовсе распалось. Но я не собираюсь ерничать: просто удивительно, как быстро на смену старому, пропагандистскому, смыслу лозунга пришел неожиданный новый смысл.

После войны от Германского рейха в Европе осталось три государства, и в каждом — свое официальное отношение к разгрому 1945 года. Понятно, что раздавали идеологические установки победители:

до 1990 года политическая субъектность всех троих — Австрии, ГДР и ФРГ — была ограничена. В ГДР политику отношения к разгрому фашизма определял Советский Союз. В ФРГ — западные союзники по антигитлеровской коалиции, а со временем — и сами западные немцы. Австрию, странное дело, просто оставили в покое. Так, будто послевоенный нейтралитет этой страны распространился и на ее прошлое.

Но к Австрии я еще вернусь, а в том, что касается обеих Германий, получился парадокс: американско-британская практика денацификации Западной Германии оказалась более успешной, чем официальный антифашизм в ГДР. Но вот на уровне риторики сильнее был Советский Союз. Потому что с самого начала ГДР отмечала советский День Победы как день «освобождения от гитлеровского фашизма».

В ФРГ же (1949–1990) этот день официально был только днем окончания войны. Словосочетание «окончание войны» употреблялось победителем и побе-

жденным по-разному. Победитель старался не пользоваться этим словом: слишком оно будничное. Зато побежденному, говорящему об окончании войны, как бы позволено не развивать тему «поражения» или «разгрома». Но нейтральность такого обозначения все же фальшива: какое там «окончание» войны, если государство ваше прикончили.

Так вот, в ФРГ союзники диктовали только программу денацификации, а вот какой мотив национальной памяти должен стать для этой страны основным, определяли сами немцы. Общее согласие в том, что окончание войны означало для них не только поражение, но и освобождение, было оформлено на государственном уровне только в 1985 году. Это понимание растолковал своим согражданам федеральный президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер. Тот самый Рихард фон Вайцзеккер, который был в команде адвокатов своего отца, нацистского военного преступника, дипломата-эсэсовца, осужденного последним Нюрнбергским трибуналом на несколько лет заключения.

Могут возразить, что это только буквальное совпадение с формулой, давным-давно принятой в ГДР, что для немцев на Западе она была политически выстраданной, а не навязанной. Тем более, скажут нам, что и в 2010 году, согласно опросам, только 4 из 5 граждан объединенной Германии разделяют формулу Вайцзеккера. На чей-то вкус — мало. Но когда будущий президент ФРГ Вайцзеккер-младший еще сражался на восточном фронте, мысль о благодетельности освобождения от национал-социализма немцам втолковывал по радио Томас Манн. Тогда с писателем согласились бы разве что узники концлагерей и маргиналы-антифашисты. Ведь Томас Манн обращался к своим соотечественникам от имени той силы, которая как раз сбрасывала бомбы на немецкие города.

Он был прав и тогда, но большинству немцев, чтобы принять эту правоту, пришлось дожидаться президента Вайцзеккера, переставшего быть адвокатом отца.

Австрия, которую Германия присоединила в 1938 году и которая день окончания Второй мировой войны не отмечала вовсе, главным национальным праздником объявила 26 октября в честь декларации нейтралитета в 1955 году. Казалось бы, победа антигитлеровской коалиции вернула Австрии государственную независимость, т. е. освободила ее вдвойне. Но политическому классу этой страны свобода от ответственности показалась слаще освобождения.

А старая гдээрзовская формула «Учиться у СССР — значит учиться побеждать» все-таки оказалась пророческой. Как в 1945 году Советский Союз преподавал незабываемый урок нацистской Германии, так и демократическая Россия — не без помощи бывших союзников по Второй мировой войне, но все-таки собственными силами! — одержала мирную победу над советским тоталитаризмом и указала восточным немцам дорогу в объединенную Германию. Пусть пока не все ценят это освобождение даже в самой России. Не страшно: немцам пришлось ждать такого понимания сорок лет.

Сталин и сталинизм—2010

Со второй половины двадцатого века раз в четыре года в России обязательно справляется большой юбилей — либо нападения Гитлера на Советский Союз в 1941 году, либо победы в 1945 году. И всегда это был повод внушить населению чувство единства под чьим-то так называемым чутким руководством. И в год 65-летия великой победы официальная Москва разрешила коммунистам вывесить кое-где портреты Сталина как главного победителя во Второй миро-

вой войне с той стороны, которая идеологически все еще противостоит и западным державам-победительницам, и Германии, давно ставшей частью этого самого свободного мира.

Сталинские плакаты ко дню победы 2010 года раскололи общество — но не пополам, как колун — полено, а на льдины и торосы. Десять лет подмораживали, отучали людей от политических дискуссий. И все-таки не получилось: невозможно спясть холодом навечно. Ледохода еще нет, но какая-то странная оттепель наступила, и первым как раз оттаяло вот это вот сталинское дерьмо. Спрятаться от этой вони невозможно, замолчать ее нельзя и заговаривать не хочется. Хочется что-то сделать. Но что можно сделать?

Например, определить нынешний состав сталинизма–2010. Он отличается от всех других сталинизмов — и времен первой оттепели (1953–1965), и неудавшихся попыток рестаилинизации (1967–1973), и загнивания СССР (1979–1985), и ельцинских девяностых и путинских нулевых. С самой смерти советского диктатора его наследию не давали стать историей. Он все время был действующей политической фигурой. А оттягивание историзации с каждой новой политической эпохой вновь и вновь оживляет это мертвое смердящее тело. Особенно помогло Сталину замалчивание преступлений его режима в 1960–1980-х годах. Два поколения людей выросли почти на шепоте.

И нечего удивляться: чем дальше от точки физического расставания с «отцом народов» пятого марта 1953 года магнетизм зла притягивает к Сталину все больше далеких от него чутких и нервных демагогов, от которых легко заряжаются и дорогие телезрители. Вот почему сегодня среди тех, для кого имя и дело Сталина политически и человечески приемлемы, так много молодежи.

Чего же люди до сих пор от него хотят, и кто пытается воспользоваться этим спросом на Сталина? Ина-

че говоря, кто сейчас самый опасный для России и для остального мира носитель этой сталинской мертвой энергетики?

Модное слово «энергетика» тут как нельзя кстати. После того как патриарх Кирилл проводил на бой в Ванкувер тогда еще имевших стать непобедимыми российских олимпийцев, один из спортсменов в телеинтервью похвалил главу РПЦ, сказав, что у того «отличная энергетика». Ерничать, что у норвежцев и южнокорейцев, небось, колдуны посильней оказались, я не намерен. А вот энергетика, как говорится, зацепила. Потому что главными носителями вируса сталинизма–2010 мне и представляются не чистые чекисты, а те из них, которые пошли в эту энергетику — духовную, нефтегазовую, правительственную, атомно-иранскую, публицистическую, нанотехнологическую. Что им надо от Сталина?

Простая вещь: народ губил? Губил. А народ его любил? Любил. Ну так что еще надо? Каждый такой разговор привлекает к Йосьсарионычу новых любителей. Каждый такой вопрос дает Сталину ту самую жизненную силу, которой давно уже нет и никогда не было ни у одного из участников Ялтинской или Тегеранской конференций. Не воспользоваться этим ресурсом людям с советской закалкой никак невозможно.

Этот энергетический сталинизм дает многим как раз то, чего они не получили от Ельцина за девяностые и от Путина за нулевые годы. Ведь большинство пошло за ними. Но Ельцин и Путин, вынесенные случаем на стрежень, не справились с обязательствами. В том числе по части государственного строительства. Поэтому сталинизм–2010 — это не кремлевская политтехнологическая выдумка, а стихийное, народное движение, только местами оседланное ретивцами из разных сегментов правящего класса.

Много лет назад я смотрел один итальянский фильм. Там был эпизод — бунт заключенных в тюрь-

ме. Самое начало 70-х годов. Мейнстрим левый совершенно. Охрана из шлангов окатывает людей водой. И вот эта мокрая, оскорбленная, озлобленная толпа за решеткой начинает скандировать: «Дуче! Дуче! Дуче!»

Этот же тюремный рефлекс срабатывает при производстве духовного сталинизма—2010 в России. Как его измерить, не совсем понятно. Лобовой опрос общественного мнения ничего не дает, потому что само по себе это состояние сознания не воспринимается как сталинизм. Между тем именно в него вводит своего зрителя российское ТВ последнего десятилетия — и даже не столько казенная пропагандистская ложь и нон-стоп ретроспектива советского кино, сколько хорошие культурные передачи, круглые столы и дискуссии «у добрых и приличных людей»: потому что это именно та смесь кусочка правды с тонной лжи, из которой и слепок продукт, столь близкий прототипу — сталинской пропагандистской машине. От «Кубанских казаков» до показательных процессов, от либерального Эренбурга до консервативного Патриарха, от верного западного друга Арманда Хаммера до заклятого внутреннего врага — либеральной интеллигенции. Нельзя сказать, что все это — игрушечное. Кровь-то за сценой проливают настоящую. Но — по сравнению с прототипом — неэффективно, ведь результат не дает потребного величия.

Люди, не получившие компенсации за распад СССР, как-то свою обиду должны вымещать. Сталинская эстетика и «энергетика» и предлагаются по всем каналам для этой самой цели. Из всех трансляторов национальной идеологии у этих зрителей только телевизор и есть. Из их мозга виртуальный сталинизм рвется наружу, в реал.

Его нельзя остановить политически, потому что политической дискуссии нет. Его нельзя остановить юридически, потому что сталинизм—2010 есть сво-

бода слова. Его можно было бы одолеть спиритуально, если бы священнослужители не боялись своей собственной паствы — угрюмого продукта постсоветской эпохи. А этот страх сильнее веры священнослужителей.

Сталин — их вера, царь и отечество, а значит, он имел право карать и миловать.

Пока это — виртуальный дракон. Но поди поборись с ним. Когда незаметный сталинизм живет во мне самом.

В начале марта 2010 года известный немецкий киноактер Ульрих Маттес, сыгравший роль Йозефа Геббельса в известном фильме о конце Гитлера и его окружения, рассказал, как трудно было ему сыграть эту роль. Когда играешь человека, любого человека, актер должен хоть какой-то частичкой своего «я» испытать к своему герою приязнь, человеческую симпатию. Изображая несусветного злодея, профессионал, работающий по системе Станиславского, просто обречен на такой поиск крупинки человечности. Ведь этот изверг был не чудовищем, не безумцем, а все-таки человеком, как бы это ни было неприятно всем остальным. В том числе, конечно, и тем, кто ни в каких преступлениях не замешан. И вот актер, чуть-чуть как адвокат, должен достать это человеческое и показать его тоже. Опять-таки не для пошлого контраста, мол, любитель классической музыки, а сам убийца и садист. Нет, именно по существу надо показать, что вот был такой человек. Мы застаем его в фазе абсолютного, полного и бесповоротного расчеловечивания. После того как его жена отравит детей, он застрелит ее. Нам важно понять, что все это совершает человек, а не машина. Человек с прошлым, сам жертва насилия в раннем детстве и в отрочестве. Закомплексованный увечьем. Потом выяснится, что этот человек станет устройством для многократной возгонки этого насилия. Станет одним из организаторов трудно представимого истребительного и самоистребитель-

ного режима. Историк, расследуя эти фазы, не обязан отслеживать, где пропадают остатки человечности. Актер же, наоборот, только по этим остаткам и опознает своего персонажа как человеческое существо.

Одновременно со съемками фильма «Закат», рассказал Маттес, он снимался у другого режиссера в другой ленте, где играл роль, если угодно, диаметрально противоположную: узника концлагеря, жертву Геббельса и его системы. Здесь актерская задача кажется не такой трудной. Легче вызвать у себя самого и у зрителя симпатию к жертве, чем к палачу. Потому что жертвенное для многих является синонимом человечности.

Пока Ульрих Маттес рассказывал о психической и физической нагрузке, которая выпала на его долю, мне стало понятнее (или показалось, что стало понятнее), что испытывают многие люди, когда думают о Сталине. Возможно, не отдавая себе в этом отчета, такие люди отождествляют себя и со Сталиным — жертвой нападков, и со Сталиным — главой империи. Это все спрятано в формуле «мертвый лев». Мол, это сейчас вы все тут такие храбрые, а вы бы попробовали тогда.

Нотки жалости в голосах оправдывающих Сталина — проявление не замороженной в них сталинской бесчеловечности и даже не умственной ограниченности его посмертных защитников, а как раз совсем наоборот — проявление человечности. А вот инстинктивное желание даже только на словах предложить такому вот «сталинисту» самому на своей шкуре испытать «сталинские методы» — это как раз отрывка сталинизма в мозгах антисталиниста.

Как глубоко может в тебе самом это сидеть? Этот незаметный сталинизм?

В вагоне-ресторане разговорился с попутчиком-швейцарцем. Мы оба уткнулись каждый в свою газету, а потом переглянулись: я читаю про дело Ходорков-

ского в Страсбургском суде, а он — о деле Березовского против ВГТРК в суде Лондонском. Оказалось, что г. NN — прокурор. За обедом он подробно рассказал о человеке, который был осужден на несколько лет тюрьмы за мошенничество, а по отбытии срока получил разрешение на выходные уезжать к семье. Сидеть ему оставалось еще года полтора, но в один прекрасный день наш зэк, это был швейцарец итальянского происхождения, не вернулся из отпуска. Спустя несколько лет выяснилось, что он просто перешел границу и поселился на ферме своего родственника в Италии. Когда дело раскрылось, итальянские власти беглеца задержали и выдали альпийскому соседу.

И тут я говорю: «Надо же, ведь всего полтора года оставалось ему сидеть. А теперь и за побег добавили».

— Почему добавили? — спрашивает прокурор. — Он просто отсидит оставшиеся полтора года и оплатит судебные издержки.

— Но он же не вернулся из своего, так сказать, увольнения и скрылся?

— Ну да, он просто воспользовался своим правом на свободу. Побег при удобном случае это неотъемлемое право человека. Не мстить же ему за то, что ты сам за ним вовремя не уследил.

Гитлер — это Сталин сегодня

По случаю 65-летия победы группа российских карикатуристов-любителей опубликовала в высшей степени занятное произведение, облетевшее русскую блогосферу. На нем несколько пигмеев, изображенных в известной иконографической маске «жида» — горбоносого пучеглазого человека с вывернутыми губами, — оплевывают портрет И. В. Сталина. Пигмеям придано портретное сходство с Валерией Новодворской, Еленой Боннэр, Гарри Каспаровым и другими российскими публицистами и общественными дея-

телями. Кроме старой советской графы «национальность», ныне упраздненной, всех их предположительно объединяет критическое отношение не только к Сталину и сталинизму, но и к ныне действующему руководству Российской Федерации. А поощряет названных деятелей в карикатуре на «оплевывание» и «очернение» Сталина не кто иной, как Адольф Гитлер — живой, большой, здоровый и в свежем мундире.

Ход мысли создателей этого произведения общественной мысли, на первый взгляд, прост: всякий, кто осмеливается в эти «святые для всех нас майские дни» выступить против Сталина, на деле является пособником Гитлера. Как бы задним числом. Но мастеров

витость подвела мыслителей, и более пристальный взгляд на это произведение обнаруживает их главное послание миру.

Дело, говорит картинка зрителю, вовсе не в Сталине: ведь Сталин мертв, на стене висит только его портрет. Здесь, у нас, в живом мире — новая расстановка сил. И выбирать тебе, зритель, приходится во все не между Сталиным и Гитлером, а между «жидами» с их смешным антисталинизмом и теплым живым нацизмом. Дело в том, что российские «правозащитники и либерасты» изображены в точности так, как в нацистской Германии полагалось изображать «большевистских комиссаров и западных плутократов» — тех самых еврейских заговорщиков, которые «мешали» подняться Германии после Версальского мира, а сегодня в очередной раз пытаются «продать Россию», ослабленную роспуском Советского Союза.

Игривый анахронизм — живой Гитлер против мертвого Сталина — это не слабость карикатуристов, за которую их вряд ли привлекла бы советская пропагандистская машина. Инстинктивно художники представили своих действующих героев в очень достоверной фазе. Гитлер на картинке почему-то по-немецки и почему-то с ошибками обращается к российским правозащитникам со словами: «Спасибо, мои дорогие!» А зрителю подмигивает подтекстом: «Пускай кричат и плюются, пускай стараются жидочки, мой час — впереди! Тогда их от меня Сталин спас, а сегодня-то я один остался. Хе-хе». Этот вот живой нацистский мессидж и сообщает «правозащитникам и либерастам» карикатура из журнала Корзуна, Трофимова и Калининского.

«Сталин — это Ленин сегодня!» — так звучал официальный советский лозунг сталинской эпохи. «Гитлер — это Сталин сегодня!» — вот лозунг наших новых нацистов. У них сегодня те же враги, что были у Гитлера в 1933, а у Сталина в 1953 году: западные демократии,

свобода слова, культурное многообразие. А это и есть то, что на российской политической сцене олицетворяют осмеиваемые персонажи карикатуры.

Стоп-лист, или Проверка на вшивость доменной зоны РФ

Летом 1990 года, впервые оказавшись в одном немецком университетском городке, я зашел в старинную гимназию. Называлась она в честь великого химика Бунзена — Bunsen-Gymnasium. И вдруг увидел на почтовом ящике непорядок: между штатными столбиками во второй букве «n» в имени изобретателя знаменитой горелки вырос столбик нештатный, не только превративший «n» в «m», но и ужасным образом изменивший значение всего слова. Получившийся немецкий глагол означает весьма неприличное, почти матерное слово. Вот это да! Неужели и здесь все как у нас?! Дай-ка, думаю, пройдуся я по тем помещениям гимназии, где, как «в общественном парижском туалете, есть надписи на русском языке». Моя импровизированная инспекция смогла охватить только половину означенных помещений, и о написанном на стенах и дверцах женских уборных могу только догадываться. Но за мужскую часть ручаюсь: в 1990 году ни в одной кабинке Бунзеновской гимназии никто не воспользовался необходимым и достаточным искажением имени великого химика для достижения смехового эффекта. А увиденное мной на почтовом ящике было случайной царапиной. Мне стало обидно: значит, это мои мозги свернуты таким образом, что я увидел матерное слово там, где его не видели местные жители.

Высказывание, принудительно — по ассоциации, ослышке, прочтке, описке или опечатке — воспринимаемое как сквернословие, — называется эсхрофемизмом. Это не брань, не ругань в чистом виде, не речевая смазка из «блинов» и, так сказать, «нахалов».

Это — всплытие неконтролируемого подтекста из области сквернословия (табу, или эсхрологии) в живую повседневную речь.

В обществе, для которого подтекст важнее прямого высказывания, эсхрофемизм — вещь обыденная. И довольно занимательная для граждан. Поделаться они все равно ничего не могут, так хоть похохмят.

И вот, как ту гимназию в старом университетском городе, доменную зону.рф начинают со стоп-листа. Дело это благородное: оградить сограждан от соблазна лишить товарища Худякова буквы «д». Как писал великий русский поэт Георгий Оболдуев, «в каждой просперити есть угроза утраты второго «п». Поэт знал, к кому обращаться.

Ступив на узкую и извилистую дорожку стоп-листов, обязательно упруешься вот в какой выбор. Запрещать тебе слово «чудак», чтобы кто-нибудь не дай бог, не подменил первую букву, или сразу изъять из обращения букву «м», чтобы кто-нибудь не подумал о тебе того, чего ты и сам опасаясь. Между тем оснований подумать так у будущего обитателя кириллической зоны.рф, открытой для всех желающих осенью 2010 года, предостаточно.

Начинается все с невинного желания. «Нам хочется, чтобы зона.рф была чистой, беленькой и пушистой», — заявил весной 2009 года глава КЦ Андрей Колесников.

Желание понятное. Но вывод из него сделан чудной. Сначала от экспертов потребовали создать алгоритм, который автоматически отсеивал бы все неприличное. Эксперты честно признались, что тогда ничего не получится, например, с греблей.рф. Что заодно подорвет и спортивный престиж страны.

Но поставивший абсурдную цель, видимо, должен идти до конца.

В итоге решено, что стоп-лист для зоны.рф будет статическим: в нем просто перечислят все запрещен-

ные названия доменов. Колесников сообщил «Маркеру», что пополнение стоп-листа продолжается. По его оценкам, в списке будет около тысячи слов. По утверждению источника, близкого к КЦ, слова для перечня черпаются из специальных словарей.

Кстати о специальных словарях. Мне, например, очень нравится словарь московского арго Владимира Елистратова. Лексикограф честно предупреждает читателя, что за время тотального запрета на некое слово из трех букв функции этого ужасного запрещенного и как бы не существующего монстра приняли на себя в языке горожан всякие популярные имена — от абдуллы и бельмондо до фантомаса и ясера арафата. Если бы москвичи вспомнили, что великий Роберт Бунзен был иностранным членом Российской академии наук, в список псевдонимов непременно попал бы и он. Но список и так длинный. Настолько длинный, что у любителей белого и пушистого просто меха не хватит, чтоб прикрыть весь этот срам стоп-листами.

Ведь люди, говорящие на своем родном языке, в выборе слов никогда не подчинятся никакому начальнику. Скажу больше. Их не остановит ни бог, ни душа, ни мать. Их не остановили заградотряды и Сталин с Берией. Почему? Потому что от эсхрофемизма есть только одна защита — прямой и открытый разговор без фиги в кармане. Например, прозрачные правила свободного распределения доменных имен.

При виде стоп-листа глаза полезли на лоб у всех. Питерская газета «Фонтанка» собрала мнения на этот счет разных людей. Один из них, пользующийся ником *dolboeb* интернет-гуру и создатель новостных интернет-изданий *Vesti.ru*, *Lenta.ru*, *Gazeta.ru*, *NEWSru.com* Антон Носик, так оценил работу «специалистов ЗАО „Технический Центр Интернет“, входящего в структуру администраторов доменов верхнего уровня *.ru*, *.su*, *.рф*» и собирающего, а иногда, вероятно, и выдумывающего слова для стоп-листа:

«В полном списке содержатся несколько тысяч единиц, включая и вполне предсказуемые матюги (в довольно затейливых формах и сочетаниях), и вполне невинные вульгаризмы с жаргонизмами („абортмахер“, „армячок“, „фиг“, „фуфло“, „хохотунчик“), и какие-то совершенно недоступные моему пониманию лексические единицы („борделен“, „девство“, „минжа“, „рехем“, „сафизм“, „северок“).

Питерский историк Лев Лурье предложил на этой основе начать национальную лингвистическую игру: «Убежден, что россияне смогли бы придумать еще более непристойные эвфемизмы. Это прекрасная лингвистическая игра, которую нам предложило правительство. Мне кажется, что и Смольный, и районные администрации должны сделать нечто подобное».

Взрослое общество само договорится, что принять, а что отвергнуть. Но по старинной русско-советской привычке заработал стоп-лист. Всего за несколько недель в этом списке изгоев оказалось уже несколько тысяч запрещенных. Умные и пушистые не надеются на массовое добронравие облезлых и глупых, видимо, из-за острой нехватки честных образцов примерного поведения и добронравия. А то бы непременно подтянулись. И сам Бунзен цел остался бы, и все эта химия нашей хитроумно не всегда понятно устроенной речи.

Съесть вашего президента, или О месте Януковича в пищевой цепочке российского премьера

Робин Бобин Барабек
Скушал сорок человек,
И корову, и быка,
И кривого мясника

Веселая «английская песенка» Корнея Чуковского под названием «Как надо дразнить обжору» первой приходит в голову, когда слушаешь сообщение

об очередном непомерно прозрачном высказывании премьер-министра РФ В. Путина, сделанном 27 апреля 2010 года:

По его словам, украинская сторона «выкатила» непомерную сумму «\$ 40–45 млрд за десять лет». «За эти деньги я бы съел вашего президента и премьер-министра вместе взятых, но не могу», — иронично заметил премьер РФ, добавив, что «за эти деньги несколько баз можно построить, но для нас главное — это развитие сотрудничества с Украиной».

Тот, кто подумает, что на премьер-министра РФ снова повлияла «атмосфера» политического хамства, окружающая его итальянского коллегу Сильвио Берлускони, ошибется.

Еще больше ошибется тот, кто заговорит о виртуальном людоедстве «кровоавой гебни». Людей у нас, кажется, не едят — не Европа. Мочат, травят, взрывают, но не едят.

Это метафора такая. Некоторые информгентства даже на всякий случай прокомментировали сообщение: «иронично заметил». А раз иронично, значит, подтекст какой-то должен быть. Какой?

Что Виктор Янукович мужчина большой и питательный, это и так видно. Пусть не такой нежный, как Юлия Тимошенко, он все же питательнее, чем был предположительно отравленный диоксинами Виктор Ющенко. То есть сама готовность тем или иным образом съесть такого человека собеседнику В. В. Путину должна быть понятна. Собеседник может не соглашаться с формой высказывания, но в направлении метафорической пищевой цепочки никаких сомнений быть не должно.

И все же за кажущимся эмоциональным высказыванием премьер-министра Путина — вполне рациональная политическая теорема. 45 млрд за один Севастополь на четверть века — слишком дорого. За эти деньги уже не военные базы продавать надо, а прези-

дентские и премьерские полномочия на всей вверенной территории.

Слово «съесть» здесь термин не гастрономический (как бы питателен ни был свежеизбранный президент Янукович), а чисто бюрократический. В русском обиходе «съесть», например, начальника — значит добиться его отставки и самому сесть на его место. Поэтому слова Путина «съем вашего президента с премьер-министром в придачу» означают: «Да, сегодня вся ваша держава, друзья, этих 45 млрд долларов просто не стоит. И мы вас пока не покупаем — мы вам корму подсыпаем, просто заботимся о вашем развитии».

Ведь премьер-министр РФ помнит продолжение песенки про Робина Бобина Барабека, который съел

...И телегу, и дугу,
И метлу, и кочергу,
Скушал церковь, скушал дом,
И кузницу с кузнецом,
А потом и говорит:
...«Съел бы, но не могу».

Тут свое-то не получается переварить: все эти пропахшие икрой, порохом и керосином северокавказские метлы и кочерги. Как ни крути, но обратно в чрево исторической родины не торопятся забираться даже близлежащие белорусские телега с дугой.

Новый теоретический вывод Владимира Путина из невозможности проглотить Украину — помогать этой стране в развитии! Этот вывод отличается здравым постколониальным расчетом. Как жаль, что Робин Бобин Барабек уже «скушал сорок человек».

Тильзит против Советска, или О том, как может выглядеть мирная дорога на Кенигсберг

Многие российские города имеют в народе разные названия. Например, одни жители Волгограда назы-

вают свой город Сталинградом, другие — Царицыным, третьи все-таки — Волгоградом, как он и называется на всех картах. При этом официальное название так и не стало настоящим именем. Это и понятно: оно было предложено с кондачка — надо было поскорей присыпать волжским песочком имя Сталина, а возвращение городу имени «Царицына» было в советское время совсем немыслимым делом — идеология не пускала. Но и спустя тридцать лет, по горячим следам роспуска СССР, вернуть городу исконное название не удалось по той же причине, по какой остались прежние имена у Свердловской и Ленинградской областей: горожане досоветские названия — Петербург и Екатеринбург — восстановили, а деревня осталась при именах советских вождей.

Таких исторических треугольников и географических квадратов накопилось в стране великое множество. Петербург — Петроград — Ленинград — Петербург, Владикавказ — Орджоникидзе — Дзауджикау — Орджоникидзе — Владикавказ. И число их непрерывно растет. Под конец 2009 года фракция коммунистов даже внесла в Госдуму предложение запретить в России на 10 лет всякие переименования республик и населенных пунктов. Лиц, наделяющих мир новыми именами раньше называли ономатетами, а теперь это специалисты по неймингу.

Этих неймеров становится все больше, обстоятельства меняются все скорей, но как выбрать единственно правильное имя, если в памяти одного поколения уместились три разные исторические эпохи?

А возвращение имени это ведь и частичное возвращение к желательной исторической эпохе. Иначе говоря, попятное движение может быть шагом для движения вперед. В этом смысле и нужно понимать желание вернуть имя Тильзит городу Советску.

Сейчас, когда Европа вплотную приблизилась к Калининградской области, самое время не просто

вспомнить о славном восточнопрусском прошлом региона, но приступить к деятельному восстановлению благополучия процветавшего некогда края.

Разве что фитиль военной составляющей прикрутить. Тем более что начался этот старо-новый нейминг с тильзитского сыра. Этот сорт, надо сказать, раньше тоже назывался «советским». Но советский сыр исчез с прилавков еще до исчезновения советской власти. А тильзитский, появившийся примерно через год после роспуска СССР, народ начал покупать и есть. Правда, город Советск Тильзитом не стал.

Потому что применительно к Калининградской области оставалось одно маленькое «но». Единственной исторической легитимацией пребывания этого региона в составе сначала РСФСР, а затем и его преемницы — Российской Федерации, — является раздел Восточной Пруссии победителями по итогам Второй мировой войны. Строго говоря, сам этот эксклав есть живой памятник победного окончания войны. Но и только. За 65 лет полноценно освоить регион Россия не смогла. Точнее сказать, она его интегрировала в свое социально-экономическое и политическое убожество. И никакого сыра.

Спасти положение собственными силами, т. е. не сблизив регион экономически, политически и социально с более развитыми в этом отношении странами-соседями — Польшей и Литвой — едва ли возможно. И тут, видимо, некоторым реформаторам захотелось заняться коллективным нейролингвистическим программированием. Есть такая в России лженаука для припудривания побледневших от советской власти мозгов.

Барон Мюнхгаузен вытаскивал себя из болота за косицу. Солипсисты-энэлпешники думают, что можно заговорить реальность. Но тильзитского сыру от них все равно не допросишься.

Им возражают, что, мол, надо спросить мнение местных жителей. Все-таки название населенного

пункта, в котором им и дальше жить. Вот и о жителях вспомнили.

Кто же прав? Как ни парадоксально, в вопросе о Тильзите я на стороне энэлпешников. Начнем с Тильзита и дойдем до Кенигсберга, или Кенига, как уже давно величают город его молодые жители. Поднимите руки, кто помнит всесоюзного козла Калинина!?

Да, вся эта политическая штукатурка калининградов и советсков была оплачена кровью сотен тысяч солдат, депортацией и гибелью сотен тысяч женщин и детей. Но и за советскую власть, т. е. зазря, уложили в могилы миллионы людей. А отменили советскую власть в 24 часа. И Ленинград переименовали несмотря на трагическую блокаду.

В начале 1930-х годов Николай Олейников прочитал в ленинградской газете объявление «Николай Иванович Гнида меняет имя на Владимир» и написал об этом стихи, ставшие пророческими. Советск вроде бы свой в доску. А Тильзит вроде бы чужой. Но сегодня Тильзитский мир 1807 года нам ближе, чем 1946-й, год переименования Тильзита в Советск.

Иначе говоря, всплывшее в региональных дебатах имя «Тильзит» — лишь проговорка политического класса: чтобы что-то изменить, нужно зажмуриться и потребовать чуда. Объявить бывшее — небывшим. Вон, кремлевские «третий Рим» возрождают с хоругвями наперевес, ленинградские — Санкт-Петербургу имя вернули, зато строения, кажется, поставили под снос. Вы хотите кусочек золотого века? Берите, но только помните, что переименования сулят и новые, подчас самые неожиданные последствия. Или, как их теперь называют, «вызовы».

Товарищ, или О том, как скоро стало вновь приемлемо и возможно это обращение

С чем только ни сравнивают язык. Он — и серебро,

и парное молоко, и мед, и яблоки, и свет, и огонь, и бронза, и гранит, он прочнее мрамора и стали. Зверски полезная, нужная и вкусная вещь. Но — и самая обманчивая тоже: ведь он у нас без костей. А это уже про язык религиозных и политических деятелей, или про язык лжи. Такой язык уподобляют уже не меду, но яду, да и другим стихиям — ветру и воде. А в прошлом, двадцатом, веке его впервые уподобили дереву. Вот о деревянном языке и поговорим.

В самом слове «деревянный» ничего плохого нет. Буратино вон тоже деревянный, а Карабас-Барабас с Дуремаром такие же, как мы с вами. И все равно Буратино человечней Дуремара. Что же имели в виду ученые люди, когда назвали формальный язык бюрократии и покорного ей казенного человека деревянным? На этот вопрос недавно проще и точнее других ответил лингвист Николай Борисович Вахтин. Это язык, ключевым словам которого не противопоставлены их отрицания. Язык, который претендует на то, чтобы все, им сказанное, считалось истиной в последней инстанции. Оттолкнемся от этого вахтинского определения.

Претензия на истину сначала оглушает, а потом иссушает. Сначала вас радуют дружные всходы идущей за вами и не сомневающейся в вашей мудрости зеленой молодежи, а потом вы и сами не замечаете, как ваша идеология превращается в дрова. Вы удивляетесь, почему это в мозгах ваших сторонников эти дрова не горят? Вы хотите *«жара молодых сердец»*? Но печек деревянных не бывает, поэтому деревянный язык, несмотря на свое горючее название, не горит, хотя и не тонет. А когда у носителей деревянного языка не остается средств для познания, выясняется, что играть на чужих мозгах нечем: дубинка — плохая замена смычку. И тогда ваше идеологическое дерево начинает гнить.

Вот вам пример из жизни. Прекрасное слово «товарищ». Старинное обращение, позолоченное самим

Пушкиным: *«Товарищ, верь, взойдет она...»*. Товарищем называют, конечно, не всякого, товарищей у нормального человека всегда мало. Но вот к детям и внукам Пушкина пришли идеологи и сказали: а мы вам сделаем так, чтобы товарищами были все. Да что товарищами — братьями! Почему же в XX веке «товарищество» и «братство» начали деревенеть на глазах? Вряд ли из-за того, что в досоветском бюрократическом языке слово «товарищ» употреблялось в значении «заместитель», хотя кто-то и может подумать, что это первый шаг к формуле «у нас незаменимых людей нет». Дело в другом: когда товарищами принудительно объявлены все, оказывается, что настоящие «товарищи» — только некоторые, но именно они почему-то и решают, кто тут — товарищи, а кто — нет. О братстве даже и не говорю: оно и вовсе кончилось братвой.

Была такая хохма на закате сталинской эпохи: «Как сообщили нам руководящие товарищи, среди нас, товарищи, есть товарищи, которые нам, товарищи, совсем не товарищи!» Носитель языка пытается хоть как-то спасти простое человеческое значение, вытаскивая хоть одно живое волоконец из этой идеологической веревки. Но — не получается. Поэт Всеволод Некрасов в 1970-х напишет свой гениальный ответ Пушкину:

Товарищ, верь, взойдет она!
Товарищ прав.

«Служили два товарища». Один — друг, коллега, свой, близкий по духу. А другой — казенный, деревянный товарищ майор госбезопасности первого ранга. Или товарищ Сталин.

Тот самый «товарищ», который нам, якобы, «дороже всех красивых слов».

Товарищ, который всегда прав.

«Тамбовский волк тебе товарищ» — вот ответ этого товарища — от вертухая и гражданина начальника

до генерального секретаря ЦК КПСС — человеку. Так, незаметно, всего за одно поколение, прошедшее после отмены «господ» и «сударей», официальный товарищ и перестал означать друга, коллегу, своего, близкого по духу. Он стал — на деревянном языке — обозначать человека казенного, вон того, за тебя решающего, тебя просвещающего да поправляющего.

За это деревянное злоупотребление старым верным «товарищем» — за «дорогого товарища Брежнева», за «товарищ урожай» и за «товарищ комсомол» — носители языка до сих пор платят друг другу взаимным раздражением. Ведь у одних в нашей стране «товарищ» — это по-прежнему тот, кто всегда прав, и только потом — пушкинский единомышленник и соратник. Но у других-то — наоборот! Они, может, и хотели бы, как Всеволод Некрасов, говорить на одном дыхании «Товарищ, верь!..» Да вот не задается с солидарностью, потому что как раз тошнит.

Ведь оба товарища сидят внутри одного человека. Вот почему из-за казенщины не может не вылезать живое и настоящее. А задушевной лирике не можно не фальшивить.

«Товарищ Сталин, вы большой ученый...» От вас тошнит, товарищ.

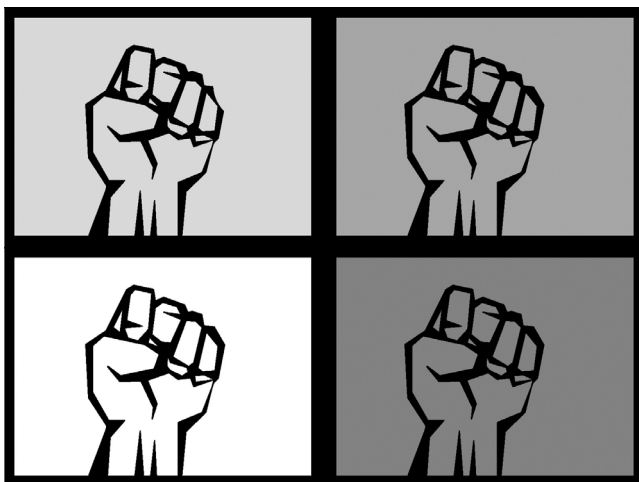
«Некоторые товарищи думают... Эти товарищи ошибаются...» От вас тошнит, товарищи.

Товарищ Ленин, ну совсем не хочется жить около вашего открытого гроба и тела. Товарищ песня, ты уж, пожалуйста, не лейся больше, а?

Так бы и пребывал я в товарищеском унынии, в разъедающем душу сарказме, если бы звонкий голос студентки, родившейся в 1991 году, не разбудил меня.

— Товарищи! — обратилась к сокурсникам девушка Анастасия (самое популярное имя набора конца нулевых годов). — Никто моего Солженицына не видел?

Тут я проснулся. С чувством, которое, возможно, испытал Александр Иванович Герцен, когда его раз-

будили декабристы. Но шел январь 2010 года, я тихо спал на собственной лекции и машинально записал в дневнике: «Все проходит, прошла и постсоветская эпоха. Новое поколение, кажется, снимает остроту нашего момента».

Пусть с нейтральными обращениями в стране по-прежнему напряженка, пусть бывшие интеллектуалы, самодовольно чавкая, величают друг друга «правыми» и свысока, но не с высоты, поплевывают на левизну. Может быть, возвращается и левый утопизм? Черт его разберет! Ведь словом «товарищ» называют друг друга и фашисты! Кто победит? Бог его знает! Но слово-то по-прежнему живет, оно снова задышало. Пусть для зюгановской комшизы — это уже даже не дрова, а кизяк, который они выгребают из-под кремлевской стены. Вчера еще, казалось, деревянный, сегодня «товарищ» зеленеет в трех пересекающихся враждебных молодежных сообществах — в левом, в национал-большевистском и в правом.

С красными, с розово-бежевыми и с красно-коричневыми цветочками. Дожидаясь ягодок, не удивляйтесь: ведь это советский деревянный язык стал перегноем для того, что растет сегодня и что мы далеко не всегда понимаем. Угроза и надежда здесь сплавлены загадочным образом. И разгадки этой загадки я не знаю.

Уничтожить

Всякое высказывание имеет по меньшей мере четыре слоя. Во-первых, оно сообщает о событии.

Например: «Человек убил мышь».

Во-вторых, оно показывает, как говорящий представляет себе событие. Из слов «человек убил мышь» не следует, что «сильный убил слабого». Тогда бы мы сказали: «Человек, а мышь убил». Не следует, что «свой убил чужого». Тогда бы мы сказали, что «люди истребляют мышей». Высказывание «человек убил мышь» вполне нейтрально. Поэтому третий слой в нем не заметен.

Но он есть.

В высказывании содержится и желательная картина будущего, картина того, что хотелось бы видеть. Например, едва ли кто скажет: «Человек уничтожил мышь». Почему? Да потому что уничтожение — превращение в ничто, отмена существования — слишком сильное слово для сообщения об убийстве мыши.

А когда говорят так? Когда эмоции перевешивают разум. Хотелось бы, чтобы крыс и мышей не было, вот и говорят об «уничтожении» крыс и мышей. Между тем всем известно, что без самоуничтожения человека уничтожить крыс и мышей нельзя. И кошек заводят не для уничтожения мышей, а для отпугивания и отваживания их от дома.

Зачем же говорят об уничтожении крыс и мышей? А в рекламных целях. Чтобы выдать желаемое за действительное.

Реальность больно, жестоко наказывает за ложь.

И вот вам пример из жизни. Сколько ни пишут о террористах, всякий раз употребляют слова «уничтожить» и «ликвидировать». В значении «изничтожить», «известить», «истребить», «сделать не существующим».

А ведь речь идет только о том, что предполагаемого преступника убили. Именно и только убили. Как в случае с мышью из первого примера.

И это выясняется уже в следующем предложении, из которого следует, что у убитого (т. е. как раз не «уничтоженного в качестве террориста») остались последователи, которые, как полагают, в отместку за одно убийство совершают несколько новых.

На днях два грустных политических клоуна выступили с заявлением, что, мол, сообщения СМИ о терактах являются чуть ли не признанием в соучастии в терактах. Не посмеялись над клоунами только ленивые. А ведь в их словах была доля истины. Правда, не там, где они сами думали.

И тут мы подходим к четвертому слою любого сообщения. На этом четвертом слое все высказывания связаны между собой и — со словарем. Это — слой проверки сообщения на ошибку.

Если перепроверка показала, что употребленное вами слово ошибочно, вы должны заменить его другим, более подходящим.

Если вы знаете, что убийство террориста привело к появлению «смертниц», значит, вы не можете употреблять слова «уничтожение» и «ликвидация». Убийство, приведшее к другим убийствам, не есть «уничтожение». Вы хотите сказать, что относитесь к террористам как к нечисти и к нелюдям? Высказывайтесь в специально отведенных для этого местах. Но от сообщения СМИ ждут не впечатлений, а фактов. Ради выражения своего искреннего отношения зачем обманывать и самих себя, и своего читателя. Кошка рапортует о поимке этой мыши, а не об уничтожении мышей.

Филолухи, или Почему языком занимаются до математики

Есть противоречия, над которыми некоторым не очень приятно задумываться. И вот вам пример. Большинство людей вовсе не считают так называемые гуманитарные науки науками. Некоторые доходят до того, что сводят все к противопоставлению физиков — лирикам. При этом физики (математики, астрономы и т. д.) — это представители науки, настоящего дела. А всякие болтуны-филологи (и производные от них философы, историки и прочие ботаники в плохом смысле этого слова) — это лирики, т. е. люди, занятые в лучшем случае подтанцовкой. Допустим, что так оно и есть. Но тогда сразу возникают вопросы на засыпку.

Возьмем только один. Почему ученые естественники и представители точных наук, пользующиеся неизмеримо большим авторитетом, чем все гуманитарии вместе взятые, не могут развернуть школьную программу так, чтобы дети с младых ногтей приобщались сначала к естественным наукам и математике, а только потом переходили к менее строгой лирике и «болтологии филолухов»? Почему сотни лет школьники во всем мире начинают с самой что ни на есть лирики — с языка и литературы?

Даже при советской власти, которая самое себя именovala продуктом великой науки, эта схема сохраняла силу. Да что советская власть: вся система образования, унаследованная от античности, строится на так называемых семи свободных искусствах. Для них еще в Средние века придумали замечательную мнемоническую формулу

lingua, tropus, ratio, numerus, tonus, angulus, astra
(буквально: язык, риторика, логика, арифметика, музыка, геометрия, астрономия)

Итак, первыми в школе изучают три словесные дисциплины: грамматику, риторику и логику — тривиум, отчего тривиальным мы и называем нечто общепонятное. Точнее, нечто такое, о чем не совсем прилично даже говорить, так хорошо оно всем известно.

Почему же исторический законодатель хотя бы не разбавил традиционный тривиум математикой? Почему естественно-научный блок перенесен на следующую ступень школы — в квадравиум, который в Средние века включал математику, музыку, геометрию и астрономию и куда теперь входит второе больше дисциплин?

А потому, что главным носителем любого знания остается не сама наука и не научный аппарат, а быденная речь.

Тот бытовой язык, на котором к человеку — большому и маленькому, старому и молодому, женщине и мужчине — обращается другой такой же человек. И если до любой науки не научить человека разбираться в членораздельной, разумной и логичной речи, то вся остальная наука пойдет псу под хвост.

Недавно умерший великий математик Владимир Арнольд оставил воспоминания, написанные им после тяжелейшей травмы, когда, по словам врачей, жить ему оставалось, может быть, несколько месяцев. Арнольд прожил после этого еще 13 лет и успел рассказать в своей книге, что для него, ребенка военного времени, наука началась с захватывающего представления первоначальной сложности.

Быть может, главным для меня выводом из моих частых детских разговоров с замечательными учеными разных специальностей было ощущение глубокого единства всех наук (включая не только математику, физику и астрономию, но и лингвистику, и археологию, и генетику), да и всей европейской культуры, от Лукреция до Бенвенуто Челлини и от Марка Аврелия до капитана Скотта.

Чем же обеспечено это «глубокое единство»? Только одним — понятным ребенку языком образованных взрослых. Арнольд и забрал с собой в математику от- роческий опыт складного и внятного разговора. Вот как он об этом пишет:

Алексей Андреевич Ляпунов, математик и логик, демонстрировал детям теорию Канта — Лапласа образования Солнечной системы, вращая в колбе смесь анилина с глицерином, пока анилин не собирался в подобные планетам шары. И он же давал нам читать сочинения шлис- сельбуржца Морозова, дискутировавшего историческую хронологию с астрономических позиций; но при обсу- ждении этих проблем никогда не возникал тот вздор, которым их окружили безответственные продолжатели Морозова позже.

Как это так? Сложную физическую теорию можно объяснить с помощью простого фокуса. А дорогу к простым и достоверным историческим фактам нужно пробивать через «вздор» «безответственных» уче- ных? Почему?

Да потому что и Ляпунов, и Арнольд знают: в этой самой филологии — ключи ко всем дальнейшим ум- ственным действиям человека. Та школа аргумента- ции, которую получаешь до математики. Математика ее разовьет и подымет на новую высоту. А вот заме- нить не в состоянии.

Ведь если бы строгий язык математики мог заме- нить обыденную речь, — да хоть бы одному матема- тiku! — это уже давно вызвало бы цепную реакцию и перекинулось бы и на всех остальных, обеспечив человечество счастьем строгого научного познания. Достаточно оглянуться вокруг себя, чтобы понять, на- сколько далека реальность от такого торжества науч- ного знания. Вы скажете, что и гуманитарные науки не принесли счастья человечеству. Совершенно вер- но: но вовсе не потому, что они недостаточно научны.

И наоборот, ученый-естественник без тривиальной гуманитарной подготовки, в котором вдруг пропнулся интерес к истории или литературе, вдруг на наших глазах может потерять последние остатки научности и стать шаманом на службе вздора. Часто — под знаменем теории, объявляющей себя единственно научной.

Стало быть, обыкновенное здравомыслие — с его ошибками и трюизмами — очень даже нужно людям. Особенно тем, кто только начинает путь к знанию. Просто как противоядие от слишком сильно действующего синтетического яда. Для того самого равновесия, ради которого детям сначала рассказывают сказки и поют песенки и только потом объясняют печальные законы природы.

Хам и его язык

Иногда политики оговариваются по-крупному. Например, на закате своего правления, в конце 1981 года, Леонид Ильич Брежнев вместо «нефтяники Азербайджана» сказал, обращаясь к так называемым труженникам так называемой братской южной республики, «нефтяники Афганистана». В одной точке соединилось слишком многое, чтобы сегодня просто шутить над этой оговоркой. Представим себе: всего через 10 лет после этих слов генсека КПСС советские войска покинут Афганистан, прекратит свое существование СССР, чуть ли не четверть населения братской южной республики переберется на жительство в Россию. А вот розлив нефти по трубопроводам Евразии станет камнем преткновения в не очень похожих на братские отношениях между Россией и ее южным соседом. Вот вам и «нефтяники Афганистана». Но это мы сейчас понимаем всю многозначительность и неслучайность случайной брежневской оговорки. Бывает, однако, что и высказывание с далеко

идушим расчетом становится невольной проговоркой о будущем. Второй президент (2000–2008) и нынешний премьер-министр РФ В. В. Путин войдет в историю выражениями, которые в момент произнесения многим казались довольно лихими. Но вот по прошествии нескольких лет под громкими «мочить в сортире» или «жевать сопли», делать обрезание корреспондентам и распределять уши мертвого осла среди соседей некоторые обнаруживают обидную жидкость политического фундамента. Лицо, занимающее высокий пост в государстве, должно понимать, что каждое его высказывание может стать долгоиграющим политическим символом. Символом — с собственной, от политика уже не зависящей, динамикой развития. А обычно и вовсе ведет себя не только не как воробей, но и прямо как бумеранг.

Траектория его полета иногда загадочна. Вот, например, слова президента РФ Д. А. Медведева о «хамском воровстве» неких высокопоставленных чиновников.

10 августа на встрече в Сочи глава контрольного управления администрации президента РФ Константин Чуйченко доложил Медведеву о результатах проверки, проведенной по факту закупки 170 томографов в государственные лечебные учреждения на общую сумму в 7,5 миллиарда рублей. «Цены томографов, которые у производителей стоили от 16 миллионов рублей, в итоге доходили до 90 миллионов рублей», — заявил он и добавил, что прибыль посредников при этом доходила до 55 миллионов рублей за один прибор. «Я лично дам указание Генпрокуратуре и руководству СКП, чтобы все, кто к этому причастен, понесли суровое, серьезное наказание», — сказал Медведев, назвав происходящее «хамским воровством государственных денег».

Высказанное по довольно частному поводу, оно интересно тем, что дает моральную характеристику обычному противоправному действию. Казалось бы,

зачем называть воровство еще и «хамским»? Для ответа на этот вопрос полезно обратиться к другим высказываниям президента, сделанным за последние годы. Так, 26 февраля 2008 года СМИ сообщили о желании тогда еще первого вице-премьера Медведева «отучить от хамства и равнодушия Пенсионный фонд России». Особенно интересна формулировка «обычные для нашей страны случаи хамства в отделениях Пенсионного фонда».

Став президентом, Медведев выступил 13 ноября 2008 года в защиту сельских производителей, которым приходилось платить взятки, издевательски названные «бонусами». За то, что сельхозпродукция вообще попадет в торговую сеть. И снова Медведев сформулировал свои претензии к чиновникам так: «Мы понимаем, что за этим красивым словом по сути скрывается элементарный хамский побор. Ведь сельский производитель — слабый, не может конкурировать с торговой сетью на равных...».

Так что же такое это «элементарное хамство», которое для третьего президента РФ является чуть ли не политическим фактором?

Значение слова «хамство» не так просто, как некоторые думают. Пришедшее к нам из словаря библеизмов, слово это восходит к тому знаменитому эпизоду, когда сын Ноя Хам поглумился над своим пьяным и беспомощным отцом. Проклятье за глумление легло на сына Хама Ханаана и его потомков, а состояло оно в том, что потомкам этим суждено было стать холопами своих соплеменников. Отсюда распространенное понимание хамства как врожденного порока агрессивного холуйства — особого свойства низменных людей в момент слабости хозяина коварно и подло предавать того на осмеяние или поругание, как это сделал библейский Хам со своим отцом.

Например, в немецком языке слово «хамский» употребляется в более узком значении — «злорадный».

По-русски же «хам», «хамский», «хамство» — это более широкое понятие. Это, если хотите, и отголосок классового расизма, представление, что человек холопского звания от рождения наделен некими низменными свойствами, которые рано или поздно делаются видимыми для всех.

Это значение прочитывается и в высказываниях Медведева. Во всех трех приведенных случаях под хамством понимается особый род глумления людей, облеченных властью, над людьми, власти не причастными. Пенсионный фонд хамит пенсионерам, торговая мафия хамит крестьянам, наконец, некие воры как бы от имени руководства страны хамят остальному населению. Даже если думать, что в лексиконе действующего президента РФ «хам» и «хамство» — только дежурное моральное порицание, значение его весьма интересно. «Хамскими» Медведев называет действия людей, посаженных, как когда-то говорили, на кормление. Вместо того чтобы тихо сидеть на своем кормлении, эти люди, по обычаю нашей страны, вознеслись над другими, такими же, как они сами. Иначе говоря, хам здесь — это приподнятый начальством человек, который не может, по самой натуре, не превысить своих полномочий.

В слове «хамский» прочитывается досада: вам, взявшим из наших рук во-о-от такие полномочия, показалось мало, и вы решили совсем раздеть бессильного и безропотного. Вы не только грабите, но и в открытую глумитесь над беспомощными обируемыми согражданами. Конечно, и обируемые сограждане могут быть такими же хамами. А повернись колесо фортуны удачным для обируемых образом, и они в свой черед с тем же упоением поглумятся над ныне распоясанным «хамским отродьем».

В 1906 году, чуть больше века назад, Дмитрий Мережковский написал свое знаменитое пророческое эссе «Грядущий хам». Сегодня эссе, пожалуй, вряд ли будет понятно широкой публике: люди в России давно

не читают тех авторов, которых анализирует и с которыми полемизирует Мережковский. Но вот сжатое резюме трактата довольно просто. Мережковский видит угрозу России в трех ликах Хама.

Первое, — говорит он в 1906 году, — это настоящее — над нами, лицо самодержавия... китайская стена табели о рангах... Второе лицо прошлое — рядом с нами, лицо православия, воздающего кесарю Божие... Мертвый позитивизм православной казенщины, служащий позитивизму казенщины самодержавной. Третье лицо будущее — под нами, лицо хамства, идущего снизу — хулиганства, босячества, черной сотни — самое страшное из всех трех лиц...

Десять лет спустя — в 1917 году — Грядущий Хам начнет свое шествие по России. Он доберется до самой верхотуры социальной лестницы. А в начале 1990-х годов многим покажется, что этот тип уходит в прошлое. Но за нулевые годы хам, жлоб — чиновный, олигархический или простонародный — снова окреп. В начале нулевых он выполнил, так сказать, свое задание номер один. И заговорил-забалагурил. Понял, что может себе позволить все. И снова стал угрозой номер один и для государства, и для обыкновенных людей.

Мне трудно судить, в какой мере такую угрозу осознает сам главный оратор страны. Но пусть в речах Медведева эта критика присутствует в гомеопатических дозах, в конечном счете вытеснение хамства с политической сцены — дело демократического общества, а не тех, кто ловит сигналы сверху. Даже если эти сигналы вам понравились.

Цифровой век, или О том, как двадцать первый век прощается с книгой

Злоупотреблять выражением «двадцать первый век» начали еще в конце века двадцатого. Особенно

у нас в стране, где строительством светлого будущего для всего человечества занимались аж с 1917 года. Одна моя радикальная одноклассница в середине 1960-х отзывалась на недовольство ее поведением со стороны пожилой общественности так: «Гляди, бабка (или дед), в комунизм не возьмем!» Угроза действовала безотказно: общественники, знавшие, что могли означать такие дискуссии в недалеком прошлом, ретировались, чтобы не вляпаться в политическую историю. Тем более что коммунизм тогда намечался на 1980 год. Как бы то ни было, а XXI век начался не только без надежды на коммунизм, но и без советской власти.

И вот, на рубеже прошлого и текущего столетий возникло несметное множество фирм, журналов, издательств, в названии которых так или иначе замелькал этот самый XXI век. Некоторые называют его «веком цифры». От него многие ждут инноваций, если кому-нибудь не нравятся слова новизна и обновление. Несколько дней назад на форуме, посвященном десятилетию портала Грамота.ру, довелось мне послушать рассказы издателей словарей, внушавших аудитории, казалось бы, очевидную мысль: двадцать первый станет веком заката книжной культуры, какой мы ее знали последние пятьсот лет. Особенно, говорят, словари бумажные никому уже не будут нужны. Какой словарь сравнится по богатству с multitrans'ом или с переводческой машиной гугла?

И все-таки книга не умрет, как не умер театр после изобретения кино, а потом вместе с кино пережил и создание телевидения. По одной-единственной причине. Книга — это тело. И текст, в ней напечатанный, — татуировка на этом теле, а вместе с читателем — его душа. А электронная книга — лишь носитель текста, которого на самом деле одномоментно нет нигде. Вернее, он, конечно, есть. Но только виртуально — там, где телесность не имеет значения. А нас-то с вами только оно и интересует, одушевленное тело!

Вот у меня перед глазами книга. Большая книга, вышедшая в тбилисском издательстве «Мерани» в 1978 году. Переводы с грузинского Бориса Пастернака и Николая Заболоцкого, Арсения Тарковского и Павла Антокольского, Бэллы Ахмадулиной и Евгения Евтушенко. Откуда она у меня? А вот откуда. В начале ноября 2010 года я торопился под дождем на электричку. Смотрю — какие-то мужики выгребают из мусорного контейнера книги. И грузят в тачку. Десятки книг. Все больше поэтические сборники. Оказалось, что это была выкинутая кем-то на помойку библиотека поэта Виктора Федоровича Бокова (1914–2009). Десятка полтора поэтических сборников и мне удалось рассовать по карманам и запихнуть в портфель. Но дождь усиливался, и я был даже рад, когда на обратном пути не увидел контейнера на месте: целлюлозно-бумажное месиво увезли.

А большую книгу Карло Каладзе в черно-белой суперобложке я спрятал под пиджак. Потому что в юности был знаком с этим замечательным поэтом: тучным, с львиной гривой. Я слышал его голос. А читателям этой книжки лучше известен Виктор Боков: никто не обязан быть поклонником поэта, но отрицать, что его стихи про оренбургский платок или про молодого моряка, который едет на побывку, стали народными песнями, невозможно. Поэт умер 15 октября 2009 года. И вот ровно через год и две недели наступил, так сказать, его двадцать первый век. Тот самый, когда книги больше не нужны, потому что все можно скачать, найти, перелистать.

Кроме дарственной надписи на титульном листе: «Замечательному поэту и замечательному человеку Виктору Бокову в знак взаимной дружбы. Карло Каладзе. Диоскурия, 1980».

ЧВС: МХКЛАПКВ

Чему нас учат «золотые слова» Черномырдина?

Далеко не каждый политик уходит, оставив не-скольким поколениям такую заповедь, о которой го-ворят: «Золотые слова». Что в них золотого? Они со-храняют силу даже и тогда, когда большинство людей начисто забывает время, обстоятельства произнесе-ния и даже имя автора. Таковы и некоторые mots Вик-тора Степановича Черномырдина. Но поскольку они на слуху у всех, кажется, что все их и понимают оди-наково.

С цитатами знаменитых людей все, кажется, упро-стилось: и в России появились в последние двадцать лет словари цитат, а сегодня, коротко заглянув в сеть, всякий узнает, кто первым сказал «деньги не пахнут», а кто — «мы рождены, чтоб Кафку сделать былью».

Вторая фраза, запущенная в брежневские годы не-давно умершим великим сатириком Вагричем Бахча-няном, возможно, и не так всеобъемлюща, как сло-ва, приписываемые императору Веспасиану. Но свою трагикомическую эпоху эта искаженная цитата, став-шая формулой, покрывает лет на двадцать с гаком — от середины 1960-х до начала 1990-х годов. Траги-комическую именно потому, что до сих пор трудно поверить в случившееся. Те самые люди, которые всех призывали «сказку сделать былью», ухитрились дове-сти самую большую страну в мире до самороспуска. Несмотря на победу в кровопролитной Второй миро-вой войне, несмотря на почти полную безропотность населения, Кафка стал-таки былью.

Кому-то обидно, что это будущее предсказал не синклит экспертов, а поэт и хохмач. У Франца Каф-ки есть рассказ «Метаморфоза», в котором коммивоя-жер Грегор Замза превращается в жука, и люди только тогда начинают понимать, как на самом деле устрое-на их жизнь. В строке из советской песни Кафка занял

место сказки точно так же, как жук занял место коммивояжера. Получается, что Вагрич Бахчанян ничего не придумал, а только ясно увидел, что именно происходило в стране.

Формулу последних двадцати лет отчеканил Виктор Степанович Черномырдин. Другой такой, истине всенародной, не создал для нашего времени никто. Конечно, обязательно найдется книгочей, который напомним, что первым эти слова публично произнес вовсе не ЧВС, а сто лет назад... Петр Алексеевич Кропоткин, тот самый великий анархист, чьим именем названа известная станция метро. Но на слуху и на устах граждан МХКЛАПКВ все-таки только от Черномырдина. Могут спросить, а почему это так уж важно? От покойного премьера вон сколько всяких изречений осталось: у фольклористов-любителей счет пошел на десятки. Есть, мол, хохмы поострей, фразы позабористей. Может, и есть, вот только привычка посмеяться в сем офисе над анекдотом мешает расслышать в этих словах нечто гораздо более важное.

Всякий лингвист расскажет вам о четырех взаимосвязанных функциях языка — выразительной (ее для важности называют экспрессивной), общенческой (коммуникативной), познавательной (когнитивной) и управленческой (манипулятивной). Больше всего разговоров обычно о выразительной и общенческой. Познавательная и управленческая занимают только специалистов. А жаль. Иначе Черномырдина не объявляли бы эдаким абсурдистом, а «черномырдинки» его — сказанными ради красного словца. Я не уверен, что ЧВС читал книгу Кропоткина. Но что у него точно было на слуху, так это растиражированная у нас в 1990-е годы формула П. А. Столыпина, который в 1909 году заклеил тогдашних оппозиционеров: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Кто сочтет хитрецов, пытавшихся в девяно-

стые и нулевые годы уже нашего века манипулировать общественным мнением с помощью этой риторической пустышки?

Но Столыпина террористы убили задолго до Первой мировой войны, а разоренную Романовыми «великую Россию» суждено было железной рукой восстанавливать большевику Сталину. В том числе и по рекомендациям Столыпина, чье имя так и осталось в языке привязано к галстукам-виселицам и спецвагонам для заключенных.

Нетрудно заметить в формуле Черномырдина саркастический отклик на заочный спор Столыпина и Сталина. Оба, вероятно, хотели как лучше. Это желание проистекает из самодовольной уверенности, что эти «мы» уж точно знают, как лучше, эти «мы» не нуждаются в советах посторонних — избирателей или оппозиционеров. Но столетний эксперимент дал «нам» отрицательный результат. Не надо больше идеологических задач и сверхценных идей. В этом и состоит познавательная ценность самой золотой «черномырдинки».

Чичеринский зеленый и коса Тимошенко, или О путешествиях русских слов в немецкий язык и обратно

С какого момента можно с уверенностью сказать: слово вошло в язык? Есть такой простой критерий: когда этим словом начинают пользоваться для обозначения другого предмета. Например, осенью 2010 я прочитал в одной немецкой газете рецензию на новую постановку «Бури» Шекспира. Исполнительница Миранды была с косой Тимошенко. Без кавычек. Оказалось, что за 2009–2010 год это выражение стало распространенным и не нуждающимся более в объяснениях наименованием косы известного нам сейчас типа. Сейчас, когда я пишу эти строки, мне извест-

но, что политической деятельнице Юлии Тимошенко пришлось изменить имидж и расплести эту ее косу. Да хоть бы и отстричь: в памяти чужого языка, в другой стране слово уже успело прочно зацепиться. И теперь употребляется без всякого дополнительного политического значения. Что будет дальше? А вот что: говорящие по-немецки люди будут знать, что такое коса Тимошенко, но со временем — нуждаться в комментариях. Хоть Юлия Тимошенко не первая обладательница такой косы, зато сама коса будет носить ее имя. По-русски дело обстоит, в общем, не иначе. Разница лишь в том, что отношение к Юлии Тимошенко в России слишком пристрастное, поэтому коса Тимошенко это пока еще не нейтральный факт языка, а политическая эмблема.

Удивительно в судьбе подобных словосочетаний одно: как же быстро забывается первоисточник. Вот пример: в немецком языке есть два обозначения зеленого цвета, которые иначе как загадочными не назовешь. Один цвет называется «русским зеленым» (*russisch grün*), а другой — «чичеринским зеленым» («*Tschitscherin grün*»). Лет десять назад мне написал об этом слове немецкий лингвист, еще подростком ослепший в результате бомбардировки Дрездена, а всю свою незрячую жизнь посвятивший изучению цветообозначений. В Германии одни обозначают этим выражением зеленый с оливковым (серо-серебристым) отливом, другие — едкий цвет брильянтина — «зеленки». Считается, что источник обозначения — цвет униформы первого советского министра иностранных дел Георгия Васильевича Чичерина, подписавшего Брестский мир в 1918 году. Моего знакомого лингвиста интересовало, знают ли этот цвет в России. Нет, говорю, вот «русский зеленый» знают, он в разных таблицах присутствует, а чичеринский, кажется, почти никому не известен. А ведь судя по различиям в понимании самого цвета, не исключено,

что Чичерин в нашем «чичеринском зеленом» вовсе не нарком, а его дядя — известный энтомолог Тихон Сергеевич, занимавшийся жужелицами, много бывавший в Германии и печатавшийся в европейских журналах. Насколько мне известно, никто пока что не докопался до разгадки, а жаль.

Но если «чичеринский зеленый» тихо живет себе в немецком языке и на родину не просится, то у «коктейля для Молотова» — бутылки с зажигательной смесью, опробованной финскими ополченцами в борьбе с советскими танками в 1940 году, в Германии и России совсем другая судьба. Из адресата Молотов незаметно превратился чуть ли не в изобретателя этого орудия партизанской войны, и называют эту штуку теперь уже «коктейлем Молотова». Немцы позаимствовали выражение у англичан и широко применяют в качестве неполитического названия любой самодельной зажигательной бомбы. Самое удивительное, что в Россию слово явилось именно в этом новом значении. Одновременно с «коктейлем Молотова» под чужим, немецким, именем сталинский орган появляется иногда в СМИ и знаменитая «Катюша». Значение слова «Молотов» в названии изделия изменилось. Для финнов это — имя агрессора и мишень для броска, для американцев и англичан — союзник, ну, а немцы и русские получили его из англоязычных СМИ. Правда, с разрывом в полвека.

Самый проницательный историко-филологический анализ этого выражения дал художник Александр Косолапов в 1989 году. «Коктейль Молотова» у Косолапова — это бутылка кока-колы в руках знаменитой американской труженицы с плаката времен Второй мировой войны, а сам соучастник сталинских преступлений представлен в виде безобидного старичка «дяди Бена» с американского логотипа детского питания или чего-то в таком роде. В 1989 году Россия быстрыми шагами шла навстречу свободному

миру. В широко распахнутые потребительские объемы Косолапов и метнул продукты советского экспорта, неожиданно залежавшиеся на мировых виртуальных складах.

Есть такая шуточная шкала реагирования на родное слово в устах иностранца. Француз в разговоре с человеком, плохо говорящим по-французски, морщится и сразу переходит на плохой английский. Немец старательно исправляет ошибки иностранца, плохо говорящего по-немецки. Англичанин не обращает никакого внимания на ошибки плохо говорящего по-английски. Итальянец приветливо улыбается ошибкам иностранца, пытающегося говорить по-итальянски. Русский перенимает ошибки иностранца, плохо говорящего по-русски, и с удовольствием воспроизводит их, забывая правильное слово. В правдивости этой байки может убедиться всякий, интересующийся судьбой двух главных русских слов, угнездившихся в немецком языке за последнюю четверть века.

Некоторое время назад Михаил Сергеевич Горбачев снялся в собственной роли в рекламном ролике австрийских железных дорог. Последний глава СССР, которого возят на лимузине по стройплощадкам или вдоль трасс, завершает каждый микроэпизод, с нажимом произнося: «Перестройка!» Третье слышим мы это слово по-русски и видим его в субтитрах в немецком переводе, пока президент не оказывается на втором этаже залитого светом вагона, где произносит ударную для автора ролика фразу: «А это уже не только перестройка, но и гласность!»

Объясняется все просто: немцы ассоциируют слово «гласность» со стеклом — Glas, а вовсе не с русским «голосом». Поэтому в сознании заказчиков рекламы glasnost это первый видимый результат политики, прозрачность финансово-экономических и политических отношений, очевидность успеха, а вовсе

не условие «перестройки» в виде свободы слова. Для авторов ролика тут нет ничего особенного. Удивительно другое: человек, который самолично ввел оба эти ключевые слова в свою эпоху, даже и называемую его именем, с такой легкостью перешел на немецкий, хотя и говорил по-русски.

В начале 1990-х годов мне однажды довелось переводить для Михаила Сергеевича. Дело было в Бремене. Официальный переводчик тогдашнего канцлера Гельмута Коля побоялся гнева Бориса Ельцина и не захотел появляться в кадре с опальным Горбачевым. Другого переводчика у организаторов не оказалось, и я часа полтора переводил для М. С. Г. с немецкого на русский, а моя коллега-немка — с русского на немецкий. Из того разговора мне запомнилось только одно замечание Горбачева: перестраивать нечто приходится сравнительно редко, а гласность нужна все время, каждую минуту. Так что слова не стоят на месте. Они путешествуют, а иногда возвращаются к источнику. На австрийском поезде в обратном переводе с немецкого на русский, из уст того самого политика, за которым 25 лет назад их повторял весь мир.

Эйяфьятлайокудль

Извержение исландского вулкана давало шанс и время подумать о вечном.

Извержение вулкана под неправдоподобно прекрасным названием Эйяфьятлайокудль в апреле 2010 года застало меня в славном норвежском Бергене — ближайшем к Исландии большом городе нашего континента. Погруженная в свои мысли коллега-соотечественница на факультете переспросила: «Что-что? Исламский вулкан? Ах, исландский...» И интес сразу угас. Как оказалось, зря. После 11 сентября 2001 года природа и в самом деле, кажется, соревнуется с террористами: вы мне взрывы и пожары, я вам —

цунами и землетрясения. А тут все четыре стихии встретились в Эйяфьятлайокудди. Или Эйяфьятлайокудле? Или правильнее Эйяфьядлайёкюдль, Эйяфь-яллайёкюль?

Легко догадаться, что я не сам сейчас набил это слово со слуха или по памяти, а просто скопипейстил его из источников один другого достовернее. Раньше был только язык без костей, а сейчас вот и копипейст без затей.

Кажется, будто новое слово можно играючи перенести на бумагу, сочинить про него смешное стихотворение, включить его в какую-то игру с продолжением. А язык, мол, сам решит, что ему делать с этим событием и грозным именем, которое кое-кто старается, в порядке суеверия, выучить, чтобы в случае чего заговорить ему зубы. Но невыговариваемое имя дракона северной мифологии, оказывается, всего-навсего описание вулкана, который притаился под ледником, а жертвоприношений требует только раз в двести лет. Но слово все равно внушает многим мистический ужас. Остров горного ледника? Что это такое?

Эйяфьятлайокудль-змеиное-тело. Говорят, цена на нефть сначала упадет, а потом снова взлетит, когда из-за похолодания потребуются дополнительные источники энергии. При виде этого длинного слова лучше понимаешь значение выражения «пищевая цепочка»: в начале ее миллиардные потери авиакомпаний. А в конце — простой человек, который просто не может выговорить ни Эйяфьятлайокудль, ни Эйяфьядлайёкюдль, но уже мерзнет в предчувствии глобального потепления.

Несколько десятилетий назад журнал «Наука и жизнь» напечатал перевод научно-фантастической повести Фредрика Брауна о нашествии волновиков — космических пришельцев, не имевших тела, но питавшихся радиоволнами. Сначала они съели телевизионные и радиосигналы, потом полностью ли-

шили людей электричества. Профессор с говорящей фамилией Шельмец заявил, что пришельцы никогда не покинут землю, поскольку питаться они теперь будут грозowymi разрядами, досыта наедаясь тучными молниями.

Эйяфьятлайокудль, цунами и землетрясения не лишили человечество электричества. Но представить себе небо, надолго закрытое тучами из стекольной крошки, еще труднее, чем выучить слово Эйяфьятлайокудль, а тем более более правильное Эйяфьядлайёкюдль.

Зачем оно выползло, такое красивое, невыговариваемое и грозное? Такое похожее на крокодила, который «в небе солнце проглотил», и на греческого Тифона, который «издох, шипя» и которого боги завалили горой на Сицилии. Значит, язык сохраняет в нашей памяти детское представление об «огнедышащем». Кто сильно взволнован непонятным, не случайно испытывает потребность правильно произнести чужое сложное имя. Ведь это первый шаг на пути

овладения ситуацией, доказательство самообладания. По-исландски оно звучит предательски коротко. А по-русски это все-таки целая поэма. Попробуйте спеть Эйяфьядлайёкюдль на мотив песни «Я люблю тебя, жизнь». Мелодия удобная: так, на мотив песни «Сулико» в 1970-х гг. сотрудники советского радио запоминали имя первого монгольского космонавта Жугдэрдэмидийна Гуррагчи. Но Гуррагча был друг, а проснувшийся вулкан — враг. Как отспорить у него жертвоприношение?

Ученые говорят, что Эйяфьятлайокудль может испортить погоду, но не климат. А не научившиеся правильно произносить это грозное имя люди гадают, чем же недоволен Эйяфьятлайокудль. Буровыми установками в мировом океане? Испытаниями глубинных бомб? Высасыванием из-под поверхности земли миллиардов кубометров газа?

Чем больше наука нас успокаивает, тем сильнее мы волнуемся.

А что если Эйяфьядлайёкюдль недоволен пренебрежительным отношением к своему загадочному имени? Блоггериня Елена Эфрос-Кототуй спрашивает, почему названия вулканов такие похожие — Эйяфьядлайёкюдль и Попокатепетль, Этна и Гекла?

Этот шуточный вопрос совсем не такой простой, как кажется. Ведь сейчас суеверных не меньше, чем тысячу лет назад, когда норвежцы, ирландцы и другие искатели приключений осваивали безлюдный огненно-льдистый остров и давали имена тамошним гейзерам и ледникам. Эйяфьядлайёкюдль получил длинное сложносоставное имя, а Гекла — короткое, в переводе просто «капюшон» или «колпак». Его запоминают сразу и не копируют в сетевых разговорах об извержении. А Эйяфьядлайёкюдль стал жертвой копипейста. Не говорили о нем всю неделю только ленивые. На всякий случай. У страха и глаза велики, и имя длинное-предлинное. Кто его знает, чем оно там кон-

чится. Может быть, как только люди научатся бегло и правильно произносить его, тут и извержению конец?

Книга Брауна о грозных невидимых волновиках кончается полным отказом человечества от военно-технического прогресса. Наряду с сельским хозяйством, катанием на лошадях и велосипедах, люди нашли себя в художественной самодеятельности. В каждой деревне появился шахматно-шашечный клуб и свой симфонический оркестр. Гужевой транспорт и парусный флот возвратили человечество 1950-х в XVIII век. Профессор Шельмец оказался большим любителем музыки и ономастом-любителем. Напавшим на землю невидимым существам он придумал имена, назвав их космиками, волновиками и нетварями. К концу книги начинает казаться, что Шельмец сам подстроил попятное движение истории, потому что не любил современность. И было за что.

Но наши времена еще интереснее. Ведь если последствия извержения будут катастрофическими, современную науку востребуют, как стали говорить в конце двадцатого века, по полной программе, а ее торжество совпадет с появлением нового мифологического дракона по имени Эйяфьядлайёкюдль. Если же вулкан быстро выдохнется, стало быть, она же, наука, посрамит суеверных лентяев. За то, что те так и не успели выучить прекрасное имя без копипейста, кто — Эйяфьядлайёкюдль, а кто — Эйяфьятлайокудль.

Явка с повинной, или Состав без события

Журналисты часто повторяют за теми, о ком они пишут и кого считают экспертами, некоторые устойчивые ошибки. Не потому, что халтурят, просто кому-то ведь надо доверять. Врачу или юристу, например. Другое дело, когда сами правоприменители начинают вести себя как плохие журналисты. Тут по-

ложение гораздо серьезнее. Оно ставит под сомнение основания общественного согласия.

Несколько раз в жизни мне доводилось встречаться с людьми, отбывшими длительные сроки заключения и ссылки за не совершенные фантазмагорические преступления. Один, например, сидел за «подготовку к террору», другой — за попытку прорыть туннель «из Ленинграда в панскую Польшу».

Когда в конце 1950-х обоих фигурантов сфабрикованных дел реабилитировали, один из них удовлетворился формулировкой «за отсутствием состава преступления». А другой сказал: «Нет! Тут отсутствовало само событие преступления».

— Да какая вам разница? — спросил юрист в погонах.

— Огромная, — ответил мой знакомый, — ведь если не было события преступления, есть шанс хоть когда-нибудь да привлечь к ответу людей, которые выдумали это самое событие и тем самым преступили закон. Если же нет только «состава преступления», то получается, что что-то там все-таки было, просто недостаточно улики собрали.

А вот другой пример. Его привел в своем письме в редакцию «Ленты.ру» инженер Виктор Ильич Френкель, заметивший, что в последнее время авторы статей на правовые темы в разных изданиях повторяют — как под копирку — «написал явку с повинной». Господин Френкель понимает дело таким образом:

Если подозреваемый задержан, и чистосердечно признался, то явки с повинной тут нет. Задержанный никуда не может явиться, с повинной или без. Самое большее, что он может сделать — чистосердечно признаться. Но это не «явка с повинной». «Явку с повинной» вообще нельзя «написать», явка — это поступок. Явку можно только совершить. Путаница в понятиях «явка с повинной» и «чистосердечное признание» опасна и может приводить к недоразумениям.

Оттолкнувшись от этого наблюдения, мы увидим новое языковое чудо, или неточность с подтекстом. Ведь в самой неправильности выражения «написал явку с повинной» имеется своя логика. Формально эта штука называется эллипсис, или опущение для краткости части высказывания. Предполагаемый полный вид фразы такой: «написал [заявление, которое следовательно мог бы приобщить к делу как] явку с повинной».

Чудесного же в этой фразе вот что: тут сама формулировка — помимо воли говорящего — указывает на высокую вероятность подлога. «Написать явку с повинной» может означать многое — от «пойти на самооговор под давлением следствия» до «подкупить следователя и предстать явившимся с повинной». Может даже показаться, что это — перевод с иностранного на русский, сделанный зрителем телесериалов. Кто сталкивается с правосудием в телесериалах и так уверен: в ходе расследования любого дела нарушается никак не меньше статей УК, чем в ходе совершения преступления.

А некоторые словосочетания из приведенных в письме читателя кажутся на первый взгляд не совсем уместными в УК. Например, «чистосердечное признание». Почему не просто «откровенное»? Что за странный лирический архаизм: как измерить эту самую «чистосердечность»? Недоверие человека к органам правосудия понятно. Он бы и рад явиться с повинной головой (как видно, и выражение «явка с повинной» эллиптически: в нем пропущено слово «голова» — та самая «повинная голова», которую «меч не сечет»). Однако как раз повинная голова и знает: можно промахнуться. Потому что в России «дело» незаметно заводится уже на стадии «слова».

А у слова юридического есть и еще одно измерение: оно должно внушать почтение к языку права как к чему-то более значительному, чем естественный язык. Вот пример. Попросите любого юриста внятно

объяснить, чем дознаватель отличается от следователя. Вам ответят — да это почти одно и то же. Дознаватель, мол, занимается всякой мелочью. Прибавь ему полномочий — он станет следователем. Убавь — и надобность в самом институте дознания отпадет окончательно. Тонким отличиям дознания от предварительного следствия посвящен — после очередной юридической реформы во второй половине нулевых годов — с десяток диссертаций. Авторы некоторых жалуются на бессмысленность самого института, аналога которому в развитых в правовом отношении странах нет. Но у нас этому старорусско-советскому термину довольно одного лингвистического оправдания: слово красивое и серьезное. Правоприменителю ведь нужен такой словарь, чтобы хоть чуть-чуть, но приподнял бы юридический язык над обыденностью. А заодно создал впечатление преемственности новой системы у дореволюционной российской. Тут тебе и Дума вместо Совета, и Управа вместо Исполкома, и важный пристав вместо ничтожного судебного исполнителя.

Однако же и в самом низу, среди потерпевших и клиентов судебной и пенитенциарной системы, тоже перенимают архаику. В XVIII веке, в самые лютые времена «слова и дела», «шли в повинку», чтоб своим самодоносом ослабить кару, полагавшуюся из-за чужого навета. И сейчас, в начале XXI века, говорят «нарисовать повинку». А что если и «написать явку с повинной» это никакой не эллипсис, а перевод с народного на казенный?

Законодатель не может предписать обществу строгих формулировок, особенно когда и сам не слишком тверд в естественном языке. А исполнителям, как и простым смертным, здесь, на земле, ближе опять-таки не естественный язык, а жаргон. На одном милицейском форуме взялись выяснить, куда идут сотрудники милиции (СМ) после выхода на пенсию. СМ, выступивший под ником «Плохой хороший полицей-

ский», дал такой ответ: «Опера — в службы безопасности и детективные агентства, следки и дознаки — в адвокаты, пэпсы — в ЧОП».

Получается, что иногда вместо старинного юридического термина нам просто подсовывают блатной жаргон. А это угроза совсем другого масштаба.

Вот относительно свежий пример.

После 31 числа очередного месяца 2010 года премьер-министр РФ описывал противоправные действия вверенной ему полимиилии с помощью оборота «дубиной отоваривают». Не стану говорить о фактической стороне дела: ни в каком российском законе не написано, что милиция может бить граждан по головам за участие в собрании в поддержку Конституции. Но премьер-министр допустил характерную оговорку: вместо официального названия «резиновая палка» он решил воспользоваться разговорным словом. Чтоб было попроще и подходчивей, наверное. Вот только дубиной называют по-русски две вещи — человека, до которого медленно доходят простые истины, и «дубину народной войны».

В данном случае, передавая оговорку или проговоруку политика, журналисты поступили совершенно правильно. Но последствия юридических ошибок такого рода придется расхлебывать всем, а не только тем интеллигентам, что все еще готовы лизнуть полицейскую дубинку.

Написал это и подумал, что от пафоса избавиться невозможно. Особенно тогда, когда речь заходит о дубинке. Потому что слово «пафос» переводится с греческого на русский то как «страдание», то как «атрибут», то как «претерпевание». Некоторые думают, что рассуждать строго логически значит рассуждать из-под палки. И определенная доля истины в таком утверждении есть.

Ведь что такое претерпевание и страдание, если не беспредельная зависимость от собственных свойств —

врожденного характера или благоприобретенной функции? Вот ведь и милиционер-полицейский, вооруженный дубинкой или жезлом, не только гордится этим своим атрибутом власти на дороге и в городе, но не может не испытывать разнообразные страдания от этой вещи. Право полицейского указать дубинкой место, где должен остановиться другой человек, это источник тяжелой зависимости. Тысячи автоинспекторов и просто полицейских каждый день испытывают жестокие страдания от своих атрибутов, но могут не понимать, что это — страдания, не узнавая их ни в слове, ни в боли.

Алфавитный указатель

- 1789 · 10, 92
1906 · 213, 214
1917 · 8, 10, 92, 93, 214, 215
1920-е · 15, 148, 149, 151
1922 · 75
1930-е · 15, 16, 33, 59, 151, 152, 195
1933 · 150, 151, 187
1937 · 17, 102
1938 · 178
1939 · 17, 60
1942 · 39
1945 · 75, 90, 177, 179
1949 · 177
1952 · 64
1953 · 74, 158, 180, 187
1955 · 179
1956 · 16, 74
1957 · 116
1968 · 16, 74
1970-е · 9, 19, 20, 27, 163, 197, 220
1978 · 210
1981 · 205
1989 · 10, 134, 135, 158, 216
1990-е · 8, 19, 35, 61, 135, 144, 162, 177, 187, 209, 212, 213, 217
1991 · 8, 10, 29, 199
2001 · 31, 218
2004 · 95
2006 · 25, 95
2008 · 35, 36, 64, 102, 133, 153, 205, 206, 207
2009 · 63, 84, 92, 96, 116, 142, 171, 188, 193, 211, 214
2010 · 43, 47, 70, 75, 77, 78, 98, 104, 117, 120, 121, 132, 145, 153, 155, 161, 175, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 188, 191, 199, 211, 214, 218, 225
2011 · 30, 113
- African American · 24
- Bojewiki · 35
- cool · 33, 227
- fail · 34
- football · 59
- gamer · 62
- Geberit (фирма) · 159
- glasnost · 34, 217
- overcharge · 144
- PSA Peugeot Citroën · 161, 163
- reset · 144
- rugby · 59
- Schinken · 61, 62
- SEELANGS · 37, 144, 145
- Silowiki · 35
- sputnik · 34, 227
- Tschitscherin grün · 220
- yo-moyo · 38

- Абрамян, Левон · 165
 Августин Бл. · 78
 авоська · 163
 Австрия · 21, 99, 180–183, 222–223
 акцент · 20–22, 26, 103
 Алексеева, Людмила · 69
 Алексей Второй · 49
 анахронизм · 33, 154, 191
 английский язык · 31, 33, 34,
 59–61, 68, 70, 72, 108, 144–149,
 155, 161, 177, 195, 222
 Андреева, Ольга · 140
 анекдот · 11, 24, 78, 98, 100, 103,
 115, 127, 150, 153, 154, 168, 218
 антикризисный · 138
 Аполлон · 86, 159, 175,
 Аристотель · 66
 Арманд, Инесса · 73
 Арнольд, Владимир · 207–210
 Ассанж, Джулиан · 43–45
 Астахов, Павел · 140
 Африка · 10, 21–23, 27, 89
 афтар лох · 42
 Ахиллес · 51, 67
- БАБ см. *Березовский Б. А.*
 Барто, Агния · 117–118
 Бауэр, Бруно · 91
 Бахмина, Светлана · 64
 Бахчанян, Вагрич · 217–218
 Башкирия и Башкортостан ·
 28–32
 бебibuмеры · 66
 бек · 59–61
 Бердяев, Н. А. · 90–91
 Берег Слоновой Кости · 27
 Березовский, Б. А. · 109, 189
 Берлинская стена · 134–138
 Берлускони, Сильвио · 116, 196
 Би-би-си · 177
 биллборд · 139
 блогосфера · 31, 41, 54, 117, 169,
 172, 176, 189
- блог-хостинг · 172
 бложник · 32
 БМВ · 9, 163
 Бодуэн де Куртенэ, И. И. ·
 130–132
 Боков, Виктор · 215–216
 Большая Дмитровка, улица · 104
 Большой Каменный мост · 140
 Бомбей см. *Мумбай*
 Боннэр, Е. Г. · 146, 189
 Боровицкие ворота · 140
 борьба бобра с козлом · 30–33
 бражник · 32
 Браун, Фредрик · 24
 Брежнев, Л. И. · 11, 154, 171, 203,
 210, 217
 Бродский, Иосиф · 17
 Брудастый, Дементий Варла-
 мович · 158
 Булгаков, М. А. · 8, 15
 Бунзен, Роберт · 192–195
 Бэкон, Френсис · 107–109
 бэха · 163
 бюджетник · 83
- Вавилон · 19
 Вайцзеккер, Ф. фон · 182–183
 валентинка · 78
 вариативность · 33, 51, 58, 77,
 81, 148, 174
 Вахтин, Н. Б. · 201
 вебдванольный · 41–43
 Вера Павловна · 157
 Веспасиан · 217
 видеоблог · 67
 Википедия · 68
 вирусная валентинка · 79
 Волга · 16
 Волгоград · 197
 восьмерка (группа
 государств) · 45
 вратарь · 61
 Высоцкая, Ольга · 20
 Высоцкий, Владимир · 151, 192

- Галковский, Дмитрий · 115
 Гамзатов, Расул · 67
 гандбол · 61
 Ганимед · 141–142
 Гарри Поттер см. *Поттер*
 Гаухман-Свердлов, Марксэн · 18
 ГДР · 136, 180–183
 Геба · 141–142
 Геббельс, Йозеф · 187–188
 Гегель, Г. В. Ф. · 70
 Гейдельберг · 192–195
 Гейм, Андрей · 122
 геймер · 61–63
 Гейтс, Билл (Bill Gates) · 122
 Гельфрейх, В. Г. · 104
 гендер · 79, 88, 89
 Геродот · 64, 107, 108
 Герцен, А. И. · 203
 Гигес · 107, 108
 Гитлер, Адольф · 10, 17, 74, 183, 187, 189–192, гласность · 114, 222–223
 Глупов (город) · 158
 Гоголь, Н. В. · 158
 Гозман, Леонид · 86
 голкипер · 59–61
 Горам, Майкл (Michael Gorham) · 144
 Горбачев, М. С. · 49, 114, 222–223
 Грамота.ру · 215
 грамотность · 7, 8, 29, 31, 39, 40, 83, 84
 графен · 122, 125
 греческий язык · 59, 80, 91, 94–95, 141, 231
 Григорьева, Елена · 70
 гриппозный нос · 118
 Гроссман, Василий · 147
 ГРУ · 83
 грузины, грузинский язык · 19, 148, 152, 216
 грядущий хам · 213
 гулявник · 176–177
 Гуррагча, Жугдэрдэмидийн · 226
 Даль, В. И. · 20, 130–132, 134
 двадцатка (группа госу- дарств) · 45
 двадцать двадцать · 8
 двадцать двенадцать · 8
 двушка · 9–12
 Дедал · 142, 144
 Дерипаска, Олег · 99–100
 Джобс, Стив · 122
 Дзержинский, Ф. Э. · 120, 158
 Диккенс, Ч. · 30–33
 дисклеймер · 172
 дискриминация · 21–22
 дознак · 231
 досоветское · 198, 202
 Достоевский, Ф. М. · 47, 65, 69, 158
 Дрезден · 220
 Другая Россия · 65
 дубиной отоваривать · 231
 ебанат · 37
 Европа · 9–11, 17, 19, 32, 53, 61, 66, 78, 90, 92, 97–98, 99, 112, 136–137, 143, 148, 150, 176, 180, 196, 198, 208, 221
 Единая Россия · 106
 ёкэлэмэнэ · 39
 Елдырин · 158
 Елисеевский магазин · 104
 Елистратов, Владимир · 194
 Ельцин, Б. Н. · 47–50, 109, 184–185, 223
 жевать сопли · 118, 211
 Жемкова, Елена · 176–177
 жердь · 59–61
 Живой Журнал · 15, 25, 117
 жид · 24–25, 130–133, 189–191
 Жириновский, В. В. · 25, 86
 заимствование · 31, 34, 72, 99

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Запад · 11, 21, 23, 61, 65, 66, 69, 71, 92, 116, 137, 145, 146, 176, 181–187, 191
зафрендить · 15
Зевс · 46, 140–142, 159
Зиммер, Бен (Ben Zimmer) · 33–34
Зонтаг, Сьюзан (Susan Sonntag) · 68–69
Зюганов, Г. А. · 96, 204
Зюддойчецайтунг · 34
- Ив Монтан · 15–17
Иван Грозный · 32
имагология · 177
Искандер, Фазиль · 67
- кабан · 164
Кавказ · 18–19, 21, 116, 118, 119, 137, 148–150, 176
Кадыров, Рамзан · 115–116
Казань · 124
Каладзе, Карло · 216
Калькутта (ныне Колката) · 26
Кандавл · 107, 108
Каплан, Фанни · 70–72
кариатура · 189–192
Картер, Джимми · 153
Каспаров, Г. К. · 18, 189
Кафка, Ф. · 217
кацап · 147–150
квадривиум · 208
Киевский вокзал · 37, 85
кикбэк · 34
Кирилл, патриарх · 90–91, 185
Кириллов, Игорь · 20
Клинтон, Хиллари · 144–146
Кобзон, Иосиф · 17
Ковалев, С. А. · 69
кое-где у нас порой · 138, 180
коктейль Молотова · 221
колбаса · 152–155
колбасная эмиграция · 152
- Колесников, Андрей · 193–194
Колката (ранее Калькутта) · 26
колониальное · 30, 66
Коль, Гельмут · 223
Конецкий, Виктор · 67
Конотоп, В. И. · 119–120
Констан, Бенжамен · 17
контент · 42
кончить · 95, 101
корнер · 60–61
Коровин, Илья «Мэддисон» · 8
Косолапов, Александр · 221
Кот д'Ивуар · 27
КПСС · 119, 159–161, 203, 210
Кремниевая долина · 54
кризис · 96, 138
Кропоткин, П. А. · 218
Крупская, Н. К. · 70
кто все эти люди? · 20
кто последний · 100–102
Кузнецов, Юрий · 171
кульный (cool) · 33
Кураев А., дьякон · 94–97
курва · 114
кушать · 101, 102, 129, 195
Кущевская (станция) · 108
- Лавров, Сергей · 144–146
Латвия · 103
латинский язык · 53, 55, 95, 97, 129, 147
Лебедев, Артемий · 40
Лебедев, Платон · 90
лейбл · 180
Лейбовиц, Анни · 68
Ленин, Николай (Ульянов В. И.) · 73, 104, 159, 169, 203
Лента.ру · 228
Лесков, Н. С. · 51, 177
Лимонов, Эдуард · 16
Литва · 103, 199
Литвиненко, Александр · 25, 106
литовский акцент · 19

- лихие девяностые · 9, 10, 153
 лозунг · 92–94, 113, 138, 154, 180, 191
 лох · 42, 164
 лохушка · 172
 Луговой, Андрей · 106
 Лужков, Юрий · 69, 133–135
 Лукойл · 85
 Лурье, Лев · 195
 Льеж · 28
 Любимов, Н. М. · 95
 Ляпунов, А. А. · 209
- Мальгин, Андрей · 117, 172
 Мамардашвили, М. К. · 19
 Мандельштам, О. Э. · 9
 Манилов · 156
 Манн, Томас · 182
 Марголин, Юлий · 65
 Марк Твен · 110
 Маркс, Карл · 18, 70, 90–92, 105
 Маттес, Ульрих · 187–188
 МБХ · 116
 Медведев, Д. А. · 211–214
 мем · 87, 118, 132, 133
 ментовка (ментовочка) · 57
 Мережковский, Д. С. · 214
 Меркель, Ангела · 145
 мессидж · 138, 191
 метро · 19, 20, 32, 104, 139, 155, 166–169, 218
 Микоян, А. И. · 152–154
 Минос · 142, 144
 Минотавр · 142–144
 Минск (Менск) · 29, 30, 120
 Мир без аннексий и контрибуций · 93
 МКАД · 9
 молдавский акцент · 19
 Молотов, В. М. · 118, 221
 Молотова коктейль см. *Коктейль Молотова*
 Молоховец, Елена · 129
- Монтан, Ив см. *Ив Монтан*
 мочить в сортире · 118–119, 211
 мужской день · 78
 мурзик · 163–164
 Мухина, В. И. · 87–88
- Навальный, Алексей · 173
 Наполеон Бонапарт · 10
 невезуха · 34–35
 нейминг · 198–199
 Некрасов, Виктор Платонович · 67
 Некрасов, Всеволод Николаевич · 202–203
 немецкий язык · 35, 63, 80–81, 212
 Никитские ворота · 71
 Новосибирск · 124
 Носик, Антон · 70, 194
 Нострадамус · 117
 нулевые · 9–12, 15, 19, 25, 26, 35, 41, 63, 64, 96, 109, 118, 153, 155, 165, 169, 173, 184–185, 214–215, 230
- Обама, Барак · 23–25
 Обломов, И. И. · 156
 Оболдуев, Г. Н. · 193
 одиннадцатиметровый · 60–61
 олбанский · 29
 Олбрайт, Мадлен · 145
 Олейников, Николай · 200
 олигархи · 25, 35, 49, 71, 107, 108, 213
 Орджоникидзе, Серго · 198
 орфоэпия · 20, 38
 О’Рейли, Тим · 41
 откат · 34, 173, 174
 оттепель · 10, 184
 офисный планктон · 72
 офсайд · 59–61
 Охотный ряд · 105

- падонки · 29
 Парижская Коммуна (топоним) · 120
 Пасифая · 142
 патриотизм · 99, 122, 175, 176, 177, 179
 пафосный · 115
 Пелевин, Виктор · 149
 пенальти · 59–61
 пентхаус · 71
 перевод · 24–25, 53, 54, 57, 59, 62, 66–67, 68, 76, 88, 95, 138, 144, 147, 149, 215, 216, 222–223, 224, 226, 229, 230–231
 переключатель · 59–61
 перетяжка · 138–139
 Пиериды · 175
 платник · 83
 по полной программе · 20, 227
 подготовка к террору · 228
 Познер, Владимир · 145
 политкорректность · 22–24, 28, 100,
 полузащитник · 59–61
 по-любому · 22
 помощь лишенным · 166, 168
 постколониальное · 197
 постсоветское · 29, 64, 105, 187
 Посейдон · 142
 Поттер, Гарри · 18
 Пригов, Дмитрий Александрович · 52, 151
 простой человек · 23, 55, 157, 224
 Пугачева, А. Б. · 11
 Путин, В. В. · 47–50, 115–119, 184, 196–197, 211
 Пучкова, Юлиана · 109–110
 Пушкин, А. С. · 23, 87, 92, 202, 203
 Пушкинская улица · 103, 104
 пэпс (сотрудник ППС) · 231
 Рабле, Франсуа · 95, 96, 127,
 Райс, Кондолиза · 145
 Растиньяк · 156
 Растишка · 129
 Рахметов · 156
 ребрендинг · 164, 176, 177
 регби · 59
 реклама · 8, 20, 109, 113, 127, 138–140, 153–155, 165, 166–169, 205, 222
 реклама социальная · 109
 Рембрандт · 140–141
 РоснаноТех · 121–123
 Роснефть · 173
 РосПил · 173
 рэп · 7
 Самойлов, Давид · 10
 самопиар · 125
 Саровский технопарк · 125
 светлое будущее · 215
 Светоний · 64
 Севастополь · 196
 семерка (группа государств) · 45
 семья · 16, 108, 172
 Сенека · 138
 сентиментализм советский · 87
 силиконовая грудь см. *Кремниевая долина*
 силовики · 35
 силогархи · 33–35
 симиренка (сортяблок) · 173–175
 Самиренко, Л. П. · 174
 Симона Синьоре · 16
 Синие ведерки · 94
 ситиформат · 139
 Сколково · 54, 121, 122, 124
 скоммуниздить · 96, 113
 скупая мужская слеза · 30
 следак · 231
 словарь · 26, 33, 34, 38, 40, 44, 58–59, 60, 61, 81, 83, 86, 93, 97, 113, 118, 130–132, 138, 176, 194, 206, 212, 215, 217, 230
 словоерс · 129

- слоган · 138, 139, 155
 слон · 164
 Смоктуновский, Иннокентий · 162
 Собакевич · 158
 Собчак, А. А. · 49
 событие преступления · 228
 Собянин, Сергей · 69, 156
 Советск · 200
 советское · 10, 16, 18, 20, 23, 26, 27, 29, 35, 61, 62, 66, 68, 71, 72, 74, 76, 78, 87, 93, 98, 112–113, 116, 120, 131, 132, 136–137, 140, 145, 146, 148, 150, 154, 159, 161, 164, 165, 183, 185, 190, 195, 199, 205, 230
 Солженицын, А. И. · 40, 65, 71, 129, 203
 Солидарность · 11, 73–74
 Сологуб, Федор · 143
 Солоухин, Владимир · 67
 состав преступления · 228
 спичрайтер · 47
 Станиславский, К. С. · 187
 стартап · 123
 стартапер · 123–125
 стартапный · 124
 Стена Берлинская · 11, 136–138
 Стена Кремлевская · 204
 Столица, журнал · 117, 172
 Столыпин, П. А. · 218–219
 стопицот · 11
 стопудово · 11
 строчные буквы · 158–162
 сударь и сударыня · 72, 73, 88
 суеверия · 8, 70, 102, 119, 172, 224, 226, 227
 суровая правда жизни · 15
 США · 10, 21, 22, 23, 25, 45, 65, 74, 109, 123, 124
 сын юриста · 25
 сюсюканье · 126–128
 талмуд · 62
 Тамбовский волк · 202
 тандемодемократия · 115–117
 Тарту · 70, 73
 Татарстан · 28, 124
 Тбилиси · 216
 Тимошенко, Юлия · 196, 220
 Томск · 124
 трасянка · 26
 трешка · 9
 тривиум · 208
 тюнинг · 164–165
 угловой удар · 59–61
 удафком · 29
 узкоплечные · 24
 Ульбрихт, Вальтер · 20
 Унтерштерегер, Герман (Hermann Untersteger) · 34
 управа · 230
 Урал · 16
 Урбан, Ежи · 114
 Ушаков, Д. Н. · 132
 фейл · 34–35
 фенечки · 119, 125
 Феофраст (Теофраст) · 66
 Филипповская булочная · 104–105
 Фишер, Йошка · 145
 форвард · 159–161
 формат · 139, 179
 французский язык · 16, 54, 77, 164, 173, 222
 ФРГ · 65, 136, 181, 182
 френд-лента · 172
 Френкель, В. И. · 228
 фут-бооль · 59
 хавбек · 59–61
 хавтайм · 59–61
 хакер · 31, 32
 Хальмг Танч (Калмыкия) · 28
 Хаммер, Арманд · 188

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Харлампович Св. · 78
 Харрис, Эдмунд · 176
 хацкер см. *хакер*
 Хлестаков · 158
 Ходасевич, В. Ф. · 75
 Ходор · 116
 Ходорковский, Михаил · 99, 116, 188
 холодная война · 23, 61, 137, 146, 148
 Хонеккер, Эрих · 20
 хорошенького понемножку · 132
 Хотиненко, Владимир · 8
 хохол · 25, 147
 Хуциев, Марлен · 18
- Цапко, семья · 108
 Цекри, Соня (Sonja Zekri) · 35
 Цеповяз см. *Цапко*
 цифровой · 53, 54, 168
- Чайковский, П. И. · 142
 ЧВС см. Черномырдин
 черножопые · 24
 Черномырдин, В. С. · 271–219
 черные · 21, 22
 Чернышевский, Н. Г. · 157
 Чехов, А. П. · 129, 157, 176
 Чичерин, Г. В. · 220
 Чичерин, Т. С. · 221
 чичеринский зеленый см. *Tschitscherin grün*
 чичи · 24
 ЧОП (частное охранное предприятие) · 231
- Чубайс, А. Б. · 119–125
 чувство языка · 28, 30
 Чуковский, Корней · 195
 чурки · 24
 Чэндлер, Роберт (Robert Chandler) · 147
- Шаламов, В. Т. · 65
 Швейцария · 18, 40, 64–65, 188–189
 Шмидт, О. Ю. · 15
 Шпет, Г. Г. · 30–31
 Шредер, Герхард · 88, 116, 145
 штатники · 110
- Шуко, В. А. · 104
- Эйзенштейн, С. · 84, 85
 Энгельс, Фридрих · 4, 18, 120
 энэлпэшник · 199
 эпик фейл см. *фейл*
 Эразм Роттердамский · 76
 Эренбург, И. Г. · 10, 186
 эрратив · 42
 Эстония · 27, 70, 103
 эсхрофемизм · 95, 193
 эта страна · 106–107, 183
 Эфрос-Кототуй, Елена · 226
 Югославия · 136
 Юдовский, Михаил · 117
 ЮКОС · 99
 Юмашев, Валентин · 109
 ютьюб (ютуб) · 67
 Ющенко, Виктор · 196
- Янукович Виктор · 191–195